КЛАУС КЕННЕТ

2 000 000 КИЛОМЕТРОВ *до* ЛЮБВИ

ОДИССЕЯ ГРЕШНИКА

SHOUT
SHARE
IT

-
- Клаус Кеннет
  -
  - Глава 1. Детство и юность
  - Глава 2. Бегство
  - Глава 3. Новый мир, темная магия
  - Глава 4. Индия: в поисках света
  - Глава 5. Путешествие по Азии
  - Глава 6. Возвращение к «реальности»
  - Глава 7. Снова на запад
  - Глава 8. В краю пумы[8]
  - Глава 9. Назад в старый свет
  - Глава 10. Вхождение в церковь
  - Глава 11. Новый образ жизни
  - Глава 12. Дары
  - Глава 13. Уроки
  - Глава 14. Трудный перевал
  - Глава 15. Новые двери
  - Глава 16. Помилуй меня, грешного
  - Об авторе
  - Примечания
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23

- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28

В его детстве были жестокость, издевательства и насилие. Повзрослев, он вел жизнь социального аутсайдера. На поиски любви и правды Клаус Кеннет отправился в одиночку. Его опасный путь, продолжавшийся двенадцать лет, был полон разочарований и ненависти. Он прошел через все континенты, познакомился со всеми мировыми религиями. Но ничто не могло заполнить внутренней пустоты. Переломным моментом стала личная встреча — в ситуации смертельной опасности! — с неизвестным доселе богом… Эта книга — духовная одиссея, путь от оккультизма — к любви, от индуистских гуру и буддийских монастырей — к архимандриту Софронию Сахарову, из ада — ко Христу.

Клаус Кеннет
2 000 000 километров до любви. Одиссея грешника

Klaus Kenneth

Born to Hate Reborn to Love. A Spiritual Odyssey from Head to Heart

Глава 1. Детство и юность

— Признайся, ты украл яблоко!

— Нет!

Шарах! Восемнадцатилетний парень дает мне здоровую затрещину.

— А теперь признаешься? Ведь ты украл, правда?!

— Нет, нет! — продолжаю кричать я, и меня бьют по лицу снова и снова.

— Я же видел, просто сознайся!

— Нет же, нет! — Я отчаянно протестую, хотя мне всего пять лет.

В глазах у меня все плывет, еще немного, и я потеряю сознание. Но чем больше меня бьют, тем больше закипает во мне упрямство. Я ненавижу этого детину.

— Никогда, никогда, — вопил я, — не брал я никаких яблок! Тут, к счастью, вмешались взрослые. Наши родители растащили нас в разные стороны. Они были поражены этой сценой и моим несчастным видом. В них говорила лишь жалость, и о том, виноват ли я в чем-то, никто даже не задумывался. На самом деле я действительно украл яблоко из сада хозяина, сдававшего нам дом. Но моя гордыня и ненависть ко всем вокруг не давали мне признать этот факт. Мне было легче умереть, чем сознаться.

Я был озлоблен и ненавидел весь мир, потому что мир был жесток ко мне. В будущем мне предстояло более двадцати раз стоять на пороге смерти — и всякий раз выходить из этих передряг живым. Я мог погибнуть от огня, шальной пули, бандитского ножа, от наркотиков и укусов змей. Мог стать жертвой войн, был на грани самоубийства. Меня топтали и унижали. Лишь Господь знает, что мне довелось пережить! Со временем я понял: Бог знает все. Он, по милости Своей, помнит каждого из нас, ищет и находит нас. Именно Он в конечном итоге вытаскивал меня из самых ужасных перипетий и спасал от того ада, с которым мне пришлось столкнуться.

Я всегда был мечтателем. Я мечтал о прекрасном. Но мир вновь и вновь ловил меня в свои сети, потому что я каждый раз повторял одну и ту же ошибку — доверялся не тем людям. Тяжкий опыт, полученный в самом начале жизни, заставил меня убедиться, что реальность кошмарна. Что мне было делать, чтобы выжить? Оставалось лишь не терять надежды и продолжать верить в людей.

Мои несчастья начались еще до моего рождения. Мать

никогда меня не любила. Она и саму жизнь не любила. Отчего ее душа всегда была погружена во мрак? Теперь я понимаю, как действуют силы зла. Бесы и другие невидимые духи тьмы могут управлять человеком, заставлять его принимать определенные решения. А сам он не особо и замечает, что им движет. Естественно, все это возможно, только пока он пребывает вне Божьей благодати.

Силы тьмы противостоят всему живому. Родители могут передавать одержимость детям, так что зло способно переходить из рода в род[2]. Если оценивать реальность с этой точки зрения, то неумение моей матери любить и ее отношение ко мне оказываются вполне объяснимыми. Хотя в целом надо сказать, что дети были для нее желанными и она не была против нашего появления на свет. Еще одна причина может скрываться в том, что и ее в детстве родители не любили. Думаю, она страстно хотела обрести нечто вечное, надежное — что-то, что переживет ее. Подобное желание естественно, если учесть, что ей довелось видеть две мировые войны, отнявшие у нее все. Поэтому впоследствии ее властная натура просто жаждала владеть и подчинять, и именовала это любовью.

С самого рождения я, без сомнения, находился во власти разрушительных сил. Незадолго до своей смерти мама много рассказывала, что так же, как и я, когда-то боролась со своей матерью. Духи зла не давали маме принять новую жизнь, а я принадлежал этой новой жизни, потому она отталкивала меня. Это не было ее осознанным решением. Оно просто проистекало из того состояния, в котором пребывала ее душа.

Я родился в мае 1945 года в маленькой деревушке к западу от Праги. Мои родители были в этих местах чужаками. До этого отец с матерью вполне благополучно жили в Берлине. Мама была известной оперной певицей и актрисой, а отец — дирижером. Но когда начались бомбардировки столицы, они подхватили моих старших братьев (одному был год, другому — два) и на телеге для перевозки сена отправились в южнонемецкие земли в надежде на то, что родственники их приютят.

Моя мать Ханзи Майер-Хоффман была актрисой и оперной звездой, очень популярной в Германии в 1930-х – начале 1940-х

Мой отец Ойген Майер-Цанетти – дирижер симфонического оркестра

Проезжая по территории нынешней Чехии, они не могли не заметить, что в сердцах людей, живших на оккупированных немцами землях, поселилось стойкое отвращение к нацистской Германии. Война не оставила здесь камня на камне. Города и села были разбомблены и сожжены. Тела убитых немецких солдат висели на фонарных столбах. Родители были в ужасе, но им ничего не оставалось, как продолжать двигаться дальше, надеясь спастись от стремительно наступавшей с востока Красной армии. В этот момент я и собрался явиться на свет…

Родителям пришлось сделать остановку в пути. Схватки становились все интенсивнее, и матери надо было найти тихое убежище. Отец нашел где-то акушерку, но она явилась к роженице абсолютно пьяной, так что отцу пришлось фактически самому принимать роды. Вместо кроватки меня поместили в деревянную кормушку в конюшне. Впрочем, мое пребывание «в яслях» длилось недолго — неприятель приближался. Родителям, теперь уже обремененным тремя отпрысками, удалось пристроиться в вагон товарного поезда, шедшего на юго-запад.

Это путешествие закончилось внезапно. Однажды утром в вагоне раздался грубый окрик: «На выход!» Беженцы проснулись и в страхе стали жаться друг к другу. Не успели они подняться, как

раздалась автоматная очередь. Мои отец и мать не могли по голосу определить, какой национальности был тот, кто попытался расстрелять безоружных людей. Нашу семью спасло от неминуемой гибели появление американского военного, вовремя вмешавшегося и прекратившего перестрелку. Я узнал об этом первом в моей жизни чудесном спасении гораздо позже — отец рассказал мне о нем лишь сорок лет спустя.

Вскоре меня ждало еще одно испытание. Это произошло где-то на дорогах Южной Германии. Мы голодали. Мне грозила голодная смерть. В отчаянии мать пошла по больницам, выпрашивая хоть какие-нибудь продукты. Она пыталась разжалобить врачей и медсестер, показывая им умирающего младенца. Но те оставались холодны.

— Вам сильно повезет, если он проживет хотя бы пару дней, — прямо говорили ей они. — Он не жилец. А у нас нет излишков, чтобы с вами поделиться.

Но тут меня снова спасли американцы. Солдаты принесли матери две банки сухого молока и еще какую-то еду, которая позволила всем нам продержаться. Так снова было явлено знамение Божьей любви: Господь простер свою руку и защитил младенца Клауса, не дав ему погибнуть.

Однако впереди ждали новые тревоги. Когда мы въехали в город Аугсбург, нас остановил патруль. Мою мать, молодую привлекательную женщину, солдаты выволокли из повозки, где сидели все мы, и потащили в дом начальника станции. Через некоторое время она вернулась — бледная, с перекошенным лицом, в разорванной одежде. Незадолго до своей смерти она со слезами на глазах рассказала мне, что ей пришлось пережить там и на что пойти, чтобы остаться в живых.

И вот наконец путешествие окончилось. Мы обосновались в городке Биберах. Условия там были ужасные, еды катастрофически не хватало. Но несмотря на голод, я вырос и окреп. И тут выяснилось, что недостаток продуктов является куда менее трагичным фактом, чем недостаток любви.

Не только нужда, лишения и невзгоды, но и более глубокие внутренние обстоятельства, связанные с прошлым, сделали мою мать неспособной дарить своим детям настоящую материнскую любовь. Отец был в этом смысле не лучше. Он был обаятельным, но слабым и бесхарактерным человеком. Ему только и хватило духу, что провезти семейство через тяжкие испытания после бегства из Берлина. Но долго жить в нищете он не мог. Он нас бросил вскоре после того, как мы осели на новом месте. Получилось, что в детстве я так и не узнал ни отцовской заботы,

ни отцовской защиты.

Отца возмущало то, что ему приходится влачить столь жалкое существование. Он был уверен, что достоин большего. Понятное дело: неприятно питаться одними картофельными очистками. А очень часто у нас на столе ничего, кроме них, и не было. Даже когда быт немного наладился, с продуктами было туго. Мама варила похлебку из сухих хлебных корок, которые ей отдавали сердобольные соседи. Но отец с возмущением выливал свою порцию варева прямо в окно. Он вел себя грубо и бессердечно. Наверное, даже и хорошо, что я недолго жил с ним бок о бок.

Что до матери, то она была одержима контролем над всем и вся. Возможно, отчасти причиной тому стало ее стремительное падение с вершин славы и благополучия. Она достигла пика оперной карьеры, получала огромные гонорары. Публика ее обожала. Но ее родной Берлин разрушили до основания; от театров, где она выступала, не осталось камня на камне.

Однако, как я уже говорил, проблема была не только и не столько материальной. В глазах своей матери я никогда не видел нежности. Напротив, в ее взгляде было что-то пугающее и мрачное, от чего хотелось спрятаться. Я целыми днями гулял, шатался по улицам, а иногда подолгу ждал на углу, когда мимо проедут американские танки, в надежде, что солдаты бросят мне краюху хлеба или сухое печенье. И действительно, случались отдельные счастливые дни, когда мне удавалось добыть эти трофеи.

Глупость и детское любопытство заставляли меня пить прямо из луж. Бывало, что я проглатывал дождевых червей. Когда мне было пять-шесть лет, я по ночам выбирался на крышу нашего дома, а потом съезжал вниз по водосточной трубе и пытался сбежать. Мать нередко ловила меня и лупила. Потом я стал хитрее и научился выбираться из комнаты очень тихо, когда она уже спала, уверенная, что я тоже сплю в своей кроватке.

Меня всегда, даже в совсем юном возрасте, привлекали кладбища и интересовало все, что связано со смертью. Во время своих полуночных путешествий я гулял среди могил и иногда даже устраивался там на ночлег. Я проверял себя, испытывал свою храбрость, а заодно и прятался таким образом от враждебного мира живых. Наверное, мир покойников казался надежным убежищем, достойной альтернативой той среде, в которой я существовал. А может, во время этих одиноких блужданий я искал острых ощущений, сильных эмоций, которые могли бы восполнить нехватку родительской любви.

Мои братья, казалось, куда спокойнее переживали отсутствие в доме семейного тепла. Но я не мог этого выносить. Не знаю, хорошо это или плохо, но я с детства ощущал себя особым ребенком, отличающимся от других детей. Поэтому я был одинок и озлоблен. И когда проводил ночи среди могил, мечтал, чтобы темные существа из потустороннего мира явились и наделили меня особой силой, а еще открыли бы смысл жизни.

Клаус, всегда несчастный и всем недовольный

Недалеко от кладбища находился морг. Иногда я забирался туда днем, чтобы походить среди покойников и прикоснуться к ним. Я испытывал какую-то магическую тягу к мертвым телам. Я знал, что внутри меня живет особая сила, мощный дух ненависти и отчаяния. Я ненавидел мать, школу, учителей, всех взрослых, весь мир. И из этой ненависти рождалось чувство тоскливой безысходности. Особенно сильно меня тянуло погрузиться в мир ночных существ в полнолуния. Бывало, что я в полусне, как лунатик, забирался на темный чердак нашего дома. Мать не раз наблюдала, как я иду по лестнице с закрытыми глазами. Она ловила меня и отводила обратно в кровать. Если меня запирали в комнате, то я мучился от бессонницы. Я крутился в кровати, меня ломало и корежило, я кричал от ужаса. Я оказался как бы «между мирами», и все оттого, что не знал любви. Вокруг всегда веяло холодом. Все, что я помню о тех годах, — это ощущение безнадежности, пустоты, одиночества и страха. Нигде я не чувствовал себя своим. Мне было непонятно, зачем я существую. Все казалось бессмысленным. Я и вообразить не мог, что у Бога

есть особый замысел о каждом человеке и Он уготовил каждому особую цель. Если бы даже кто-то сказал мне об этом, я бы поднял этого человека на смех.

Маленькая церковь, где я любил смотреть на мертвых людей и где прятался по ночам, когда сбегал из дома

Соседские дети чувствовали, что я не похож ни на кого из них. Поэтому они дразнили меня и издевались надо мной. Я не играл с ними, футбол меня не интересовал, хотя они пытались силой заставить меня присоединиться к команде. Иногда меня, как мячик, пинали ногами. Это причиняло не только физическую, но и душевную боль. Я был не в состоянии в одиночку противостоять им всем. О, если бы хоть кто-то из них протянул мне руку дружбы! Но никто не желал сделать шаг навстречу. Я знать не знал, что такое дружба с ровесниками. Я не знал, что значит чувствовать себя частью семьи, частью чего-то большего, чем я сам.

Я задыхался от так называемой «любви» матери, которая всеми силами стремилась подчинить мою волю своей. Я боялся этой женщины. Я часто мечтал о том, чтобы она умерла, и про себя именовал ее «черной дамой».

От ее взгляда меня нередко охватывала дрожь. Казалось, что-то ужасное шевелится в глубинах ее души. И как стало понятно позднее, я был прав. Однажды она привела меня и моих братьев в кухню и включила газ. Она собиралась покончить с собой и убить всех нас заодно. Я этого эпизода не помню — она сама мне рассказала о нем уже на смертном одре. Так или иначе, ее попытка не удалась. Не в первый и не в последний раз Бог

сохранил мне жизнь.

Остро нуждаясь хоть в какой-то почве под ногами, я принялся строить свой воображаемый мир. Он был наполнен яркими героями, которые боролись против лжи и несправедливости. Идею о том, что правда все же может восторжествовать, я почерпнул в основном из комиксов. Моим любимым персонажем был воитель по прозвищу Железный человек, чья жизнь была постоянной борьбой.

Я фантазировал о том, как можно было бы отомстить всем взрослым, отплатить им за то, как они обращались со мной, и придумывал свои собственные правила и законы. Попытки старших навязать мне общечеловеческие ценности и познакомить с законами общества были неудачными. С самого детства я никого не слушал — ни мать, ни монахинь, которые работали в нашем детском саду. Они унижали и наказывали меня — например, если я много болтал, заклеивали рот пластырем. Когда я стал постарше, меня официально признали «не поддающимся воспитанию». Но это меня нисколько не смутило. Я продолжал следовать собственному внутреннему кодексу. Любые наставники мне были не указ. Полицейских я тоже ни во что не ставил. Очень быстро выяснилось, что и с ними у меня непримиримый конфликт. Я принял твердое решение: не подчиняюсь властям и не признаю авторитетов.

В подростковом возрасте я стал отпетым хулиганом, так что ко мне потянулись другие юные отщепенцы. Ощущая во мне задатки лидера, «уличные мальчишки» стали группироваться вокруг меня, и я превратился в главаря банды. В основном мы грабили местные магазины, а также отчаянно дрались с другими такими же шайками. В ход шли палки и камни. А что в итоге? Пробитые головы и вечные синяки.

Мне приходилось изворачиваться, чтобы реже попадаться с поличным и избегать наказания. Я научился виртуозно врать, скрывая свои уличные похождения от матери и педагогов. Если дома поднимался скандал, я убегал в ближайший лес. Там у меня было убежище: я соорудил себе удобную лежанку из веток и листьев. В лесу никто не мог бы меня отыскать. Здесь можно было побыть в одиночестве, помечтать и пофантазировать.

Но иногда я все же попадался стражам порядка — после этого дома меня жестоко наказывали. Мать выходила из себя, хватала кочергу и лупила меня ею, призывая братьев, чтобы те ей помогли. Они укладывали меня на пол и держали, один — за руки, а другой — за ноги, а она остервенело била меня. Я лежал у ее ног, не в силах пошевелиться. Братья плакали оттого, что

вынуждены были участвовать в этом бесчеловечном насилии. Но моя мать не знала других методов воспитания. Сейчас я часто задаюсь вопросом: кто из нас двоих в тот момент чувствовал себя более беспомощным?

Когда люди любят и уважают друг друга, то их взаимодействие чем-то похоже на работу хорошо отлаженной и разумно устроенной гидроэлектростанции. Все водные потоки движутся в правильном направлении, при этом высвобождается огромное количество энергии. Если говорить о человеческих отношениях, то эта энергия — творческая. Однако в моей маленькой вселенной вода по капле уходила в никуда. Что до морали, тут я падал все ниже и ниже.

Моя ненависть ко всему на свете росла, а злоба и мстительность усиливались. Меня били снова и снова, мне было больно, но я старался не плакать и вообще не показывать никому своих чувств, потому что боялся, что любое проявление эмоций выдаст мою слабость — и тогда окружающие могут решить, что вышли из этой схватки победителями. Нет, дать им такой козырь я не мог. На самом деле еще в возрасте пяти лет я пообещал себе никогда не лить слезы. И хранил верность этой клятве в течение последующих двадцати пяти лет. А потом произошло событие, «прорвавшее плотину» и заставившее выйти на поверхность всю накопившуюся в моей душе горечь и боль. Но об этом я расскажу в свое время.

Как я уже говорил, вместо того чтобы давать волю чувствам, большую часть детских лет я посвятил вынашиванию планов реванша. Я верил, что наступит день, когда я окажусь сильнее всех. Но чтобы достичь этой цели, мне нужно было, как я тогда думал, научиться влиять на других. Я превратился в некоего хамелеона, способного менять окраску и носить любую маску. Таким образом, полагал я, мне удастся проникнуть в людские души и подмять их под себя. Если придется стать лицедеем, клоуном — что ж, я готов и на это, чтобы добиться своего. Я твердо решил, что мне все это необходимо, потому что я должен набрать силу и со временем наказать всех своих мучителей.

В юности с моей психикой стало происходить неладное. Я был хитер и изворотлив, но убежать от собственных демонов, порождавших внутреннее разложение и деградацию, все же не мог.

Для начала надо пояснить, что, несмотря на хулиганское поведение, временами я вполне в состоянии был неплохо учиться и, благодаря целеустремленности и сообразительности, в

старших классах сумел попасть в хорошую школу. При этом с первого дня я беззастенчиво хамил учителям, нарушал правила, вел себя вызывающе. Одним из первых в классе отрастил длинные волосы и увлекся граффити, малюя краской на стенах разные слоганы. В конце первого семестра у меня накопилось семьдесят шесть замечаний и предупреждений от администрации. Я был на грани исключения. В те дни мне отчаянно требовалось внимание взрослых, и было все равно, какими средствами, хорошими или дурными, добиваться этой цели.

Клаус всегда был белой вороной, виновным в любом несчастье. Случалось, что меня обвиняли огульно, и это особенно выводило меня из себя. Во мне жило в зачатке чувство собственного достоинства, но окружающие не давали ему взрасти и окрепнуть, потому что всегда получалось так — что бы я ни делал, я все равно виноват. Я ощущал себя загнанным в угол. Вскоре все жители нашего городка пришли к убеждению, что Клаус — корень всякого зла, которое происходит вокруг. Репутация моя была настолько ужасной, что при всяком неприятном происшествии полиция хватала меня (иногда прямо с урока) и тащила в участок на допрос. Меня часто арестовывали и регулярно назначали небольшие сроки тюремного заключения. Помню, как-то раз я провел в полиции несколько дней и там познакомился с молодыми китайцами. Они были маоистами. Мне так хотелось присоединиться к кому-то, быть частью чего-то большего, какого-то другого мира, в котором действуют иные представления о правде и лжи, что я горячо принял их убеждения и несколько лет поддерживал с ними связь. И даже писал статьи в их ежемесячную газету China in Pictures («Иллюстрированный Китай»).

Мое поведение становилось все более асоциальным, и параллельно с этим ухудшалось психологическое состояние моей матери. Странным образом в ней сочетались склонность к разного рода оккультным практикам и ревностная преданность католичеству. Она все время пыталась наладить контакт с потусторонним миром — при этом почти каждый день ходила к мессе и часто плакала в церкви. Только сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, как тяжело ей было тогда.

Эмоционально мы были бесконечно далеки друг от друга, мы достигли некой точки невозврата — пребывание рядом друг с другом было для нас невыносимым. И тут мать решила предпринять последнюю отчаянную попытку повлиять на меня. Она потащила меня в церковь и, опустившись рядом со мной на колени, громко заохала. Молитва ее была такой: — Господи, я

больше не могу этого выдержать. Не могу жить с этим гадким мальчишкой. Пожалуйста, забери его у меня!

Затем она повернулась ко мне и сказала:

— Клаус, хочу, чтобы ты знал: с этого момента ты мне больше не сын, а я тебе не мать. Мое терпение иссякло!

И она снова стала молиться. На этот раз Богородице:

— Мария, Матерь Бога нашего, вверяю тебе Клауса. Будь ему матерью, позаботься о нем.

Так она сняла с себя всю родительскую ответственность за меня.

Удивительно, но мать очень быстро получила ответ на свои страстные молитвы. Во всяком случае, когда католический священник, которого она хорошо знала, предложил мне пожить в его доме, она сочла это знаком свыше. Этот пастырь помимо служения в церкви возглавлял городскую молодежную организацию, которая именовалась Neudeutschland («Новая Германия»). Я был ее членом. Он уговорил мать отправить меня к нему, уверив ее, что позаботится о моем образовании. Скорее всего, она испытала огромное облегчение: наконец-то ее проблемный и невосприимчивый ни к чему хорошему ребенок окажется в добрых руках! И заодно ей удастся навсегда избавиться от него. Вскоре я горько пожалел об этих переменах в жизни. Оказалось, что, покинув холодный и неуютный дом, я сменил его на куда более ужасное место пребывания. Но поначалу все это было неочевидно. У меня не было симпатии к приютившему меня священнику — увальню средних лет. Однако в тот момент я полагал, что все же лучше жить под одной кровлей с этим святошей, чем оставаться в семье, в которой я никому не был нужен.

Спустя некоторое время после переезда священник сказал мне:

— Клаус, зайди в мою комнату в восемь вечера с фотографией для паспорта.

Мне почудились в его голосе странные нотки, и поэтому целый день я провел в беспокойстве, ожидая вечерней встречи.

А она и правда оказалась странной.

Я сидел и смотрел, как святой отец положил мою фотографию на стол, вынул из кармана маленький серебряный маятник и подержал его над снимком. И вот маятник начал понемногу раскачиваться вперед и назад, хотя я не замечал, чтобы пальцы державшей его руки двигались. Потом священник пробормотал несколько слов, которые я не смог разобрать. Весь его облик и интонации заставили меня прийти к выводу, что он читает какую-то очень необычную молитву. Затем он стал

задавать мне вопросы:

— Ты сделал сегодня домашнее задание?

— Да.

Маятник стал клониться в одну сторону. Я внимательно следил за пальцами святого отца.

— Ты лжешь, — сказал он.

Я внутренне признал: да, это так. Но я никак не мог понять, в чем здесь трюк.

— Ты ходил на обед к матери?

— Нет.

И снова маятник начал тихонько покачиваться. Я намеренно врал, чтобы понять, действительно ли он может распознать ложь. Вроде бы у него это на самом деле получалось.

— Ты снова сказал неправду.

Проклятье, откуда ему это знать? Что за чудна́я игра? Я не мог уловить, где здесь хитрость, а потому предельно сконцентрировался и внимательно наблюдал. Но это не помогло мне противостоять психологическому давлению, которое оказывал на меня этот человек.

Факт остается фактом: после нескольких таких встреч ему удалось сломить мою волю. И вот настал день, когда я наконец понял, к какой мрачной цели ведут все эти подозрительные беседы. События развивались так.

Как-то раз священник предупредил меня:

— Если ты возвращаешься домой после десяти вечера, пожалуйста, обязательно загляни в мою комнату, чтобы я знал, что с тобой все в порядке. Иначе я не смогу спать спокойно.

Через несколько дней я вернулся поздно, около одиннадцати. Приближаясь к дому, я заметил, что в его спальне наверху все еще горит свет. Я отпер входную дверь, и тут свет на втором этаже погас. Он что, спешно нырнул в кровать? Что бы это значило?

Я тихо подошел к спальне, чтобы сообщить, что я дома, и пожелать моему наставнику спокойной ночи. У меня не было сомнений, что он не успел заснуть, ведь лампа минуту назад горела.

— Добрый вечер, — громко сказал я, нерешительно переминаясь с ноги на ногу на пороге. Почему он не отвечает мне? Я снова попытался заговорить: — Я вернулся и сейчас пойду спать.

Ни звука в ответ. Тишина было долгой, она казалась бесконечной. Я оставил дверь слегка приоткрытой, и слабая полоска света из коридора освещала часть комнаты. Мне стало не по себе. Послышалось странное ворчание, шепот — звуки,

похожие на те, которые я слышал, когда он бормотал свои диковинные «молитвы». По спине у меня побежали мурашки. Я чувствовал себя совершенно беспомощным. Казалось, железная рука сжимала мне горло и не давала пошевелиться. В комнате явно происходило что-то недоброе и устрашающее. В обычной ситуации я просто взял бы и вышел. Почему же я вдруг оказался не в состоянии этого сделать? Куда ушла решимость, что парализовало волю? Я как вкопанный стоял на месте. Панический страх сковал мне грудь. В горле пересохло, я не мог произнести ни слова.

И тут раздался елейно-медовый голос с придыханием:

— Подойди ближе! — приказал он.

С ужасом я понял, что мне уготовано. Я мобилизовал все имеющиеся у меня внутренние ресурсы, чтобы противостоять оккультным силам, явно призванным для того, чтобы сломить мое сопротивление. Образ моего мучителя благодаря причудам сознания преобразился: теперь силуэт его фигуры напоминал отвратительное животное, похожее на свинью. От ужаса у меня закружилась голова, и я чуть не потерял сознание.

— Иди сюда! — повторил сладкий голос.

В нем теперь звучали нотки угрозы. Я все еще сопротивлялся, но при этом меня будто погрузили в глубокий транс. Все во мне бунтовало против этого человека и его невидимых подручных, заманивших меня в западню. Ноги отказывались сделать четыре шага к кровати. Она вообще представлялась мне обрывом, за которым зияла бездна. Было ясно, что там меня ждет ад. Священник ничего не предпринимал. Он выдерживал угрожающую паузу, время от времени что-то бормоча. Внутри у меня клокотала буря, душа терзалась и мучилась. Но пошевелиться я не мог.

Как же я ненавидел мать в тот момент! Именно из-за нее все так сложилось. Я ненавидел полицию за то, что она не преследовала таких монстров, как этот человек. Я ненавидел и проклинал всех взрослых, потому что они только и знали, что причинять другим боль. Такую же, как это свиноподобное существо причиняет мне сейчас. Я ненавидел всех и вся, весь мир и самого себя за то, что я оказался неспособным постоять за себя. Но и сдаваться я не хотел! Ненависть придавала мне силы, не позволяла согласиться на тот чудовищный акт насилия, который собирались произвести над моим телом. Я стоял, будто приклеенный к полу, и не делал ни шага — ни вперед, ни назад.

Не знаю, сколько времени я смог простоять так, но в какой-то момент силы мои закончились, и я свалился, как пустой мешок, на эту гнусную кровать. Я был практически без сознания.

И тогда он надругался надо мной…

Это меня убило. Я чувствовал себя грязным, униженным, осквернённым. Он отпустил меня к себе, я с трудом дотащился по лестнице до своей комнаты и заперся в ней до утра. А потом надо было собираться в школу. Около полутора часов я боролся с одолевавшим меня желанием убить человека, который только что растоптал мою душу.

Мой кошмар длился семь лет. Мои тело и душа подвергались насилию в течение всего этого времени. Как-то раз я решился рассказать матери обо всем, что происходит. Ответ не оставил ни капли надежды на сочувствие:

— Отец Р. — священник! Он не может так поступать. Ты лжешь!

Святоша так легко сломил мое противодействие отчасти из-за того, что я по-прежнему боялся, что меня отошлют обратно домой. Растлитель прекрасно все понимал.

До сего дня меня мучают боли в спине и ногах, которые, как мне кажется, связаны с тем ужасом, который мне пришлось пережить в юности. Ад заполучил власть надо мной с помощью обмана, лицемерия, шантажа. И все это исходило от так называемых «христиан». Пережитое потрясение привело к тому, что я вовсе перестал учиться. Отметки в школе были хуже некуда. Тут развратный святоша проявил щедрость и нанял мне репетитора — своего знакомого. Мне это принесло новые страдания. Спрягая латинские глаголы, я чувствовал, как холодная рука учителя под столом шарит вдоль моего бедра.

Облаченный в рясу растлитель отправил меня в католическую теологическую семинарию в Рим. Он мечтал, чтобы я «продолжил его дело» — будто мало было его грехов, и он хотел организовать преемственность в этой области. В ту пору мне исполнился двадцать один год, но я только окончил школу (я плохо учился, а потому проходил обычную программу дольше, чем другие).

Ехать в Рим я согласился — мне нравилось путешествовать, и поездка сулила новые возможности.

Однажды ночью в семинарии я, никем не замеченный, проник в башню здания, где располагались общежития.

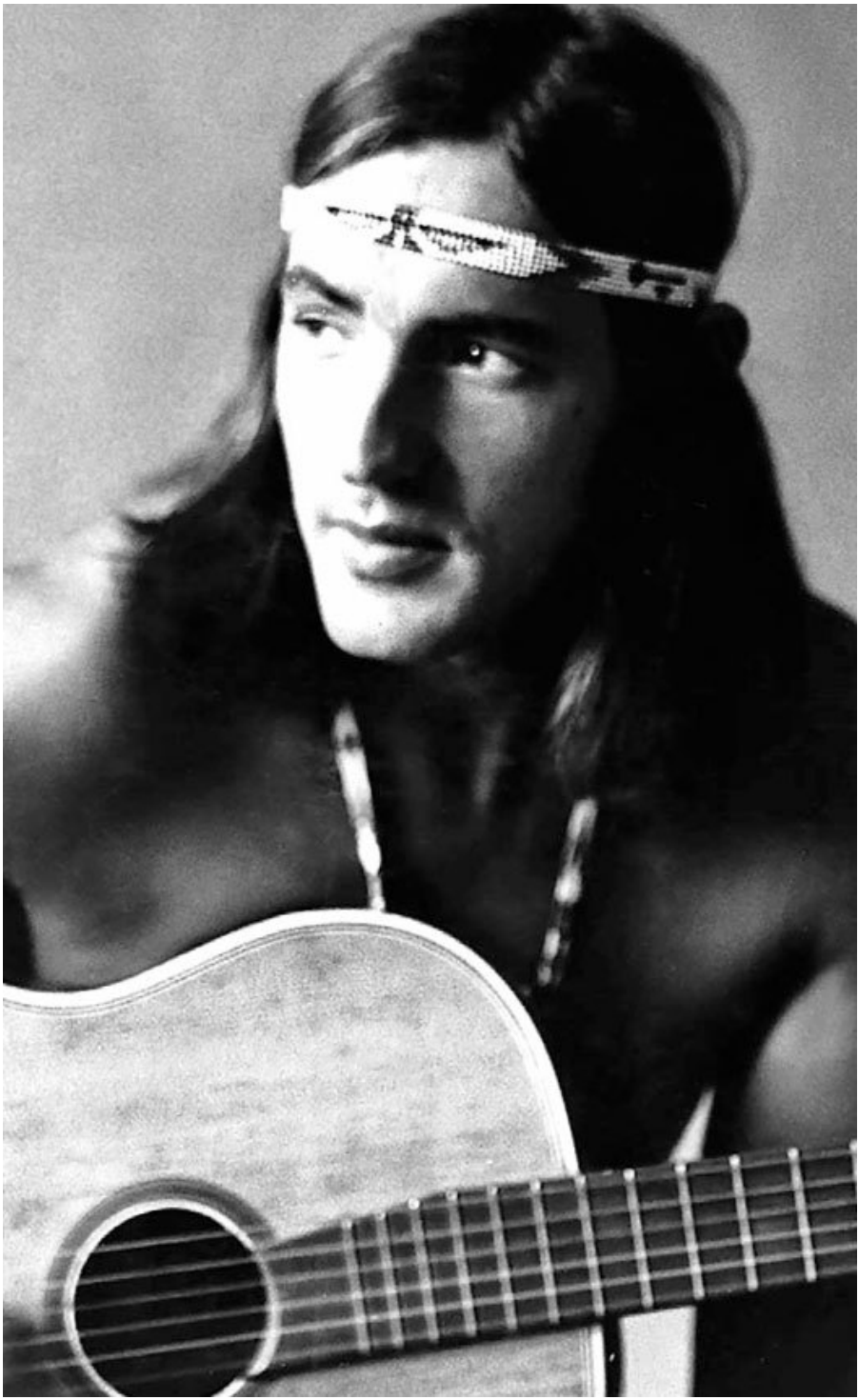
Оттуда доносились какие-то странные звуки, и мне стало любопытно, что там происходит. Я толкнул металлическую дверь, и она легко поддалась. Бросив лишь беглый взгляд вглубь комнаты, я узнал нескольких клириков, с которыми познакомился за недолгое время учебы. Не решусь описывать на этих страницах

то, чем они занимались. Отпрянув, я захлопнул дверью и бросился прочь. Моя душа кричала и плакала, сотрясаясь от ужаса и отвращения.

На этом заканчивается история первой моей попытки приобщиться к христианству. Точнее, к тому, что лишь рядится в одежды любви ко Христу. Я дал себе клятву, что до конца жизни буду стараться избегать этих святош, буду презирать и ненавидеть их, а по возможности даже уничтожать.

В попытках убежать от страшного опыта, который мне довелось пережить, я рисковал скатиться в другую крайность. Меня могла поглотить другая бездна, откуда уже не было бы возврата. Если христианство — лишь иллюзия, и даже хуже — преднамеренный обман, где же искать другие ценности, иную правду, за которой стоило бы следовать? Неужели нет никаких границ, никакого предела человеческому цинизму и злонамеренности? Вокруг себя в тот период я видел лишь притворство и двуличие.

Чтобы выжить, мне необходимо было найти цель в жизни и самоутвердиться, добившись ее. В семнадцать лет я решил, что создание собственной бит-группы поможет справиться с этой задачей, тем более что от родителей я унаследовал музыкальные способности. В нашем городе ежегодно проводился джазовый фестиваль. Начиная с пятнадцатилетнего возраста я часто играл на банджо во многих известных коллективах по их приглашению. В общем, я собрал группу, мы начали выступать и довольно быстро набирать популярность в Южной Германии. Большое влияние на наше творчество оказали Beatles.



Выступление на публике – одна из немногих радостей

Группа называлась Shouters («Крикуны»). Конечно, мне было о

чем «прокричать» на весь мир. Я был готов на все, чтобы шокировать слушателей и благодаря этому прославиться. Или хотя бы сделать так, чтобы меня заметили. Постепенно я получил известность и признание, о которых всегда мечтал. Школьники начали упоминать меня в своих эссе. Газеты писали о моем творчестве. Распространению моей славы в родном городе в какой-то мере помогала моя особая прическа: в те времена длинные волосы у мужчин еще не вошли в моду, и мой «хайер» можно было считать вызовом, брошенным общественным правилам. Я гордился тем, что стал местной знаменитостью, но это совершенно не решало проблему одиночества. А секс с девушками-поклонницами не утолял жажды любви.

От одиночества и тоски иногда помогали гитара и девушки

Очень часто на сцене я вел себя грубо и настолько провокационно, что слушатели принимались бросать в меня камни. Все это не добавляло мне веры в человечество. Я по-прежнему был невысокого мнения о людях. Однако никто не понимал, что на самом деле происходит в моей душе. С одной стороны, я презирал всех на свете и хотел отомстить всему миру. С другой — моя душа томилась, тоскуя по настоящей любви.

На том жизненном этапе я никому не подчинялся, ни с кем не был связан, был свободен, как птица. В этом мире так много лицемерия, так с какой стати я должен перед кем-то держать ответ за то, что делаю? Если Бог когда-нибудь и присутствовал ранее в моем сердце, то в тот период я уж точно Его не признавал. Временами меня переполняла какая-то отчаянная внутренняя энергия, замешанная на ненависти. Это толкало меня к тому, чтобы жаждать и искать власти. В моей душе не было покоя, меня терзали страхи и страсти: я стремился к манипулированию, потому что боялся открыто и честно взаимодействовать с окружающими. Еще одним горячим устремлением было желание обрести отца. Но чем больше я искал того, кто мог бы стать для меня ориентиром и авторитетом, тем больше понимал, что искать такого человека — все равно что искать ветра в поле!

Кстати, мне очень нравилось наблюдать за бурями и ураганами. Я любил сидеть на берегу реки или в степи и смотреть, как шквальные воздушные потоки играют на просторе. Они трепали мои волосы. Ветер в каком-то смысле стал мне отцом. С матерью я почти не общался, даже не называл ее мамой, а именовал «черной дамой» или «царицей ночи». Однажды мне приснился кошмарный сон: я увидел, что моя мать сидит в сыром и мрачном склепе, выдолбленном в скале. Меня поразила ее физическая красота, и в то же время смотреть на нее было тяжело, как будто я оказался в плену у этих прекрасных черт. Я не мог двинуть ни ногой, ни рукой, как будто был закован в кандалы. И лишь когда она подала мне знак рукой, я смог приблизиться. Но чем ближе я подходил, тем больше ее лицо принимало звериное выражение. На расстоянии ее красота казалась ослепительной, но при приближении происходила фантастическая перемена. Она протянула руку с длинными когтями. Я завопил от страха и проснулся, весь дрожа.

Образ матери был для меня пугающим и привлекательным: и во сне, и в жизни. В этой женщине было что-то мистическое, что заставляло меня искать ее черты во всех моих будущих подругах. Я тосковал по любви и надеялся, что действительно смогу обрести ее.

Глава 2. Бегство

Успех бит-группы отчасти помог мне справиться с болью и ужасом, царившими в моей душе. Но я по-прежнему сторонился людей и бежал даже от самого себя. Я был абсолютно уверен, что все люди вокруг в определенном смысле слова больны. При этом и сам я был далеко не здоров. Если учесть, в каких условиях проходило мое взросление, я вообще удивляюсь, откуда бралась энергия и желание жить, которые поддерживали меня в юности и в молодые годы. Похоже, как я уже упоминал, главной внутренней мотивацией, заставлявшей меня двигаться вперед, служила острая жажда мести. Так или иначе, было ясно, что переход от школы к высшему образованию, а затем к работе не мог быть для меня таким же гладким и спокойным, как для моих братьев или школьных друзей. Не помню, чтобы я когда-нибудь мечтал о какой-то профессии. Это было вторично, несущественно. Главная задача состояла в том, чтобы понять, кто я и зачем существую. Наверное, несмотря на все тяжкие испытания, во мне еще сохранялась вера в то, что не все вокруг разрушено и выжжено. Эта слабая надежда на лучшую участь, как я сейчас понимаю, стала в то время целью всех устремлений моей темной души.

Учеба не вызывала у меня особого энтузиазма, но я все же поступил в Университет Тюбингена на педагогический факультет, чтобы получить двойной диплом учителя литературы и физкультуры. Переезд в университетский город имел два плюса: это позволило мне убежать наконец от похотливого священника, а также попробовать себя в качестве диск-жокея, завоевать на этом поприще славу и заработать деньги.

Жизнь в студенческом кампусе открыла возможности для более близкого знакомства с ультралевым движением, к которому в то время принадлежали многие молодые люди в Европе, да и во всем мире. Я вдоволь наслушался радикальных призывов и лозунгов: «уничтожим все старые традиции и нормы», «разрушим то, что разрушает нас». Я начал посещать студенческие сходки, которые проводились по средам в общежитии. В основном на них говорилось о том, что с государством как таковым надо покончить. Основным оратором выступал Андреас Баадер, сооснователь группировки Баадера — Майнхоф, так называемых «городских партизан»[3]. Это объединение активно вербовало сторонников. Никто из его организаторов не скрывал, что не

остановится перед насилием, если это понадобится для достижения цели — уничтожения ненавистных капиталистов.

Для моей измученной жаждой души все эти нигилистские речи были как глоток родниковой воды. В моем представлении государство было изобретением взрослых, то есть врагов, отнявших у меня детство. Я присоединился к группировке и выходил с ними на митинги, совершал с товарищами небольшие провокационные акции: например, поджигал шины. Но никогда даже близко не участвовал в подготовке какого-либо настоящего теракта. Во мне, конечно, было много негативизма, но при этом никогда реально не хотелось убивать других людей или даже всерьез вредить им. В те годы я был очень наивен и не понимал настоящих мотивов, которыми руководствовался Андреас Баадер.

В тот период в Тюбингене я работал диджеем каждый день с шести вечера до двух часов ночи. Музыкальные эксперименты оказались неотделимы от экспериментов с наркотиками — правда, поначалу осторожными. Я не желал даже пробовать героин и кокаин, на которые уже подсели некоторые мои знакомые.

Вокруг всегда было много девушек, но однажды я встретил Урсулу, которая, как мне показалось, отличалась от всех, кого я до того знал и с кем обычно проводил время в модном ночном клубе. Она выглядела вполне типично для тех времен: мини-юбка, длинные волосы, блузка с цветочным принтом. Однако в ней чувствовалась какая-то духовная сила, которая заметно выделяла ее среди всех знакомых женщин.

Клаус и Урсула – гамбургские хиппи

Урсула много говорила о любви и о «внутреннем свете», который появляется, если ты следуешь «подлинным ценностям». Благодаря ей я начал читать книги по психологии и понял, что мне необходимо обратиться к психоаналитику. Мы часто вели с ней долгие разговоры о философии. Нередко случалось, что она начинала мягко сетовать на то, что я такой «плохой парень», но тут же оговаривалась: это все только внешнее, а на самом деле душа у меня ранимая и чувствительная. Душа? Тогда смысл этого слова был для меня неясен.

Днем я посещал университетские занятия и с успехом занимался спортом, вечером перевоплощался в популярного и высокооплачиваемого диджея.

Я гордился своей славой, разъезжал на бирюзовом Chevrolet, носил блестящие ботинки и экстравагантный белый полушубок на розовой подкладке. Вокруг меня всегда вились стайки молоденьких девушек. Мне было неинтересно слушать странные рассуждения моей новой подруги о том, что моя духовная жизнь ведет к катастрофе (во всяком случае, так она это формулировала). Я был очень доволен собой и ничего не смыслил в том, что она говорила о вере. Мной по-прежнему владела жажда мести всему миру, а также стремление использовать других людей и манипулировать ими.

Общаться со мной было трудно, я был неспособен на открытые и искренние отношения. И все же Урсула сделала отчаянную попытку достучаться до меня. Ей это обошлось дорого. Я не понимал ее. Она предлагала подлинную любовь, но не смогла пробиться ко мне. Я боялся, что любовь причинит мне новые страдания, а потому наглухо заперся в сооруженной своими руками тюремной башне. Хватит с меня той «любви», которую подарила мне моя мать.

Мудрая Урсула протягивала мне что-то вроде исцеляющей таблетки, которую нужно было проглотить целиком. Снаружи она была сладкая, но внутри ее могла таиться горечь. Однако только таким способом можно было вылечить мои душевные раны. Впрочем, я не был готов к исцелению. В моем представлении целью любых отношений служили поверхностное удовольствие и комфорт, и горькую «сердцевину таблетки» я попросту «выплевывал».

Урсула промучилась со мной много месяцев. Я продемонстрировал ей все темные стороны своего характера и категорически не желал менять свой образ мыслей. Эта женщина стала первым встреченным мной человеком, способным долго и самоотверженно дарить любовь. Но ее попытки смягчить мое жестокое сердце оказались тщетными. Выбившись из сил, она чуть не покончила с собой, приняв большую дозу снотворного. Около шести часов я пассивно наблюдал, как она борется со смертью, захлебываясь собственной рвотой.

Часть меня (причем немалая) хотела избавиться от нее. Своей любовью она мешала мне угнездиться в созданном мною уютном мирке. Когда она была рядом, у меня появлялось чувство вины, и за это я ее ненавидел. Дело в том, что я ничего в жизни не знал, кроме ненависти. Иные чувства были мне просто неведомы.

И все же, когда Урсула была уже на пороге смерти, во мне зашевелилось странное чувство, которое невозможно описать словами. Вероятно, это было Божественное вмешательство, позволившее спасти жизнь девушки и мою душу. Я вдруг встал, пошел к телефону-автомату и вызвал скорую помощь. Это был жест доброй воли, но он не преобразил мою натуру. Я так и остался мрачным циником. Еще до того, как к Урсуле приехали врачи, я ушел от нее, покинул город и отправился в Ниццу, где меня ждала другая подружка.

Я взял академический отпуск в университете и несколько недель провел в Ницце. «Довольно, — думал я, — всей этой философии, психологии и прочих высоких материй, о которых мы читали с Урсулой». Какой прок от этих книг? Зачем я их изучал?

Может, не я их жадно поглощал, а они на время поглотили меня?

Все мои проблемы остались неразрешенными. Как слепой царь, я восседал на троне своей гордыни. Виновниками своих бед я считал исключительно окружающих: все они, как мне казалось, были дураками, кроме меня самого. Отчаяние нарастало, жизнь стала невыносимой. И опять я стал спрашивать себя: где искать счастья? Существует ли оно вообще? Как странник в романах Франца Кафки, я надеялся, что вот сейчас поверну за угол и там найду то, что ищу, — смысл жизни. Но после нового поворота судьбы ничего не менялось.

Неожиданно некая надежда снова забрезжила впереди. До меня дошел слух, что здоровье Урсулы поправилось. Удивительно, но эта новость произвела на меня глубокое впечатление, и я отправился прямиком в Гамбург — родной город Урсулы. Я стал задумываться: а смогут ли отношения, прерванные в Тюбингене, восстановиться на новой почве? Возможно, несмотря на все пережитое, мы с Урсулой сможем быть вместе — всерьез и надолго. Да, ее идеалистические взгляды иногда раздражали, но при этом в ней было нечто важное, что всегда притягивало меня, — стремление постичь вечные истины и нежелание идти ни на какие компромиссы в этом вопросе.

Я счел, что стоит попробовать жить нормальной жизнью, и мы с Урсулой решили пожениться. Но меня по-прежнему раздирали противоречия. С одной стороны, я хотел стабильности и покоя. С другой — я принадлежал субкультуре хиппи, обесценивающей «буржуазный институт брака». К тому же мы оба постоянно пытались самоутвердиться в глазах моего тестя, который был известным юристом. Он меня не выносил (особенно после того, как его дочь чуть не покончила с собой) и всеми силами пытался расстроить нашу совместную жизнь. Нашу попытку создать семью он считал совершенно безумной затеей.

И вот однажды мы явились в регистрационную палату:

— Здравствуйте, мы хотели бы зарегистрировать брак. Прямо сегодня.

— Зачем же так торопиться? — возразил клерк. — Подобные дела так быстро не делаются.

— А какую дату вы можете нам предложить?

— Следующую субботу. Приходите утром.

— Это для нас слишком рано. Мы спим до обеда. Можете записать нас на более позднее время?

Служащие удивились, но согласились.

— Хорошо. Правда, ваша просьба очень странная. Обычно мы закрываемся в полдень. Но для вас сделаем исключение и задержимся. У вас будут свидетели, фотограф?

— Нет. Я вообще не считаю это событие особо значимым и памятным, — заявил я.

— Но для заключения брака нужен свидетель, — настаивал служащий.

— Ладно, пусть свидетелем будет секретарша регистрационной палаты.

Прошла неделя, и в назначенный день мы явились на церемонию. Одни — без гостей, свидетелей, фотографа. Чиновник, проводивший церемонию, был очень мил и сказал, что, по его мнению, мы очень подходим друг другу. Он хотел сделать нам приятное и напутствовал нас добрыми словами. После краткой официальной части мы перебросились с ним несколькими фразами, и я дал понять, как на самом деле отношусь к браку:

— Вы же понимаете: если что, мы сможем развестись. Тем самым я хотел продемонстрировать, что не воспринимаю наш союз всерьез. Улыбка моментально сошла с его лица. Он был поражен моим цинизмом. Но именно такого эффекта я и добивался. Мне хотелось эпатировать, взрывать привычные представления, причем при любом удобном случае.

За гражданской церемонией заключения брака последовал следующий шаг. Мы официально отказались каждый от своего вероисповедания. Урсула покинула Протестантскую церковь, а я — Католическую, к которой формально принадлежал. К тому времени я прочитал много книг по истории католичества и многое знал о Крестовых походах, инквизиции, папе Пии XII, толерантно отнесшемуся к нацизму. Все это убедило меня, что я не хочу иметь ничего общего с этой организацией. Так что наш союз был заключен без благословения Церкви.

Я ждал, что вот-вот обрету радость и исцеление. При этом не переставал наслаждаться гедонистичной и космополитичной атмосферой Гамбурга. Мне казалась, что она открывает передо мной множество перспектив. Мне было невдомек, что дьявол — виртуозный мастер обмана — умеет ловко маскировать саморазрушение, выдавая его за приятный досуг, так что жертва даже и не задумывается о том, какую цену ей придется заплатить за невинные на первый взгляд развлечения.

Что же отец лжи предложил мне под видом счастья? Какова была его тактика? Постоянная гонка за удовольствием, подогреваемая употреблением наркотиков, стала главным делом моей жизни еще в Тюбингене. Но здесь, в Гамбурге, лукавый полностью овладел мною. Последующие шесть лет мои разум и воля были подчинены ему. Брак с Урсулой продлился меньше

года. Я все больше жаждал сексуальных утех, а также злоупотреблял алкоголем и стимулирующими веществами, среди которых были и галлюциногенные грибы, и марихуана, и разнообразные химические препараты. Мне, как и раньше, хотелось власти над людьми. Я боялся общаться с ними на равных. И все больше увязал в этом болоте ложного благоденствия, полного иллюзорных соблазнов.

Но одно я понимал: распространенный на Западе холодный и рассудочный подход к поиску смысла жизни не дает ответов на ключевые вопросы бытия. Урсула помогла мне это осознать. Выхода я не находил, кругом был один лишь опасный морок. Пожалуй, самым ужасным эффектом от употребления химических стимуляторов стало то, что меня снова накрыло чувство глубокого одиночества. Я внутренне ожесточился под действием наркотиков, не ощущал ответственности за собственную жизнь и без конца находил себе оправдания, отрицая тот очевидный факт, что попал в страшную ловушку.

Так прошло несколько лет. Саморазрушительное поведение привело к тому, что меня начали посещать пугающие видения. Перед глазами всплывали ужасные картины, похожие на те, что сейчас украшают обложки альбомов некоторых музыкальных групп, играющих тяжелый рок. Психика был в таком плачевном состоянии, что даже после одной дозы марихуаны мне казалось, что мои друзья перевоплощаются в монстров. Таким образом я проецировал своих внутренних демонов во внешний мир. Однажды, находясь под действием наркотиков, я наблюдал, как все человеческие лица вокруг превратились в черепа. Во время подобных галлюцинаций я начинал задыхаться. Накатывала волна страха, пробивал холодный пот. Мне отчаянно хотелось счастья, но вместо этого я погружался в тоскливую безнадежность.

Образно говоря, я потерпел кораблекрушение, был выброшен на берег и мучился от жажды, но пресной воды не находил, и приходилось пить соленую океанскую. Чем больше я прибегал к наркотикам в поисках облегчения, тем более становился зависим от них. Этот замкнутый круг невозможно было разорвать. Сила воли не действовала. Вместо того чтобы обрести радость и покой, я лишь подрывал свое здоровье и, что намного хуже, губил свою душу. В конце концов я оказался на самом дне общества, и погружение в преступную среду было неизбежно. Мне постоянно не хватало денег, и я начал грабить магазины, а также воровал порнографическую литературу из лавок в Репер-бане (гамбургский квартал красных фонарей), чтобы продавать эти журналы туристам. Меня арестовывали и сажали в тюрьму, но не

надолго — как правило, на несколько дней. Знакомство с откровенными журналами навело меня на мысль о новом источнике дохода. Чтобы подзаработать, я с готовностью стал сниматься обнаженным для многочисленных бульварных изданий.

По вечерам я пел в ночных клубах и на фолк-вечеринках, а также пил до посинения, чтобы забыть о бессмысленности существования и отсутствии друзей. Иногда, когда я бродил по задворкам Репербана, проститутки, выходившие покурить, жалели меня и нежно гладили по волосам или по щеке. Они не пытались заполучить меня в качестве клиента, а просто приветствовали как знакомого. Но даже эти малозначимые проявления участия и ласки трогали меня, потому что других в моей жизни практически не было. Насколько же я был тогда бесприютен и одинок! Я все время находился «в бегах» — бежал от себя, от полиции, от матери, от всего мира, от Бога. И при этом нисколько не приближался к желанному счастью.

У меня никогда не было отца, который бы наставил и утешил, который бы напутствовал меня, отправив в вольное плавание. У меня не было дома, куда можно было бы вернуться, подобно блудному сыну. Со стороны могло показаться, что Клаус — самоуверенный и неукротимый гордец, но в душе у этого крутого парня жила одна лишь тоска. Как ветер гонит осенний лист, так и меня носило целыми днями по улицам, так что я никогда не знал, где окажусь завтра.

Я поступил в Гамбургский университет, но на занятия ходил редко. При этом вместе с другими студентами часто и с удовольствием принимал участие в антиправительственных демонстрациях и митингах против капитализма. Хотя, надо признаться, левые идеи сами по себе меня не особо привлекали, но казалось, что анархические лозунги могут помочь решить мои проблемы. Идеология анархистов позволяла возложить вину за обрушившиеся на меня беды на прогнившую социальную систему, разложение нравов и несовершенные общественные институты, главным из которых по-прежнему оставалась Церковь. Хоть я и не желал признавать, что страдаю, но тайная мука всегда отражалась у меня в глазах. По утрам, глядя в зеркало, я видел мрачного и пугающего призрака, существо не от мира сего, стремительно теряющее человеческий облик.

У меня все чаще возникали проблемы с законом. Окружающим было все труднее меня остановить, если я на что-то решился. В конце концов, что мне было терять? Ни алкоголь, ни секс, ни наркотики уже не дарили облегчения. Мне было все

невыносимее жить с этой черной дырой внутри. Надо было искать выход. Я задавался вопросом, существует ли он вообще? Есть ли на свете настоящее счастье? Однако даже если его нет, все равно жить так дальше было невозможно.

В определенный момент мне стало так тоскливо, что показалось, смерть стоит рядом и смотрит мне в лицо, предлагая единственное надежное избавление от страданий. Я предпринял попытку самоубийства. Но, вероятно, мое тело выработало своего рода иммунитет к химическим веществам из-за того, что я их слишком часто принимал. Увеличенная доза снотворного не подействовала, и мое желание уйти из жизни не исполнилось. Организм был настолько отравлен, что на новую порцию яда вообще никак не отреагировал. Я попробовал убить себя второй раз: принял пригоршню таблеток и запил спиртным. Полуодетый, пьяный, еле переставляя ноги, я вышел на мороз. На улице было минус двадцать два градуса. Я блуждал по ночному парку в центре Гамбурга, и мне начало казаться, что вокруг меня не снег и иней, а мягкий и чистый песок, как на побережье Карибского моря… Потом я стал метаться из стороны в сторону, продирался через колючие кусты. Я спотыкался и падал. Ветки ежевики хлестали меня по лицу. Весь в грязи, исцарапанный, я трясся от холода, а потом лег на землю, приготовившись заснуть и замерзнуть во сне. Однако, несмотря на то что дело было ночью, меня обнаружили. Друзья отыскали меня, привели домой, согрели и привели в чувство.

Я снова выжил! Наверное, это такое проклятие — не иметь возможности умереть. Ну, если я сам не могу свести счеты с жизнью, пусть меня прикончит кто-нибудь другой! Таков был ход моих мыслей. И я начал вести себя абсолютно вызывающе в надежде на то, что меня просто убьют. Например, однажды я украл канистру с бензином из гаража. Меня догнали и окружили здоровые ребята-механики. Каждый из них был силен, как медведь. Я видел, что они приближаются, но и не думал от них скрываться. Меня били железной арматурой так, что на теле не осталось живого места. Наверное, Господь каким-то чудом отогнал мучителей от меня, иначе как бы мне удалось спастись? В другой раз в ночном клубе недалеко от порта я начал задирать и провоцировать компанию из десяти матросов (азиатов с виду, вероятно китайцев). Они навалились на меня все вместе, а потом истекающего кровью бросили под стол. Кто-то отвез меня в ближайшую больницу, из которой я удрал через полчаса. Я вдруг испугался, что китайцы найдут меня там. У меня диагностировали сотрясение мозга, меня мучили головные боли, и все же я ухитрился сесть за руль и уехать из города. Преодолев

одним махом полторы тысячи километров, я добрался до Марселя.

Бог удивительным образом пришел мне на помощь и в следующей переделке, когда мне грозила опасность. Так случилось, что обманутый муж, жену которого я соблазнил, отыскал меня и приставил нож к горлу. Было ясно, что он на этом не остановится и перережет мне глотку. Я понимал, что вполне этого заслуживаю. Почему же мне опять удалось вывернуться? Я сам до конца этого не понимаю. В другой раз к моей груди приставили дуло пистолета, после того как я сыграл дурную шутку с одним опасным отморозком. Он преследовал меня несколько дней, угрожая убить. И вот он стоит передо мной посреди слабо освещенного коридора, в доме, где я снимаю жилье… Какой ужас! Но и тут мне удалось выжить.

На какое-то время я перебрался в Нью-Йорк и там тоже ходил по лезвию бритвы. Как-то я забрел в черное гетто в Гарлеме. Меня предупреждали, что белому человеку туда лучше не соваться. Но я беспечно отправился в этот район, причем надел белые шорты и расстегнул на груди рубашку, чтобы подразнить местных. Меня два раза окружали банды афроамериканцев и пытались ограбить, угрожая оружием.

И все же всякий раз мне удавалось уйти от обидчиков без малейшего урона для себя.

Я часто гадал, в чем секрет моей неуязвимости. Может, сатана защищает меня как своего верного слугу? Или помощь все же приходит от Бога? Ответа не было. Я еще не знал, Чья любовь и милость меня оберегает, Кто не желает смерти своего творения.

Пожив в Нью-Йорке, я снова вернулся в Гамбург. Как-то раз в дверь позвонили. В глазок я увидел, что возле квартиры стоит моя мать. Она преодолела большое расстояние, чтобы повидать меня. Я уже давно не выходил с ней на связь. Мне вспомнилось, как она тиранила меня, и я не открыл ей. Ненависть к ней была для меня непреодолима. Меня ужасала сама мысль о том, чтобы встретиться и поговорить с ней. И я тихо сидел за дверью, как будто дома никого нет.

Вскоре после этого происшествия я всерьез решил лишить себя жизни. На этот раз у окружающих не будет ни малейшего шанса спасти самоубийцу. Если они и обнаружат меня, то уже мертвым.

В один из дней я проснулся поздно, около трех часов дня. Обычно после ночи, проведенной в ночном клубе, где выпивали и принимали наркотики, я вставал именно в это время. Еще не открыв глаза, я решил, что сегодня выпрыгну с балкона квартиры,

располагавшейся на четвертом этаже. Внизу был залитый бетоном двор. Этот поступок должен был положить конец моим мучениям. Внутри меня все уже умерло. Содрогаясь всем телом, я приготовился сделать шаг в бездну. Я чувствовал себя абсолютно одиноким. Вероятность, что кто-то остановит и спасет меня, была нулевой.

И тут произошло нечто из ряда вон выходящее. В тот момент, когда я шагнул к балконной двери, чтобы совершить то, что задумал, я ощутил Чье-то присутствие. Да, именно так: сзади стоял Некто. Я и по сей день совершенно ясно это помню. Он излучал невероятное тепло, которое обволакивало меня и проникало в самое сердце. И я услышал: «Ты не одинок!»

И тут же ожесточенное и отчаявшееся мое сердце оттаяло, как тает лед под весенним солнцем. И меня покинули все мысли о том, чтобы броситься с балкона.

Глава 3. Новый мир, темная магия

Несмотря на то что я столь явно получил утешение и ободрение свыше, я не был в полной мере готов приять то, что произошло. Я просто не понимал, что все это значило, и не знал, Кто говорил со мной. Его вмешательства было достаточно, чтобы спасти мое тело от физической смерти и в этом смысле спасти душу, удержав меня от саморазрушительного акта. Но вскоре я снова встал на прежний скользкий путь. Я тянулся к духовному, но выбрал ложных духов, следование за которыми тоже вело к смерти. Как я теперь понимаю, великий обманщик, бывший ангел света Люцифер приготовил для меня целую череду ловушек. Из-за его происков во мне родилась иллюзия, будто я смогу обрести счастье, приобщившись к одним лишь плодам человеческой мудрости.

Я начал путешествовать, кочевать по странам и континентам. Еще будучи в Гамбурге, я скопил небольшую сумму и решил потратить ее на поездки по миру. Мне казалось, что надо покинуть родную страну и вообще уехать подальше от западного мира со всем его рационализмом.

Парадоксальным образом мои поиски привели меня сначала не на Восток, а на Запад, в США. Но меня интересовала не американская культура как таковая, а традиции коренного населения, индейцев. Во всяком случае, у меня было много фантазий на этот счет. Мне хотелось разведать, открыть для себя «новый мир». Я проехал около сорока тысяч километров, то есть исколесил вдоль и поперек Соединенные Штаты, Мексику и Канаду. Забрался даже на самый север, в край вечной мерзлоты. Путешествия по США стоили недорого — я ездил либо автостопом, либо на дешевых междугородних автобусах фирмы Greyhound. А иногда подрабатывал, перегоняя автомобили из штата в штат.

Я глубоко заблуждался, надеясь, что индейцы помогут мне лучше постичь человеческую натуру и жизнь в целом. Ничего особенного мне не открылось, хотя в пути было много приключений и интересных встреч с индейцами племени навахо. И все же мне не удалось отыскать подлинную силу, любовь и мудрость в том, что они мне рассказывали. Зато нередко я слышал от них расистские выпады в адрес белых людей. Что неудивительно, если принять во внимание трагическую историю коренного населения Америки. Они многое знали и были искушенными во многих духовных вопросах, но того Духа,

который спас меня от самоубийства в Гамбурге, я так и не нашел.

Еще в Германии я с огромным интересом прочел пять томов писателя Карлоса Кастанеды. Меня захватила идея вхождения в измененные состояния сознания. Такого эффекта можно было достичь либо принимая мескалин[4] (любимое стимулирующее вещество многих мексиканских племен), либо с помощью определенных физических и духовных практик. Я уже пытался экспериментировать с этими техниками и достигал особого состояния, чем-то похожего на то, которое вызывает героин. Поэтому идея поехать в Мексику была для меня очень заманчивой.

Но поначалу мне отказали во въезде в эту страну. Длинноволосых хиппи вообще неохотно туда пускали — прежде всего из-за так называемого «золота Акапулько» (так называли наркотики, к употреблению которых были столь склонны все неформалы Европы и Америки). Тогда я решил попробовать пробиться через границу второй раз. Настало время проверить на практике сверхъестественные способности духов, описанных Кастанедой. Если они существуют, то наверняка помогут мне в моем предприятии. Я усердно медитировал, призывая их на помощь. И тут — о чудо! — произошло нечто невероятное. Тот же офицер таможни, который в первый раз развернул меня обратно, во второй раз ни с того ни с сего пошел мне навстречу и даже помог найти транспорт для продолжения поездки. Я был поражен. Все еще находясь на американской стороне границы, я посмотрел вдаль, на мексиканскую сторону, и заметил стоящий немного в стороне зловещий черный лимузин. У меня появилось вдруг ощущение, что он приехал за мной. Интуиция не подвела: тот самый таможенник, который вначале был столь холоден, теперь подошел и сказал, что для меня найдется местечко в этой машине. Меня это заинтриговало и немного испугало. И все же я сел в лимузин.

Мы ехали много часов под палящим мексиканским солнцем и наконец прибыли в удаленный от всякой цивилизации горный лагерь, где нас встретили вооруженные люди. Меня отвели в деревянную хижину, где я и поселился. Целую неделю я провел с этими загадочными людьми, оказавшимися повстанцами. Много раз я беседовал с человеком, который был за рулем автомобиля. Он оказался колдуном-брухо — примерно таким магом, о каких рассказывает Кастанеда. Бросив беглый взгляд на его лицо и одежду, никто не нашел бы в нем ничего примечательного — обычный мексиканец средних лет. Но я вскоре отметил, что у него очень проницательный взгляд. И походка, и манеры выдавали особенную внутреннюю уверенность. Он и его

товарищи утверждали, что именно они убили известного человека — одну из ключевых фигур в общине мормонов в штате Юта. А еще они без тени иронии заявляли, что собираются свергнуть американское правительство.

У брухо было несколько жен, которые жили в разных городках неподалеку. Он брал меня с собой, когда по очереди объезжал их на своем лимузине. Он много смеялся, а в промежутках между взрывами хохота с удовольствием демонстрировал мне свои магические способности, которыми, похоже, действительно обладал.

Он напоминал мне дона Хуана, знаменитого гуру из книг Кастанеды. Например, мог сделать так, что разные предметы исчезали и появлялись снова. Не могу сказать, что на самом деле с ними происходило, но я видел это собственными глазами. Такие трюки производили на меня большое впечатление. Я надеялся, что смогу овладеть подобными техниками и таким образом подчинять себе окружающих.

Увы, лишь намного позже я осознал, что, приобщаясь к оккультным практикам, я закрывал для себя возможность прикоснуться к подлинным духовным истинам. Все события, последовавшие затем, доказывают, что это действительно так. Дальнейшие поиски смысла жизни привели лишь к тому, что я столкнулся со страшными демонами, куда худшими, чем те, с которыми мне довелось познакомиться в Мексике.

Когда я отправлялся из Гамбурга в далекие края, то надеялся, что там смогу освободиться от свойственного западному сознанию интеллектуализма и материализма. И опыт, полученный в горном лагере в Мексике, я воспринял как знак благосклонности невидимых бесплотных существ. Однако такие вещи не даются бескорыстно. Жаль, что в те годы я об этом не подозревал. Вступив в контакт с темными силами, я обрек себя на страшные испытания в будущем, которые чуть не привели к полному распаду личности. Да, я не осознавал опасности, а очертя голову бросился в этот смертельный омут. Единственное, что могло излечить меня, вытащить из ямы, в которой я увяз, — это обращение ко Христу.

Но вначале я и думать не хотел об Иисусе. Как я уже говорил, я был абсолютно уверен, что все христиане — лицемеры. Даже само слово «христианство» вызывало у меня отторжение. Я понимал, что в поисках ответов на вечные вопросы мне придется перепробовать многое. И был готов на все — кроме христианства.

Как и очень многие мои сверстники, я искал религиозных

откровений на Востоке. В молодости я побывал во многих мусульманских странах, включая Иран и Афганистан, и там мне довелось встретить немало добрых и гостеприимных людей. Однако мои знакомые мусульмане не принимали собственных решений, вынуждены были безоговорочно подчиняться правилам, диктуемым наставниками, и без всяких возражений следовать их учению. К тому же они были нетерпимы к другим религиям. Со стороны казалось, что суровая регламентация их жизни ограждает их от различных опасных искушений, но при близком рассмотрении представлялось, что они оказались в некоем загоне, будто в обнесенном высоким забором курятнике. Главное, чтобы никто не сбежал. Я не утверждаю, что так жить нельзя, что это неправильно. Но я искал Любовь и Милость, я надеялся познать Аллаха Милостивого и Милосердного, но вместо этого нашел религию, ставящую во главу угла жестокие правила и суровые наказания. Мой вольный дух не мог с этим согласиться. Меня и так слишком часто наказывали в годы моего хулиганского детства. Поэтому я никогда всерьез не рассматривал возможность обращения в ислам. Так я блуждал по восточным странам, и непрестанные поиски истины привели меня в Индию.

В Тегеране

На самом деле еще в Германии я начал интересоваться верованиями и обрядами Юго-Восточной Азии и параллельно со штудированием трудов Кастанеды занимался трансцендентальной медитацией и йогой. А началось все с того,

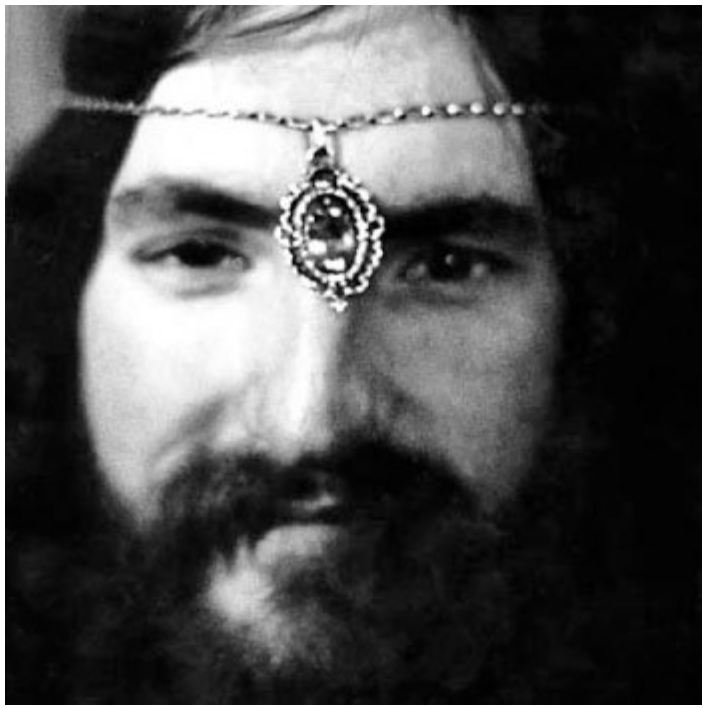
что однажды в Гамбургском университете я встретил человека, внешне похожего на Иисуса. У него были длинные темные волосы, густая борода, одет он был в свободный балахон и очень приветливо улыбался. Махариши Махеш являлся основателем движения «Трансцендентальная медитация», коротко — «ТМ». Меня очень тянуло к нему. Все во мне откликалось на его слова, а говорил он о том, что надеется посредством своих идей и программ покорить весь мир. Меня заражало то, что он сам в себе был так уверен! Махариши охотно рассказывал, что его организация владеет многочисленными банковскими счетами и дворцами. Поначалу мне казалось, что он говорит иносказательно, имея в виду духовные богатства. И лишь позже я узнал, что речь шла о вполне материальных благах. Но это меня не смутило. Я продолжал искать смысл жизни и с готовностью поверил обещаниям, что через ТМ смогу обрести внутренний покой.

А тем временем «Его Святейшество» (так последователи обращались к Махариши) решил продемонстрировать свои возможности широкой немецкой аудитории. Он созвал прессу и под прицелом телекамер попытался «ходить по воде» в бассейне. Попытка с треском провалилась: гуру пошел ко дну. Это отбило у меня всякое желание следовать за ним, но я все же старался пересилить свою личную неприязнь к самодовольному учителю и тренировался в освоении его метода.

И вот настал день, когда мне предстояло пройти инициацию и быть принятым в число адептов трансцендентальной медитации. Каждый обещал полностью подчиняться учителю, а затем участвовал в ритуале. В полутемной комнате Махариши входил в духовный контакт со своим наставником, «великим мастером», которого звали Гуру Дев. Его портрет украшали цветочным венком и помещали на алтарь. Каждый должен был принести туда цветы и фрукты и оставить рядом белый платок — символ чистоты. Горели свечи, курились палочки с благовониями. Таинственный аромат наполнял комнату, создавая особую атмосферу для совершающегося священнодействия. Махариши поклонился какому-то индуистскому божеству и прошептал мне на ухо короткую односложную мантру на санскрите. Когда я вспоминаю тот момент своей жизни, я внутренне содрогаюсь. Я молчаливо присутствовал при прославлении идола, в то время как тысячи ранних христиан предпочли мученическую смерть, но не поклонились римским или греческим богам.

Учитель уверил меня, что каждому ученику дается уникальная и абсолютно неповторимая мантра. Это было, как я выяснил позднее, ложью. Махариши использовал ограниченное

количество мантр, которые он распределял в зависимости от возраста и пола адепта. Определенные сочетания звуков были заимствованы из санскрита и адаптированы для западных последователей. Некоторые разочаровавшиеся, покинувшие общину, говорили, что должны были повторять «има», или «аоум», или «аум», или «йенга» (это почему-то предписывалось молодым людям 22—23 лет), а также «шамма», «ширинг» (это для тех, кому 30—34 года). Еще встречались «шрием», «кенг» и, конечно, самая популярная и известная мантра «ом». Трансцендентальная медитация сулила райское блаженство, но доступ к нему был платный.



Третий глаз – знак того, что ты вступил в мир медитации

Чтобы вступить в общину, студент должен был заплатить за инициацию сумму, эквивалентную нынешним двумстам евро. Книги Махариши тоже стоили дорого. Однако в течение нескольких лет я покупал их и послушно выполнял все, что требовалось от члена секты, — медитировал с помощью своей индивидуальной мантры и ждал просветления, освобождения и прихода мудрости. Во время путешествия в Мексику я продолжал эту практику, параллельно пытаясь освоить техники местных колдунов.

Помню, тогда же, в Гамбурге, мне говорили, что ТМ открывает немало возможностей, если базовой медитации окажется недостаточно. Махариши как-то зазывал всех на курс, который назывался «Сидхи». Заплатив около пяти тысяч евро (привожу современный эквивалент), там можно было научиться летать. Кроме того, наш гуру предлагал своим последователям овладеть искусством «здоровья и бессмертия», а также другими практическими дисциплинами, например «управлением миром», получить «экономическое просветление», научиться предвидению и прохождению сквозь стены. Цена участия в некоторых из этих тренингов достигала двадцати тысяч евро.

Однажды утром меня ждал сюрприз. Во время медитации перед моим мысленным взором возникла прекрасная женщина. Ее улыбка была столь обворожительна, что я замер в восхищении. В тот же день я должен был идти вместе с друзьями на вечеринку, которую устраивали незнакомые мне люди. Я пришел первым, позвонил в дверь, и ее открыла — вы не поверите! — та самая прекрасная незнакомка, которая явилась мне в видении несколькими часами ранее. Меня это настолько поразило, что не требовалось уже других доказательств эффективности и полезности ТМ. Знакомство с той женщиной привело к целому ряду плохих последствий для меня. Я попался к ней на крючок. Отчасти это напоминало мои взаимоотношения с матерью. Несколько раз я даже боялся за свою жизнь: у меня ни с того ни с сего случались приступы удушья. Все это длилось несколько лет, хотя и с перерывами — бывало, мы не виделись с ней по семь — девять месяцев. Отвязаться от нее было чрезвычайно сложно. Наверное, все кончилось бы трагично, но мне помогли выскользнуть из ее цепких лап (хотя и по сей день мне иногда кажется, что эта женщина ищет меня).

Занимаясь и дальше практикой ТМ, я постепенно начал замечать, что ее проповедники больше уделяют внимания коммерческому успеху, чем реальным человеческим потребностям. Иными словами, они, как и все остальные, прибегали к классическим западным технологиям зарабатывания денег. И тем не менее я продолжал регулярно медитировать — по двадцать минут утром и вечером. Я усердно выполнял все упражнения и в какой-то момент начал замечать, что мое сознание меняется странным образом. Меня посещают необычные мысли. Может, это моя душа пыталась достучаться до разума? Иногда меня посещало чувство, что я нахожусь в длинном туннеле, в конце которого брезжил свет. Временами казалось, что я парализован и лишен всякой воли и не смогу совершить даже простое действие, как бы мне этого ни хотелось.

Так или иначе, но вместо внутреннего покоя, который должен был на меня снизойти, я погрузился в некий туман, в котором увязал мой разум. Внешний мир меня теперь мало интересовал, но при этом я стал нервным и раздражительным. Гуру ТМ на это говорили: так из тебя выходит стресс. У них на все были свои объяснения.

Потом, к своему ужасу, я стал замечать, что у меня не только угасает сознание, но я слабею физически. Погружаясь в себя, я не обрел безмятежности, а начал испытывать все большее беспокойство. Мне было неясно, что происходит. Однако мысль о том, что так я смогу перебороть западное рассудочное мировосприятие, все еще не покидала меня, равно как и надежда, что вскоре все мои проблемы решатся. Может, я доберусь до таких глубин души, что мне откроется моя подлинная сущность? И я, Клаус, сольюсь в экстазе с космосом, соединюсь со всей вселенной.

Мой гуру постоянно твердил о том, что наступает заря новой эпохи — «эпохи просветления». Но вскоре в моем сознании забрезжило совсем другое «просветление». Это произошло, когда я узнал кое-что о созданной Махариши организации: она активно скупала недвижимость — землю, отели, замки по всему миру, а потому начала мне казаться финансовой империей, а вовсе не духовным центром. Узнать все это мне помогли люди, владевшие инсайдерской информацией.

Вообще-то мне и раньше многое казалось подозрительным, прежде всего то, что ученики оказываются тотально зависимыми от наставника. Вокруг него была выстроена иерархическая структура, и на всех ее уровнях почитатели давали клятву безоговорочной верности учителю. Как и во многих тоталитарных сектах и авторитарных системах, существовала масса жестких правил, строгих запретов и других формальностей. Например, все мужчины обязаны были сбривать бороды, а женщины — носить сари. Или в присутствии «Его Святейшества» все должны были разуваться. За соблюдением этих правил неотступно следили старшие. Те, кто входил в общину, не имели между собой дружеских связей, а держались подчеркнуто холодно. Что до внешнего мира, то от него ты был обязан отгородиться стеной.

Впоследствии я встречал людей, которые были вовлечены в трансцендентальную медитацию намного дольше, чем я, и пришли к выводу, что эта практика ведет к саморазрушению. Профессор Дж. И. Шварц из Гарварда провел исследование с участием практикующих ТМ и сделал интересные выводы. Он заметил, что такая медитация приводит к снижению пульса,

сокращению поступления кислорода в кровь, замедляет дыхание, повышает чувствительность кожных покровов, расслабляет мышцы и рассеивает сознание. Все эти признаки описывают такое же состояние, которое бывает у перегревшегося на пляже.

Мой собственный опыт показал, что ТМ вызывает определенный стресс в организме и это приводит к дыхательной недостаточности. Во мне от всего этого нарастал иррациональный страх, который распространялся на самые простые бытовые вещи, появилось ощущение, что кто-то поджидает меня в засаде и готовится напасть.

К тому же я отметил, что во мне стала подниматься особая гордыня, как будто я могу стать сам себе богом. Я думал, что таким образом войду в контакт с духами и стану их помощником. Только теперь я понимаю, что в лице Махариши я обрел лже-Христа.

Сама идея оставить мир — об этом постоянно говорили «идеологи» ТМ — казалась мне, молодому человеку, довольно привлекательной. Но другая часть меня не хотела расставаться с привычным образом жизни, хотя я и понимал, что надо как-то совершенствоваться — двигаться вверх, а не вниз. Что же можно было сделать в той ситуации, в которой я очутился? Был ли я действительно способен управлять силами, которые помогли бы мне достичь своей давней цели — обрести власть над людьми? Похоже, на тот момент не я манипулировал окружающими, а они мной. Сейчас-то я понимаю, что ни разу тогда не встретился с подлинной силой, способной помочь мне обойти все западни. Ведь в моей жизни тогда не было Святого Духа, а в одиночку я был не в состоянии противостоять обитателям тьмы.

Может, мне и казалось тогда, что я стою на пути, ведущем к святости и чистоте. Но на самом деле это была просто серия встреч с ложными святыми и обманчивыми соблазнами. После нескольких лет медитативной практики я оказался на грани нервного срыва. Внутреннее напряжение и парализующие волю страхи не давали действовать. Сознание было замутнено: я не различал ни добра, ни зла. Но при этом все равно упрямо держался выбранной дороги. ТМ представлялась мне важнее учебы, и я забросил университет. Изредка я испытывал экстаз или впадал в транс, и это было единственное, что позволяло мне хоть ненадолго расслабиться и забыть о моем плачевном состоянии. Однако в медитации не было никакой божественной искры, а потому я пробуждался от транса и опять оказывался во власти своих демонов — одержимости сексом, тяги к власти и лжи.

Глава 4. Индия: в поисках света

Итак, чтобы понять, откуда берет начало трансцендентальная медитация, я отправился в Индию и решил там немного пожить. Индуизм имеет множество различных форм и течений, и немало современных духовных учений берут его за основу. Первое, что я понял, прибыв на родину Махариши, так это то, что наш гуру в угоду потребностям западного человека создал некую личную версию индуизма. Истинные адепты этого вероучения часто высказывались о ТМ пренебрежительно. Например, они предостерегали, что осваивать технику левитации (наш учитель называл это состояние «сидхи») не стоит, в то время как многие последователи трансцендентальной медитации с большим рвением пытаются ее практиковать.

В тот период я с особой остротой переживал, что ничего не достиг в жизни. Я пытался учиться в двух университетах, и оба бросил. Я не нашел себе ни духовного, ни физического пристанища. Однако у меня вдруг возникла надежда, что на просторах индийского субконтинента с его уходящими в глубь веков религиозными традициями мне удастся обрести новый дом, где я смогу жить, ничего не боясь. К сожалению, я по-прежнему считал, что избавиться от страха можно, только если доминируешь над себе подобными.

Обосновавшись в Индии, я горячо поверил в то, что индуизм — это мое будущее. Нет, я больше не буду вступать в секты. Я буду следовать подлинной религии, примкну к истинно верующим людям, которых так много в этой стране. Наверное, так мне удастся решить все свои проблемы. Но удастся ли мне разгадать загадку жизни? Я медитировал и молился вечному бытию — Брахме, практиковал йогу, изучал астрологию, почитал праздники, участвовал в храмовых ритуалах, простирался перед статуями индуистских богов, полубогов и демонов. За семь лет я исколесил всю Индию вдоль и поперек, проехал более тридцати тысяч километров. Карабкался в Гималаи и добрался до самой южной точки полуострова. Посетил храмы Брахмы, Шивы, Вишну — трех главных божеств. Встретился со многими современными учителями духовности, например с Саи Бабой, который, надо сказать, меня сильно разочаровал.

Во время этих путешествий, сопровождавшихся интенсивными медитациями, у меня открылись особые способности. Я мог просто посмотреть на человека и определить, в каком психическом состоянии он находится. Кроме того, я

получил дар медиума, который использовал для общения с уже умершими великими индийскими гуру. Это был особый контакт: они передавали мне сообщения из «запредельных миров». Этот опыт захватил меня и преисполнил гордостью, я уверился, что действительно особенный, избранный. Пожалуй, я и сам могу быть гуру. Правда, мое собственное душевное состояние так и не менялось к лучшему.

Постигая доктрины индуизма, я усвоил ряд его философских основ, в том числе учение о карме. Этот закон можно описать просто: «Что посеешь, то и пожнешь». Также я принял на веру идею реинкарнации. Она мне показалась вполне логичной.

И все же в глубине души я чувствовал, что европейскому сознанию индийская религия совершенно чужда. Богом мог стать любой предмет. Ты поклоняешься вообще всему, чему угодно: коровам, обезьянам, слонам, деньгам, людям, крысам и, конечно, — самому себе. Но как же установить личный контакт с такими божествами? Ответ на этот вопрос так и остался неясным. Кроме того, я заметил, что индуисты всерьез боятся демонов, которые, как оказалось, наделены почти таким же могуществом, как и боги. Никакой системы и порядка во всем этом, с моей точки зрения, не было. Впрочем, некоторая бессистемность казалась даже благом — значит, во всем этом не было рационализма и материализма. Поэтому западный критический разум, стремящийся все классифицировать и всему найти логические обоснования, и не мог в этом разобраться. К тому времени я уже твердо верил, что одной лишь логикой не постигнешь законов и тайн души.

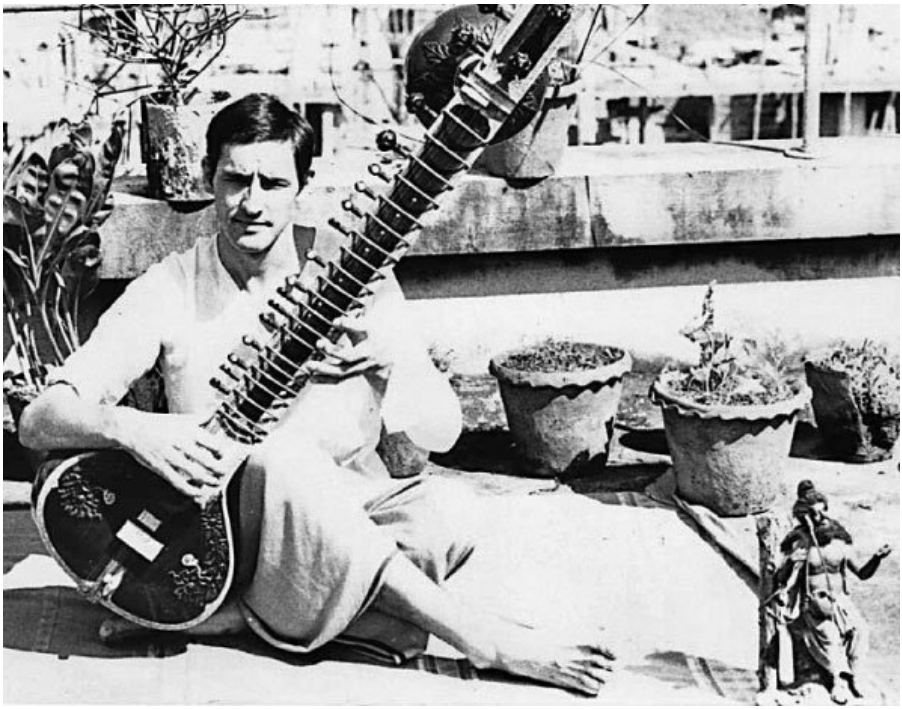
При этом я полагал, что кастовое устройство общества, согласно которому все индийцы разделяются на пять социальных групп, мешает развитию. Вскоре разочаровался я и в учении о карме, которое, как поначалу казалось, объясняло многие жизненные события. Но затем я понял, что этот жесткий закон порабощает человека. Тот становится заложником прошлого и несет наказание за поступки других людей, живших до него. Особенно сильно страдали от кармической причинности те, кто принадлежал к касте далитов (неприкасаемых), — они не имели права получать образование, не могли занимать государственных должностей и овладевать многими профессиями. Представители четырех других каст смотрели на них свысока. С рождения далиты были самыми несчастными и всеми презираемыми существами. Они даже не имели права переступить порог храма, потому что тем самым оскверняли его. Брахман (представитель жреческой касты) никогда не пожмет руку неприкасаемому.

Может, законы индуизма чем-то подобны расовой теории — апартеиду?

Я рассуждал так: любой индуист в ходе тысячелетних перевоплощений изо всех сил старается создать себе «положительную карму». И если он преуспеет, то это обязательно должно иметь некие внешние проявления. Значит, здесь должно быть много счастливых людей? Поначалу Индия действительно представлялась мне процветающей страной, где все довольны жизнью. Но после года в Калькутте стало ясно, что все совсем не так.

Индуисты отличались тотальным фатализмом, при этом людей вокруг с трудом можно было назвать освободившимися от эгоизма и поглощенности собой. О каком прогрессе и совершенствовании могла идти речь, когда даже крысы почитались как перерожденные святые души (мне довелось и такое наблюдать в Калькутте)? Нет, этот мир вовсе не перерождался к лучшему, и подтверждением тому для меня была нищета, которая царила в городе.

И тем не менее я продолжал проникать в тайны индуизма и не терял надежду, что именно здесь у меня появится возможность убежать от собственных страданий и преодолеть свою несчастливую судьбу. Я жил в индийской семье, где ко мне относились как к родному, потому что их сын, живший в Германии, был моим близким другом. Семейство принадлежало к среднему классу. Мама моего друга была директором школы. Она дала мне много практических советов в моих духовных поисках. Например, подсказывала, когда в городе выступит тот или иной известный индуистский учитель. Мне в каком-то смысле повезло: в отличие от большинства приезжих европейцев я оказался интегрирован в жизнь местного населения и мог ближе познакомиться с социальной средой. Таким образом я смог увидеть индуизм во всем его многообразии.



В Калькутте с ситаром: попытка погрузиться в индуизм через музыку

Чтобы избежать движения по замкнутому кругу сансары, то есть все новых реинкарнаций, необходимо было очиститься внутренне и достичь состояния небытия. Я пытался изъять себя из материального мира, уйти от его иллюзорности, обозначаемой термином «майя». Наблюдая за практиками, которым следуют индуисты (хотя они и различались в разных храмах и у разных учителей), я пытался повторить их опыт. Некоторые прибегали к довольно болезненным ритуалам, например к кастрации, или отправлялись в паломничество вокруг священной горы Кайласа (Эверест) на коленях. Совершаемые мной ритуалы были более щадящими — храмовые жертвоприношения, воскурение благовоний, омовения в водах реки Ганг и чтение книги «Бхагавад-гита». Как и многочисленные адепты индуизма, я надеялся, что смогу подобным образом избавиться от такого несчастья, как перерождение.

Я серьезно занялся йогой — поначалу она казалась мне просто еще одной формой медитации, но со временем стало ясно, что, кажется, она может помочь на моем пути к освобождению от страданий, страха и чувства вины. Правда, ни один гуру не мог дать мало-мальски приемлемого для меня ответа, откуда берется это чувство вины.

Западного человека йога манит тем, что помогает решить психологические проблемы и сулит достижение внутренней гармонии. Она оказывается куда привлекательнее, чем то, что предлагают некоторые христианские священнослужители. Однако невозможно однозначно утверждать, является ли обещанный йогой и индуистской медитацией «глубокий покой» действительно эффективным лекарством от многих бед, или он становится лишь «анестезией». Позже я понял, что такой «эффект снятия боли» приводит к духовному параличу, потому что начисто убивает стремление к очищению и росту. Я пришел к выводу, что индийские практики с их анестетическим действием в итоге отдалили меня от познания собственного «я». Я совершенствовал техники, впервые опробованные в ходе освоения трансцендентальной медитации, чтобы отогнать от себя все приходящие извне мысли. Но выяснилось, что такой подход опустошает душу и ввергает в депрессию.

Так или иначе, все мои духовные «достижения» — состояние, близкое к полету, и ощущение собственной невесомости — не давали мне ничего, кроме весьма кратковременного удовлетворения. Страсти, затаившиеся было на дне души, снова начали поднимать голову. Жажда власти и плотские желания опять овладели мной. Хуже того: чем больше я погружался в индуизм, тем сильнее во мне разрастался страх. Особенно я боялся умереть, не достигнув высот духа. Мысли о смерти преследовали меня постоянно. Полученный навык духовного самоконтроля стал просто инструментом, ненадолго блокирующим неприятные мысли. Когда я очнулся от «анестезии», то понял, что все осталось ровно так, как прежде.

Единственное, в чем я по-настоящему преуспел, было умение изображать гуру, к которому многие индийцы и ищущие истину западные туристы обращались за советом. Лишь очень проницательный человек мог различить под этой маской уверенности, достигаемой за счет психологических трюков, простого обманщика с мятущейся, больной душой. Помню один такой случай: женщина-христианка из Германии сумела раскусить меня. Это озадачило, потому что подобное случалось крайне редко. В основном я абсолютно полагался на свое влияние и авторитет. Но моя соотечественница проявила стойкость и мудрость и тем самым заронила в мою душу полезное зерно сомнения. Я задумался о том, что не так уж всезнающ и непогрешим, как мне самому казалось.

Через эзотерические практики, изучение восточной философии и психологии, приобщение азиатским религиозным

течениям, в том числе мистическим, мне открылось много удивительного. Все эти квазидуховные занятия привлекали к «учителю Клаусу» других людей, которые находились в поисках смысла жизни. Я убедил себя в том, что я — настоящий гуру. Поэтому мне казалось, что я на верном пути. В детстве меня страшно угнетали и унижали, поэтому теперь мне хотелось заставить окружающих восхищаться мною.

Часто беседуя с выходцами из Европы и Америки, я заметил, что идея реинкарнации привлекает многих из них. Тем, кто привязан к мирским радостям — сексу, власти и деньгам, — трудно пожертвовать ими ради вечной жизни. Вера в переселение душ решает этот неприятный вопрос. Человек говорит себе: «Да, я стану добродетельным, но когда-нибудь потом, в следующей жизни». Если человек знает, что ему еще представится шанс стать лучше, прожить жизнь еще раз, он заключает, что сейчас не стоит и стараться. Можно позволить себе немного расслабиться.

Когда я на время возвращался в Европу, то старался как можно больше делиться с окружающими полученными мною эзотерическими знаниями. Многие слушали с интересом. Опыт позволял мне быстро находить болевые точки собеседников. Я чувствовал, чем они одержимы, от чего зависимы. Такие слушатели меня уважали и считали подлинным наставником, хотя на самом деле я просто манипулировал ими, играя по правилам дьявола. Это было такое же духовное насилие, какое применяли ко мне в детстве. И оно может быть очень разрушительным для человеческой души.

Во время пребывания в Калькутте я в какой-то мере попал под влияние культа Кали — богини, в честь которой назван город. Ее адепты верят, что она обладает мощной эротической энергией и таким образом привлекает людей и индуистских божеств, которые не способны ей противостоять. Заманив жертву, она огромным мечом отсекает ей голову и пьет кровь. Шею богини украшает гирлянда из черепов убитых. В таком виде она представлена на многочисленных глиняных статуях, перед которыми проводятся службы (пуджи) в ее честь.

Во время молитвы я обращался к Кали как к воплощению непреодолимой разрушительной силы. Конечно, рядовой индуист мог воспринимать ее по-другому, я в данном случае говорю только за себя. Она стала для меня новой «царицей ночи», второй матерью. Только-только (как мне думалось) я освободился от влияния своей биологической родительницы — и на этом месте тут же оказалось пленившее меня черное божество.

И вот однажды со мной произошло необычное событие. Я

медитировал в храме Кали и засиделся дольше, чем обычно. Это было единственное место в Индии, где по-прежнему приносились кровавые жертвы. Незадолго до моего прихода в тот день несколько животных были обезглавлены. Повсюду была размазана их кровь. Дело в том, что в сердцах тех, кто поклонялся богине, вечно жил страх перед нею, поэтому верующие, не жалея сил, пытались с помощью жертв утолить постоянную жажду крови своей покровительницы. Так они на время отвлекали внимание убийцы от людей. Я сидел среди кровавых луж на каменном возвышении и долго медитировал, а потом вдруг почувствовал, что смерть где-то рядом. Наверное, это была Кали. Страх сковал меня, но все же я успел подумать, что пришло время применить свои сверхспособности и вступить в борьбу с губительницей человеческих душ. Надо раз и навсегда победить свой ужас перед смертью (она мне представлялась божеством женского пола). Но как же нанести верный и точный удар? Я всегда был не теоретиком, а прагматиком. Победа над смертью представлялась мне не символическим, а практическим актом. Во мне стало вскипать желание встретиться с ней лицом к лицу, а затем своими собственными силами дать ей решительный отпор.

Но где найти смерть — так, чтобы прямо взглянуть ей в глаза? Как именно, в какие моменты мы встречаемся с ее разрушительной энергией? Я вспомнил, как в юном возрасте играл на кладбище и рассматривал трупы в морге. Правда, больше я никак со смертью не соприкасался, личного опыта в этой области мне недоставало.

Все эти мысли роились у меня в голове, когда я сидел в храме Кали перед ее черной статуей. И тут меня посетила одна идея. Живя в Калькутте, я не раз слышал рассказы о матери Терезе. Поначалу она меня нисколько не интересовала. Я знал только, что эта женщина получила Нобелевскую премию мира. Конечно, я понимал, что она христианка. Однако на том этапе я стремился игнорировать все, что связано с христианством. А сидя в храме Кали, я вдруг вспомнил, что мать Тереза вроде бы опекает несколько заведений, которые называют «домами мертвых»[5]. Это то, что надо! Будто по заказу, один из таких домов располагался в подвальном помещении того самого храма Кали, где я медитировал! Надо узнать, что же эти дома мертвых собой представляют. Сердце бешено забилось, я прервал медитацию и отправился в крипту, навстречу смерти — такой, какая она есть.

«Дом умирающих» – место борьбы со смертью. «Дом» был создан матерью Терезой для бедных тяжелобольных и умирающих людей в трущобах Калькутты (вид снаружи)

По дороге мое воображение стало рисовать яркие картины: стоны умирающих, последние муки агонии. Мне снова стало жутковато. Но надо идти вперед, что еще остается делать? Надо отыскать смерть, иначе я не обрету жизни. Надо победить силы разрушения, а для этого следует, не оборачиваясь, двигаться к намеченной цели.

Я спустился по лестнице. В подвале со сводчатым потолком царил полумрак. Я ожидал увидеть адские муки, но меня поразило, что везде разлит покой. Он был и внешним, и внутренним. Какими словами передать это чувство? Мгновенно стало ясно, что смертному ужасу тут нет места. Мне стало уютно, как дома. Может, это и есть та особая гармония, которой я так жаждал? Я никак не мог взять в толк, что происходит. Все это было очень странно. Несколько мгновений я стоял в сумеречном помещении и ощущал дыхание подлинного бытия. Просто удивительно! Новые чувства так захватили меня, что я даже

забыл о цели своего визита.

«Дом умирающих» (вид внутри)

Тут ко мне вышла одна из монахинь, и я спросил ее:

— Где можно найти мать Терезу? Мне нужно у нее кое-что спросить.

— Она сейчас трудится где-то на улицах города.

— Когда я могу с ней встретиться?

— Не знаю, вернется ли она сюда сегодня. Но каждое утро, в пять часов, она бывает по адресу Lower Circular Road, дом номер 35. Там ее и ищите.

Указанный монахиней адрес находился всего в нескольких минутах ходьбы от того места, где я жил, — в районе Park Circus. Так что на следующее утро я туда и отправился.

Меня одолевало любопытство. Мать Тереза была очень известной личностью, и мне представлялось, что она будет похожа на тех многочисленных мудрых учителей, с которыми мне довелось познакомиться. Она, наверное, восседает на высоком троне, и вокруг нее вьется целая свита из монахинь. Им милостиво позволено сидеть у ног наставницы. Вокруг развешаны гирлянды из цветов. Иногда матушка одаривает благосклонной улыбкой кого-то из присутствующих. Это своего рода тайное

благословение. Такого рода картины я нередко наблюдал, посещая «выдающихся» индийских мудрецов.

Любопытство и надежда вели меня вперед. Я подошел к дому и открыл дверь. Бабах! Меня ждало потрясение. Какой трон, какие гирлянды? Посреди зала стоял самый простой и прозаичный деревянный стол. За ним вовсе не восседала величественная дама. В помещении было около сотни монахинь. Все были одеты в одинаковые бело-голубые сари и сосредоточенно молились.

Lower Circular Road, 35: Здесь я плакал впервые за двадцать с лишним лет

Я никогда не видел фотографий матери Терезы, поэтому никак не мог выделить ее среди прочих. Мне нужно было дождаться, пока закончится время молитвы. Атмосфера в зале была особенной. Но мое предубеждение против христианства не давало мне расслабиться. Находясь среди молящихся христиан, я чувствовал неловкость. Поэтому стал потихоньку пробираться к выходу.

В этот момент маленькая сгорбленная монашка подошла ко мне и протянула молитвенник, чтобы мы могли вместе с ней обратиться к Богу.

«А вот тут ты ошиблась, — подумал я. — Я с вами, христианами, иметь дело не хочу. И не нужно мне ваше благочестие». Однако книга случайно распахнулась на какой-то странице, и мой взгляд невольно выхватил несколько слов. Это была молитва святого Франциска Ассизского. Она неожиданно пришлась мне по сердцу. Но это было только начало. На этом сюрпризы не закончились.

Я уже рассказывал, как в совсем юном возрасте поклялся, что всегда буду тверд, как скала, и никогда не пророню ни слезинки. Как бы меня ни били, как бы ни унижали, я не давал волю чувствам. Клаус не плакал, чтобы ни в коем случае не дать взрослым почувствовать свое превосходство. Прошло двадцать пять лет, и клятва была нарушена: стоило мне прочитать всего несколько предложений из молитвенника, как нижняя губа у меня затряслась, дыхание стало прерывистым. Внутри меня зрело что-то, что должно было вот-вот взорваться. Что же это такое? Так можно разом перечеркнуть все те годы, когда я был суров, как кремень. Я чувствовал себя уязвимым, как лист, который уносит прочь ураганный ветер. И тут впервые за много лет я разрыдался!

Меня накрыло нечто, от чего я почувствовал себя совершенно беззащитным. В душе зашевелились новые чувства, а тело содрогнулось от их мощи. Мне показалось, что внутри меня все ослабело и обмякло. Но самое поразительное — смущение и неловкость вдруг совершенно покинули меня. Так я стоял, всхлипывая, примерно три четверти часа. За это время приехал священник и провел мессу. Когда она закончилась, я не мог произнести ни слова. В таком состоянии я покинул здание и пошел домой.

Дома я погрузился в медитацию, надеясь, что смогу укротить внутреннюю бурю. На самом деле мне никак не удавалось осмыслить то, что произошло. Почему все так случилось? Я что, внезапно впал в детство и разревелся, как младенец? Такое трудно себе представить. Этого не может быть. Вероятно, придя в дом мертвых, я столкнулся с явлением, радикально отличным от смерти, и оно оказалось сильнее меня. Убедительного объяснения не находилось, а потому я решил отправиться на молитвенную встречу монахинь следующим утром. Я больше не позволю себе раскисать. После той первой мессы я чувствовал себя пристыженным — я дал слабину, обнажил чувства. Свою внезапную слабость я объяснял тем, что все произошло очень неожиданно.

Надо с помощью глубокой медитации подготовиться к следующей встрече с «кем-то» или «с чем-то» неведомым. Пусть

это и не смерть, с которой я по-прежнему мечтал ближе познакомиться.

На следующее утро я вышел на полчаса раньше, чем накануне, в надежде, что мне удастся поговорить с матерью Терезой перед началом молитвы и мессы. К моему большому удивлению, я застал монахинь уже молящимися. Я устроился в дальнем углу зала недалеко от входной двери, но одна из пожилых сестер, с лицом, покрытым множеством морщин, — кажется, та же самая, что подходила ко мне днем ранее, — снова протянула мне книгу.

«Будь осторожен!» — сказал я себе. Ну уж на этот раз я не дрогну… Но что толку! Как только молитвенник оказался у меня в руках, я снова весь затрясся и губы у меня задрожали. Сдержать слезы было просто невозможно. Они будто поднимались из самых глубин души.

Неужели это я?! Я казался себе железным человеком, но какая-то таинственная стрела пронзала меня, безошибочно попадая в самую чувствительную точку. А я и знать не знал, что у меня есть такие точки. Как больно! Как возмутительно! Что же это такое? Что может быть сильнее, чем весь мой предыдущий опыт? Почему я не могу контролировать эти эмоции? Почему горько рыдаю и теряю дар речи? Я был в отчаянии, я был сражен.

На третий день, увлеченный стремлением наконец разрешить загадку, я опять отправился по заветному адресу. И снова пожилая монахиня подала мне молитвенник. Неужели все снова повторится? И в третий раз я расплакался и не мог остановиться, теперь меня разобрало на фразе «и лежало на нем проклятие». Я был абсолютно беспомощен — не контролировал ни сознание, ни эмоции. Все внутри дрожало и клокотало. Мне хотелось закричать и броситься вон. Однако в этот раз мне все же представилась возможность поговорить. Когда я возвращал книгу опекавшей меня пожилой женщине, она взяла меня за руки и мягко заговорила со мной. Когда она глянула прямо мне в глаза, я осознал, что передо мной сама мать Тереза. Когда она произнесла первые несколько слов, сердце у меня забилось так сильно, что, казалось, сейчас выскочит из груди. Мне вдруг стало ясно, почему индийцы называли ее святой. От нее исходило такое тепло, такая любовь, что она могла растопить лед в любой душе. Монахиня Тереза действительно была как мать всем бедным, а я в тот момент был первым среди нищих. Раньше я не знал таких отношений, но теперь почувствовал, что эта женщина может быть по-настоящему родной и близкой.

Мать Тереза: встреча с подлинной любовью

Глядя на меня с огромной любовью, она спросила, как меня зовут. Все эти дни она наблюдала, что со мной творится, а потому теперь ее интересовало, зачем я здесь.

— Скажи-ка, что ты делаешь в Калькутте? — Взгляд ее был очень пристальным.

Тут во мне снова проснулся «всезнающий и мудрый» Клаус. Я захотел произвести на нее впечатление. Не забывайте, что в поисках смысла жизни я многое познал, и были люди, которые почитали меня как гуру. Я ответил, пыжась от гордости:

— Я ищу истину!

«Звучит впечатляюще», — сказал я себе. Теперь она меня, конечно, оценит и примет как самого дорогого своего ученика. Она будет польщена, что к ней обратился такой умный человек, как я, достойный ее внимания.

Но она громко рассмеялась. Видимо, потому, что не встречала еще такой напыщенной глупости. Она хохотала от души, так что на глазах выступили слезы. Потом заключила меня в объятия и, все еще смеясь, сказала:

— Ну, для этого вовсе не надо было отправляться именно в Калькутту!

Одной рукой она продолжала обнимать меня, а кончиками

пальцев другой постучала по моей груди в области сердца и продолжала:

— Искать надо глубоко внутри себя. Истина скрыта именно здесь. То, что расположено в алтаре любого храма, — всего лишь символ, знак, указывающий на то, что скрыто в сердце. Твое сердце и есть настоящий сосуд со священным содержимым.

В этих словах было столько простоты и силы, что они перевернули мое сознание. Клаус — самопровозглашенный гуру, впервые в жизни не знал, что ответить.

Здесь сошлись две воли, и моя оказалась слабее, чем ее. Услышанного было достаточно, чтобы полюбить мать Терезу. Но как смириться с тем, что она христианка? «Может, на самом деле она близка к индуизму, но сама того не осознает?» — размышлял я. В моем представлении не существовало последователей Христа, способных проявлять искреннюю любовь к ближним.

Три последующие недели я каждое утро приходил на молитвенные встречи и в разговорах с матерью Терезой упорно пытался обратить ее в индуизм. Мне он по-прежнему казался источником надежды на спасение, хотя вера в него последнее время несколько пошатнулась. А моя собеседница старалась смягчить мои умствования и внести в наше общение тепло, которого мне так не хватало. Она не тратила понапрасну время, перечисляя аргументы за и против индуизма, а просто рассказывала мне об Иисусе и Марии, а также об их отношениях с человеком. После нескольких недель она поняла, что я продолжаю стоять на своем.

Моя жажда все еще не была утолена, и я чувствовал, что нужно вернуться «в мир», чтобы продолжить искания.

— Подойди-ка сюда и дай руку, — сказала мать Тереза как-то утром. Она раскрыла мою ладонь и продолжала: — Смотри… Линии на ладони каждого человека образуют букву М. Глядя на них, вспоминай о Марии — главной нашей заступнице. Она будто бы нанесла этот знак на наше тело, чтобы мы не забывали о том, кто неустанно молится о человечестве. Если тебе будет трудно, если все вокруг будут против тебя, открой ладонь и попроси о помощи Пречистую Деву. Она всегда рядом и сможет тебе помочь. А потом добавила:

— Если хочешь, можешь молиться той же молитвой, что и я: «Мария, Матерь Божья, будь матерью мне и приведи меня к Твоему Сыну».

В тот момент я был слишком растерян и не чувствовал, что готов самостоятельно повторить эти слова. Но я не забыл их.

А еще через несколько недель мы распрощались с моей наставницей. Господь, безусловно, открыл ей, насколько я

нуждался в тот момент в заступничестве Его Матери. Но время моего обращения еще не наступило. Впереди были еще несколько лет метаний, и только после них я смог по-настоящему понять, о чем говорила мне мать Тереза. Слишком глубоки были раны, нанесенные мне слепцами и безумцами, лицемерно называвшими себя христианами.

Глава 5. Путешествие по Азии

Я покинул Калькутту ради поиска нового знания и новых впечатлений. Два дня я путешествовал верхом на слоне через деревни и рощи штата Ассам на востоке Индии. Шел по свежему следу тигра, который перебрался через бурлящую реку и там пропал где-то в зарослях. Во время ливня зонтом мне служил огромный лист растущих вокруг гигантских растений. Верхом на слоне я переправлялся через реки, и иногда он погружался в воду настолько, что на поверхности торчали лишь голова и хобот — и я тоже оказывался почти по шею в реке. Мне представлялось, как я тону: огромный водоворот затягивает меня на дно. И все же мощному животному удавалось успешно противостоять водным потокам. Временами я так утомлялся, что засыпал прямо на спине у своего толстокожего спутника. Однако физические испытания — проверка своего организма на прочность и выносливость — не особенно интересовали меня, хотя и тешили мою гордыню и питали самоуверенность. У меня была цель — добраться до Кашмира, а оттуда отправиться на север, в Тибетское нагорье, в Ладак. Я задумал оставить индуизм и обратиться к тайнам буддизма.

Но перед этим я некоторое время странствовал по Индии, осматривая достопримечательности. В дороге у меня случилась неприятность, в определенном смысле символическая. Это произошло, когда я приехал из Пуны в Мумбай. Вообще-то я знал правило: спроси десять индийцев дорогу — получишь одиннадцать разных ответов. Но почему-то, прибыв на вокзал в Мумбае, я все равно обратился за помощью к местным жителям.

Мне нужно было совершить пересадку. Я спросил у первого попавшегося индийца, от какой платформы отходит нужный мне поезд, — и тут же получил неправильную информацию. Была ночь. В результате, когда громкоговоритель объявил, что последний состав в нужном мне направлении отбывает через минуту, я понял, что нахожусь не на той платформе. Бежать в подземный переход и блуждать по его лабиринтам в поисках нужного выхода не было времени. На поверхности пути разделялись трехметровым металлическим забором, уходившим на полметра вглубь, ниже уровня платформы. Внизу, у путей, все было измазано красной жвачкой-бетелем, которую жуют индийцы и повсюду плюют под ноги. Кроме того, под платформой многие устраивались, чтобы справить нужду. Туда сбрасывали самый разнообразный мусор, заварку от чая, осколки разбитой посуды.

Уборщики сметали туда всю грязь, а потом заполняли ямы под платформами водой, чтобы приглушить зловоние.

Я беспокоился, что не успею на последний поезд, а потому перекинул свой рюкзак через забор на нужную мне соседнюю платформу. Но он не долетел до нее и повис на металлических прутьях. Я решил, что попробую и сам залезть на забор, а потом спрыгнуть с другой стороны. Глупец! Схватившись за ограждение, я всем телом повис на нем, намереваясь воспользоваться им как опорой и «подкинуть» себя вверх. Но решетка зашаталась, и я чуть не потерял равновесие. Лезть через нее было невозможно. Мне все же удалось с трудом дотянуться до повисшего наверху рюкзака, но стоило мне отцепить его от забора, как он с громким плеском плюхнулся вниз в коричневую жижу под платформой. Тут решетка снова дрогнула, и я полетел вслед за своими пожитками в вонючую лужу. Она была мне чуть ли не по самую шею, и стоило больших усилий выбраться из нее — конечно, я сам вымок до нитки, равно как и все вещи в моей сумке. Мне было досадно, я злился на весь свет и недоумевал — неужели такова моя награда, сверкающая слава, причитающаяся за то, что я столько времени провел с выдающимися гуру?

И вот я добрался до Кашмира и предгорий Гималаев у границы Индии и Китая. Путь мой лежал наверх. Я шел горными тропами, прячась от песчаных бурь. Потом начались непрекращающиеся метели. Мне удалось добраться до высотной отметки в 5000 метров. Это была та часть Тибета, которая обращена к Индии. Здесь берет начало река Инд. Лишь недавно в эту область открыли доступ иностранцам, а в то время там было много военных и они часто проверяли документы у путешественников[6]. Но сами по себе эти края были завораживающе прекрасны. От экзотических горных видов захватывало дух. В них преобладали неповторимые краски — в основном разные оттенки голубого, белого и коричневого.

Красота природы разбередила во мне жажду новых приключений. Мне снова вздумалось доказать себе, что я могу идти своим путем сам и не нуждаюсь ни в чьей поддержке. Оказавшись фактически на «крыше мира», я нанял Land Rover с водителем и принялся объезжать буддийские монастыри в разных уголках Гималаев. Некоторые из них лепились к скалам, как гнезда грифов.

У подножия горы Нанга Парбат (8125 метров) я взял лошадь и договорился с проводником, который согласился указать мне путь к вершине. Но когда мы забрались довольно высоко, проводник испугался и отказался идти дальше, сказав, что здесь

водятся медведи и белые тигры.

Вообще-то без гида и средства передвижения нельзя было продолжать путь. И все же я упорствовал, пошел дальше пешком — абсолютно один — и поднялся на высоту около 6000 метров. Вокруг лежал снег, воздух был разреженным, ноги окоченели. Зачем я залез сюда? У меня было две задачи. Во-первых, мне хотелось найти особое место для медитации, и вдобавок я хотел испытать себя и доказать себе и всему миру, что мне никто не нужен. Гордыня никуда не делась, хотя в тот момент, честно говоря, гуру Клаус был на грани фола.

Часа два я пытался провести в медитации, но дышать было очень трудно, и ледяной ветер пробирал до внутренностей. Стало ясно, что если остаться здесь на ночь, то вполне можно замерзнуть насмерть. Холод был настолько силен, что моему сознанию не удавалось обмануть тело. Зато в этих экстремальных условиях я вдруг как будто со стороны взглянул на ту бессистемную и беспутную жизнь, которую вел три десятилетия. Да, время от времени во мне рождалась тяга к стабильности, спокойствию, безопасному существованию. Но вскоре это проходило, и почва снова уплывала из-под ног. Истина, предлагаемая индуизмом, была многоликой. Тысячи богов, священные животные, бесчисленные мудрецы и гуру… Но ведь я не нашел того, что искал. Моя душа не обрела ни подлинного покоя, ни радости, ни свободы, ни любви. Все осталось: эгоизм, страдания, погоня за призрачным, ускользающим счастьем — и опустошенность. Как я мог чему-то учить других и быть авторитетом, если сам не был удовлетворен тем, что пытался проповедовать? Кстати, такие же претензии я мог бы предъявить любому из тех учителей, с которыми встречался, изучая верования индусов!

Выходит, я — лицемер?

Несмотря на семь лет усиленных экспериментов и работы над собой, мне не удавалось уйти от невеселой реальности в другую, и подлинной жизни у меня не получалось. Да, эти годы не прошли даром, но у меня лишь разгорался аппетит к «сенсациям». Я приобрел эгоистическое желание достигать все новых духовных высот, чтобы реализовать свою гордыню и самому стать богом. Высоко в горах был удивительно чистый воздух — но в голове у меня плыл туман.

Таково было состояние моего ума, когда я посетил несколько буддийских монастырей в Гималаях. В каждом мне удалось пожить не по одному дню. Многое меня заинтересовало и восхитило, но ни в одном не захотелось остаться. Стены обителей украшали удивительные росписи: сцены из жизни Будды и

картины, иллюстрирующие человеческий путь самосовершенствования. Когда я рассматривал их, было очевидно: этот путь прекрасен, но сам я от него очень далек. Я совсем запутался, погряз в теориях и заблуждениях. Монахи были гостеприимны. В те годы к ним редко наведывались паломники. Я казался им таким же «экзотическим фруктом», как и они мне. Некоторые немного говорили по-английски, так что я мог вести с ними беседы — правда, не очень глубокие. Случались моменты, когда казалось: здесь, среди последователей Будды, в окружении немых скал, мне будет легче достичь внутреннего покоя. Иногда очень полезно, рассуждал я, оказаться подальше от искушений города — красивых женщин и супермаркетов. Однако от мысли остаться в гималайском монастыре надолго я все же отказался. Меня угнетала удаленность от мира, весьма скудный рацион (его основой был сдобренный жиром чай) и нехватка витаминов. Здесь восемь месяцев в году владычествовала зима, а температура падала до минус 45 градусов по Цельсию.

Я вернулся в Калькутту, но оставаться в Индии и продолжать погружение в индуизм мне не хотелось. Поэтому я решил посетить еще один форпост буддизма — по рекомендации важного для меня человека, который таинственным образом снова вошел в мою жизнь.

Дело в том, что по возвращении в Калькутту я встретил свою бывшую жену Урсулу. Последние семь лет я периодически писал ей и иногда получал ответы. Она знала, где меня искать. Жизнь Урсулы складывалась куда спокойнее, чем моя, но она тоже пребывала в духовных поисках и присоединялась к нескольким сектам, в том числе к «Детям Бога»[7]. Я был очень рад увидеть ее снова: все-таки мы много пережили вместе. Внешне она вроде и не изменилась и была похожа на большинство западных туристов, приезжающих в Индию. Обычная молодая женщина в футболке и джинсах. Но я-то знал, какой у нее большой стаж в поиске истины (не меньше, чем у меня). На тот момент она, как мне показалось, преуспела больше, чем я.

Урсула рассказала, что только вернулась из поездки в Таиланд, в монастырь одного из известных буддийских учителей, которого звали Аджан Ча. И теперь собирается возвратиться туда, чтобы поселиться там навсегда. Обитель расположена на восточной окраине страны, неподалеку от границы с Камбоджей и Лаосом. Урсула предположила, что, возможно, я тоже захочу обосноваться в этой общине, в которой живут и мужчины, и женщины.

В один из дней мы вместе с ней посетили мать Терезу. Моя

бывшая жена, как и я, была весьма невысокого мнения о христианстве. Но я никогда не забуду, как мать Тереза и Урсула смотрели друг на друга: казалось, что это две подруги, духовные сестры, знакомые много лет. Позднее Урсула сказала мне, что сохранила глубоко в сердце память о встрече со знаменитой монахиней. Этот образ поддерживал и укреплял ее в самые трудные минуты жизни.

Я решил, что обязательно навещу бывшую жену в тайском монастыре, но не сразу. Я боялся новых разочарований. В течение года я странствовал по Юго-Восточной Азии — искал приключений ради самоутверждения, смирившись с тем, что попытка найти себя в индуизме оказалась неудачной. Я был готов к чему-то новому.

В феврале 1978 года я наконец почувствовал, что готов вступить в молчаливый мир буддизма, в котором время будто бы застыло. Довольно бродить среди обезьян, скорпионов и змей в малайских джунглях! Пора разведать, что делается в непроходимом лесу, «выросшем» у меня внутри. Больше я не буду пытаться приобщиться к теизму (то есть монотеистическим или политеистическим религиям, где существует личностный бог или боги). Хватит с меня тех разочарований, которые уже пришлось пережить! Мне ничего не остается, как обратиться к философии, где личность вообще стерта. Буду жить в монашеской общине Аджана Ча до конца своих дней в надежде, что обрету желанную свободу и покой.

Урсула рассказывала мне о своем учителе как об одном из выдающихся знатоков буддизма. До этого она повидала много наставников, но этот, по ее мнению, обладал исключительными качествами. Под его руководством ей удавалось открывать для себя истину и смысл жизни так, как никогда не получалось ранее. Она говорила о нем с огромным и искренним воодушевлением. Но по ее рассказам я так и не смог уяснить, чего мне ждать от нового гуру. Поэтому я прибыл в созданный им монастырь, известный как Ват Па Понг, в некотором смятении. Меня поместили в отдельную хижину, спрятанную глубоко в лесу. Храм поражал своим архитектурным величием. Основной зал располагался в большом здании из бетона. Дорогостоящая постройка наверняка была возведена на щедрые пожертвования верующих.

Моя монашеская хижина в лесах Таиланда

Я прибыл в день какого-то буддистского праздника. В монастырь съехалось множество монахов и гостей. Главный учитель Аджан Ча восседал в центре зала, и его, естественно, окружали старейшины и важные гости. Но из почтения к выдающимся заслугам мастера все они не имели права приближаться к нему более чем на два метра. Я вышел вперед, чтобы меня могли представить наставнику. При первой встрече я мысленно всегда подвергаю гуру проверке — так меня научили еще в Индии. Я пытаюсь понять, кто передо мной — личность, вознесшаяся высоко и наслаждающаяся своим особым статусом, или действительно мудрец, искренний человек с богатым опытом, чье учение честно и правдиво. Будет ли он со мной обращаться уважительно, или это еще один ханжа, скрывающий внутреннюю пустоту под лицемерной маской? Мне хотелось испытать его, чтобы понять, как он будет реагировать на меня. В зависимости от этого я приму решение, остаться или уехать.

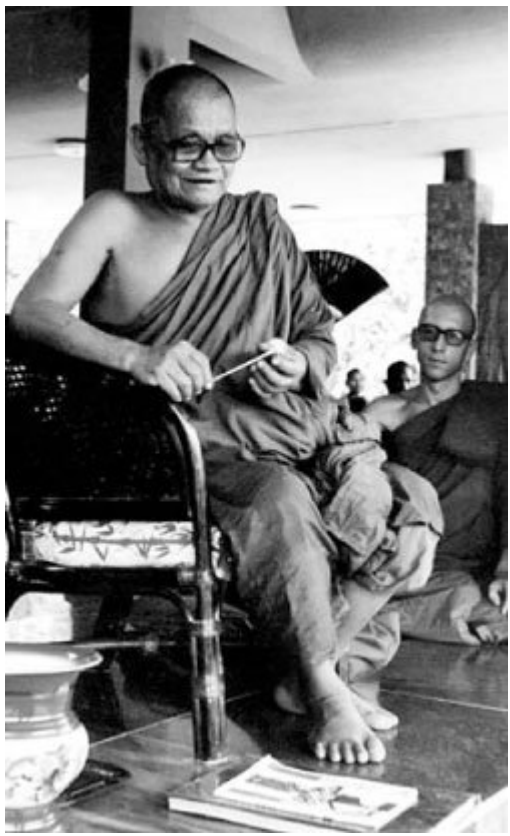
Я внимательно разглядывал учителя. Это был мужчина небольшого роста с широким лицом, немного приплюснутым носом, высоким лбом и бритой головой. Его совсем нельзя было назвать красивым. Мой план предполагал провокационную выходку, а потому я громко спросил:

— Что за уродливый карлик, похожий на дорожного рабочего,

восседает на возвышении?

Он взглянул на меня и, как выяснилось позже, с того самого момента почувствовал ко мне симпатию.

После первой недели в монастыре мне выдали коричневую робу, как у всех остальных, то есть приняли за своего. Благосклонность учителя сильно облегчила мою жизнь. Мне было позволено сидеть у его ног, и вскоре он уже занимался со мной индивидуально.



Знаменитый буддийский учитель Аджан Ча

Я до сих пор помню кое-что из того, чему он научил меня. Однажды я сидел перед ним на ступенях храма. Учитель взял в руки полную чашку чая, которую ему только что принесли. К моему удивлению, он долил в нее чай, так что тот начал переливаться через край. А потом вылил все ее содержимое на ступени, так что ручейки побежали по мрамору вниз. Аджан Ча некоторое время молчал, а потом сказал нечто вроде: «Чтобы иметь возможность добавить в сосуд что-то новое, надо сначала его опустошить». Так я начал постепенно постигать буддийскую концепцию пустоты. Подобные идеи существуют и в

христианстве, хотя им придается немного другое значение.

Клаус – послушник буддийского монастыря

У меня, как у любимого ученика, были некоторые привилегии, но в целом я разделял тяготы жизни общинников. День начинался с трехчасовой медитации в небольших молельнях. Затем мы, босые, шли пешком по окрестным деревням, прося подаяния. В день проходили по шесть-восемь километров. Нам жертвовали преимущественно еду. Обычно жители выносили пригоршню риса или сваренные вкрутую яйца голубовато-зеленого цвета. Иногда давали съедобные листья разных растений, из которых мы делали салаты. В выходные дни стол был разнообразнее — приезжали паломники из разных уголков Таиланда. Прием пищи был один — в 9:30 утра. После этого никому не разрешалось есть до следующего дня. Разговаривать между собой, читать, слушать музыку было нельзя. Общинникам не положено было иметь никакой собственности. В мои обязанности входило мыть плевательницы за монахами. Это послушание было дано мне для воспитания смирения.

Сбор пожертвований ранним утром – этим мы с братьями-монахами регулярно занимались в Таиланде

Днем мы таскали воду из очень глубокого колодца. Ни электричества, ни водопровода в наших отшельнических жилищах не было. Любое хозяйственное занятие требовало спокойного и медитативного отношения, а все свободное время каждый проводил в своей хижине, предаваясь разным видам медитации.

Основных ее видов было три. Первая строилась на правильном дыхании. Нужно было следить, как потоки воздуха проходят через ноздри и легкие. Еще была медитация в движении, предполагающая, что надо концентрироваться на работе мышц при каждом шаге.

Цель состояла в том, чтобы сосредоточить на чем-то сознание и прогнать все посторонние мысли. Третья техника состояла из бесконечного повторения слова «Будда».

Временами, примерно раз в неделю, я встречал Урсулу. Женщины и мужчины жили отдельно, в разных частях монастыря. Правила требовали, чтобы во время общения с противоположным полом всегда присутствовал кто-то третий. Так что во время наших разговоров рядом была еще какая-нибудь сестра. Мы не должны были приближаться друг к другу более чем на три метра.

Для нас эти беседы служили большим утешением. Ей приходилось трудно. Очень многие женщины попадали в общину не в силу духовной потребности, а потому что хотели убежать от жестоких мужей. Они без конца болтали между собой и мешали Урсуле медитировать. При этом мы не обсуждали, что происходит у каждого из нас внутри. Я никогда не делился с ней своими впечатлениями о монастыре и о том, какие сложности возникают

в духовном совершенствовании.

Раз в неделю устраивались «ночные бдения». Нужно было медитировать в движении с десяти вечера до шести утра. Мы ходили кругами, в основном в помещениях, потому что по ночам в этой местности выползали на охоту змеи, скорпионы и ядовитые муравьи. Для тех, кому было тяжело выдержать столь долгое бодрствование, Аджан Ча устраивал дополнительное испытание. Он ставил на бритую голову сонливого монаха большой стеклянный стакан. Ему самому и всем окружающим надо было предельно собраться и двигаться осторожно, чтобы стакан не разбился. В полумраке, в свете слабо мерцающих свечей это требовало больших усилий. Если это не помогало победить тягу ко сну, было еще более радикальное средство. Общинника, испытывающего трудности в борьбе с дремотой, сажали на край двадцатиметрового колодца: заснув, он точно бы свалился вниз и вряд ли бы выжил. Я несколько раз проходил это нелегкое испытание.

Стоит отметить, что такие практики вводились не из-за жестокости наставника и не из желания наказать непослушных. Аджан Ча не был сторонником жестких методов. Он ничего не требовал, а лишь давал советы тем, кто готов был подчиняться его водительству. Последователи учителя понимали: чтобы преуспеть на духовном пути, нужно быть готовым на все.

Одно из самых странных заданий, данных мне Аджаном Ча, было созерцание смерти. Причем практически в буквальном смысле этого слова — я должен был смотреть на трупы. Чтобы продлевать визу, мне нужно было регулярно ездить в Бангкок. Будучи членом известной всей стране общины, я получил разрешение на посещение морга, хотя для обычного гражданина доступ туда был закрыт. Также меня допускали в больничное отделение, где я присутствовал при вскрытии. Я видел, как человеческие тела — молодые и прекрасные, равно как и старые и морщинистые, — разрезают на куски специальными инструментами. Мой учитель считал, что такой опыт позволяет проникнуться идеей, что красота преходяща и временна. Вероятно, для меня подобные картины оказывались менее шокирующими, чем для других. Ведь еще в детстве я проявлял интерес к мертвому телу, так что в каком-то смысле привык к тому, как оно выглядит. Очень часто в моей жизни случались моменты, когда я чувствовал — смерть мне ближе, чем жизнь.

Три года самоотрешенных медитаций

Пребывание в тайском монастыре я вспоминаю как жизнь на грани возможностей. В Гамбурге в студенческие годы я вел сумасшедшее существование, принимал наркотики, и это была одна крайность — чрезвычайный гедонизм, вседозволенность и невоздержанность во всем ввергли меня в бездну отчаяния. Теперь я проверял себя на прочность в прямо противоположных условиях. Каждый день был подчинен законам строгой дисциплины. Предельный аскетизм, предписанный общинникам, был невыносим для большинства выходцев с Запада. Вероятно, я подсознательно ощущал необходимость приема такого горького «лекарства», которое помогло бы мне «компенсировать» разгульную юность. Тем более я никогда не был сторонником полумер и во всем шел до конца. При этом надо сказать, что в буддизме самоистязание вовсе не считалось целью. Суть этого вероучения в том, чтобы не впадать в крайности и избегать двойственности. Противостояние хорошего и плохого, черного и белого, счастья и несчастья должно потерять актуальность. Путь буддиста предполагает достижение такого состояния, где противоположные полюса теряют свою значимость.

Аджан Ча некогда, как и мы, ходил по деревням за подаянием, но теперь уже этого не делал. Однако он все равно везде держал при себе чашу для сбора милостыни и иногда давал мне ее поносить. Во время одной из наших еженедельных

прогулок и бесед, которые он проводил с последователями, он при большом скоплении общинников взял меня за руку и сказал, что считает меня истинным монахом. Мои товарищи были озадачены таким заявлением. Учитель пояснил:

— Все, что делает Клаус, он делает от чистого сердца. Он не рассчитывает выгоду, не поступает рационально.

Длительные медитации, которым я упорно предавался в последующие три года, доказывают, что слова учителя стали для меня мощной мотивацией. Я был очень польщен.

Окружающие сильно завидовали моему положению. Сейчас мне не кажется, что я был достоин такого отношения наставника, и все же я могу понять, почему он так обо мне отозвался. К моменту появления в монастыре я разочаровался в философских теориях и богословских построениях. Опыт научил меня не доверять им. Я оценивал вещи и явления исходя из собственных знаний, впечатлений, ощущений. Если та или иная практика давала осязаемый положительный результат — прекрасно. Если не давала, тогда я отвергал всю стоящую за ней теорию и весь этот путь в целом. Таков был мой подход. И вот передо мной возникло учение буддизма. Мне думалось: чтобы достичь высот на этом пути, нужно отказаться от всего, что я ранее узнал из книг. Тогда мне явится подлинная правда и откроются духовные ценности, недоступные разуму и непостижимые с помощью традиционного образования. Я не переносил формализм и иерархию. Меня интересовала суть, а не внешняя сторона явлений. В последующие месяцы я усиленно упражнял тело и душу, вникая в постулаты буддизма. Во мне родилась новая надежда, и она меня окрыляла.

Целью пребывания в монастыре было достижение нирваны, неописуемого состояния свободы от любых привязанностей, да и в целом от бремени существования в этом мире. Аджан Ча говорил:

— Тот, кому удалось полностью сосредоточиться на медитации хотя бы на шесть минут и начисто прогнать все посторонние мысли, уже достиг нирваны.

Это означало, что такой человек как минимум освободился от всех проблем. Но подробнее о том, что представляет собой нирвана, он никогда не рассказывал. Может, это бытие и небытие одновременно? Иногда мне казалось, что никто еще не достигал этого состояния. Значит, и сам мастер тоже? Правда, некоторые монахи называли его просветленным (а это указывало на то, что он познал нирвану). Тут надо учитывать, что буддистские наставники с большой неохотой описывают собственные достижения. Например, учителя, с которыми я позже

познакомился в Китае и Корее, никогда не отвечали, когда я спрашивал, каких духовных состояний им удавалось достичь. К слову, западные последователи этой традиции не всегда проявляли такую скромность. А вот Аджан Ча свято следовал восточным правилам, предписывающим в таких случаях хранить молчание.

Но когда его спрашивали, как он стал учителем буддизма, он обычно отвечал:

— Любое действие — это медитация: разговор, еда, ходьба, сон, работа. Когда я ем — я ем, когда хожу — хожу и так далее.

Мне и сейчас кажется, что в его словах была частица истинной мудрости. Мы в Европе и Америке привыкли разговаривать за столом, думать во время сна, читать на ходу. Наши мысли все время мелькают, перескакивая с одного предмета на другой. Сорок семь процентов мыслей посвящены прошлому, сорок семь — будущему. Мы редко уделяем должное внимание настоящему.

И по сей день я спрашиваю себя: что же такое буддизм? Религия? Философия? Как ему удалось, начиная со времен хиппи, завоевать такую популярность на Западе?

Сиддхартха Гаутама, живший в 563—483 годах до нашей эры, был царевичем, представителем богатого рода. Он был честен и благороден. Однажды он покинул дворец своего отца и впервые в жизни встретился с болезнью, нищетой, несправедливостью и смертью. Это повергло его в шок. Юноша понял, что индуистские ритуалы оказались пустыми, ни к чему не ведущими и никого не спасающими. Но затем встретил монаха, чей аскетический подвиг глубоко потряс его. Царевич посвятил свою жизнь такой же аскезе и к тридцати пяти годам достиг просветления. Ему открылось, как человек может избавиться от всего того зла, которое присутствует в жизни. Некоторые видят в этой истории параллель с Адамом, изгнанным из рая, но мечтающим вернуться туда.

Увязая в ежедневных заботах, тяготах и болезнях, каждый из нас мечтает о новом обретении рая. Гаутама, которого назвали Будда, то есть Просветленный, изложил постигнутое им знание в виде «четырех благородных истин». Согласно этому учению в центре мироздания оказывается человек, а не Бог. Перечислю эти истины:

1. Истина о страдании: все преходяще. То, что меняется и проходит, причиняет боль.

2. Истина об источнике страданий: первопричина страданий — грехи (жадность, страсти, желания).

3. Истина о прекращении страданий: отказавшись от

желаний, мы перестанем страдать.

4. Чтобы отказаться от удовольствий и алчных страстей (то есть приглушить желания), необходимо следовать Восьмеричному пути.

Если посмотреть, что это за путь, становится понятно, почему многие с таким воодушевлением и надеждой начинали следовать ему. Вот его этапы:

1. Истинная вера, основа которой — принятие и познание четырех благородных истин.

2. Правильные решения, честные намерения — иными словами, благородство и чистота мотивации, стоящая за любыми поступками.

3. Правильная речь, то есть стремление говорить правду.

4. Честные поступки, правильное поведение, за которым стоят искренние устремления и спокойный, мирный дух.

5. Добывание средств к существованию честным путем (к примеру, торговля оружием и наркотиками недопустима).

6. Самодисциплина, труд и аскетическая жизнь.

7. Умение сосредоточиться.

8. Подлинная, глубокая медитативная практика.

Если следовать всем этим предписаниям, то, как уверяет Просветленный, можно избавиться от жизненных забот и достичь нирваны, полностью освободившись от желаний. А вслед за этим придет конец страданиям. Мне кажется, что первые семь пунктов вполне могли сложиться по божественному вдохновению. Но с восьмым, по моему теперешнему убеждению, возникает та же проблема, с которой я столкнулся в индуизме. Как я говорил уже выше, во время медитации — неважно, индуистской или буддийской — необходимо управлять собственным сознанием, контролировать его. Это делается посредством разных техник — йоги, дзен, различных форм вхождения в экстатическое состояние. Можно слушать ветер, колокола, петь мантры, фокусировать или расфокусировать зрение. Все усилия подчинены одной цели — слиться со всей вселенной, с силами космоса и таким образом преодолеть двойственность мирской жизни.

Однако тут снова вставал старый, не дававший мне покоя вопрос. Как же отыскать подлинного себя в этой безликой вселенной, где никто «по отдельности» не существует? Что происходит с моей индивидуальностью — она растворяется, исчезает?

На сегодняшний день я все больше вижу в буддизме некоторую человеческую эгоцентричность, предполагающую, что человек должен спасти себя сам, своими силами.

«Ты есть собственный свет», — говорил Будда незадолго до своей смерти. Но я, малоопытный подвижник, пока не нашел «собственного света», равно как и учителя или духовной практики, которые помогли бы мне открыть этот свет в себе. Клаус-буддист попытался отыскать этот свет, навеки уйдя от мира. Не то чтобы я мечтал прожить всю оставшуюся жизнь в монастыре, но в тот момент мне представлялось, что это необходимо. Однако даже во время занятий с Аджаном Ча я не мог прогнать от себя мысль о том, что четыре пятых населения планеты вынуждены каждый день работать не разгибаясь. Тяжкий труд не оставляет всем этим людям времени и возможности искать истину и достигать нирваны. Это казалось мне несправедливым. Получается, что все они заранее были сотворены не для монастырской жизни, а для того, чтобы работать и поддерживать жизнь на планете, в то время как монахи будут сидеть и медитировать.

Учение Будды представляет собой нечто среднее между философией и религией. Сиддхартха Гаутама всегда горячо протестовал против того, чтобы люди обожествляли его. Но простым смертным необходима вера в божество — сверхсущество, которое будет сильнее других. Даже в современном мире народы почитают Сталина или Мао Цзэдуна, придавая божественные черты этим преступным, даже дьявольским личностям. Такова уж человеческая натура. А ее особенности и потребности считаются мерилом всего.

Когда я вошел в ритм жизни тайского монастыря, я стал замечать, что интенсивные медитации и другие виды самодисциплины дают ощутимые результаты. Но что же я получил в итоге, успешно трудясь над созданием «внутренней пустоты»? Исчезли ли без следа раздиравшие ранее мою душу сомнение, гнев, похоть, ненависть, зависть? Или они просто ослабели и притихли? Стал ли я свободным или хотя бы чуть более свободным, чем прежде?

Мне очень хотелось в этом как-то удостовериться. Казалось, истинный покой и истинная свобода уже маячат на горизонте.

В своей маленькой хижине и по пути в молельный зал я не раз встречал крыс, ядовитых змей, скорпионов, гигантских пауков, термитов. При этом я понимал, что всякая нечисть живет не только рядом с моим обиталищем, но и в моей душе. Приходилось постоянно бороться со всеми этими незваными гостями — как внешними, так и внутренними. Это была война на два фронта, сопровождающаяся серьезными физическими нагрузками. Однажды, когда я медитировал в своем убежище, я

увидел, как с крыши навеса на ступеньки проскользнула змея. По правилам медитации я обязан был сохранять неподвижность. И дотрагиваться до животного тоже было нельзя. С ужасом я наблюдал, как гадина молниеносно заползла в комнату и скользнула под мою подушку. Потом я ушел по делам, а когда вернулся вечером, то не знал, покинула ли она мою постель или нет. Ту ночь я провел без сна. Змея до утра так и не показалась. Справедливости ради скажу, что посещали мою хижину и более дружелюбные существа. Каждое утро, открывая ставни, я видел, что на их замке сидит хамелеон. Я приветствовал его и отправлялся в храм, гадая, какого цвета он будет к моему возвращению. Это безобидное существо было мне куда более симпатично, чем крысы, регулярно утаскивавшие и съедавшие мое мыло. А вот встреча с еще одним из обитателей джунглей чуть не положила конец моей земной жизни и монастырскому опыту.

Дело было так. Я шел на очень раннюю медитацию. Храм был слабо освещен — мерцающие масляные светильники стояли по углам. Почему-то я решил, что стоит включить карманный фонарик. В его свете на полу в метре от себя я увидел направляющегося прямо ко мне ленточного крайта (называемого также бунгаром). Это одна из самых ядовитых змей среди всех гадов, что водятся в этой части планеты. Потом стало ясно, что это была мать с двумя детенышами. Такие особи бывают еще более агрессивными. Не включи я фонарик, она бы юркнула мне под ноги и укусила при любом моем движении, которое сочла бы угрозой для себя. Через пять-десять минут после этого я был бы мертв. В тот момент я наплевал на все монастырские правила, отпрыгнул и громко закричал. Остальные монахи тоже вытащили фонарики. Им удалось загнать мать и малышей в металлический ящик. Потом их выпустили в лес. Впоследствии один святой человек, очень уважаемый мною, сказал, что это был один из тех моментов, когда Мария, Божья Матерь, уберегла меня от смерти.

Несмотря на все тяготы монастырской жизни, я серьезно относился ко всем заданиям, которые надо было выполнять. Вскоре я научился погружаться в глубокую пустоту, отрешаясь от всех мыслей и чувств. Ни разбираться в них, ни анализировать их я не собирался. Но какая-то часть моей души все же подвергала сомнению то, что происходит. С какой целью я культивирую в себе это ощущение опустошенности? Отказываясь от любой двойственности, буддизм отрицал также многое из того, что казалось мне необходимым. Разве можно испытывать радость, если сознательно перестаешь делать различие между нею и

печалью? Как можно любить, никак не противопоставляя любовь и ненависть? Поэтому мне не удалось достичь даже ближайшей цели — уйти от повседневных страданий.

Меня угнетала мысль, что я стремлюсь свести ценность всего и всех к нулю. Получается, что вокруг меня живут лишь иллюзорные существа. К тому же меня озадачивало, что уничтожение различий между добром и злом грозило привести к полной нравственной безответственности. Получается, какой бы выбор человек ни сделал — ничего не изменится, и последствия его действий не так важны.

Чем больше я проникал в тайны буддийских духовных практик, тем сильнее ощущал, что в них живет нездоровый нигилизм. «Нет, в этом нет истины», — в итоге сказал я себе и решил уйти из монастыря и продолжить поиски в другом месте. Я стал делать вылазки в другие обители и чаще бывал в Бангкоке, пытаясь понять, смогу ли применить в мирской жизни то, чему научился во времена отшельничества.

Все это вызвало недовольство у окружавших меня монахов. Они злились, отпускали насмешливые замечания и колкости в мой адрес. Но это лишь прибавило силы моему разочарованию.

Куда же делась мудрость и сдержанность, которые они так старательно взращивали в себе?

Мне все чаще думалось, что в этой общине никто никого не любит. Любовь существует лишь в богословских теориях. И тогда монастырь показался мне концлагерем. Однажды я выбрался за территорию общины, для чего перелез через стену (через ворота можно было пройти, предварительно получив разрешение), и после недолгой прогулки увидел, как отец из соседней деревни жестоко избивает своих сыновей — мальчиков лет десяти-двенадцати. Все разговоры о сдержанности и милосердии кончались за монастырской оградой.

И я подумал: «Довольно с меня буддийских добродетелей. Пора возвращаться к реальности».

Глава 6. Возвращение к «реальности»

Как был — с обритой головой и в монашеской робе — я сбежал в Бангкок. Город находился в шестистах километрах от монастыря. Я не знал точно, когда вернусь в общину и вернусь ли вообще. В столице я переходил от одного городского монастыря к другому. Их было несчетное множество. Во время этого своеобразного «отпуска» со мной происходили разные интересные истории. Вот одна из них. Однажды я пришел в монастырскую библиотеку, чтобы посмотреть кое-какие древние книги. Вообще-то чтение считалось неподобающим занятием для монаха, но в этой библиотеке хранились старинные и авторитетные манускрипты, так сказать, культурное достояние нации, поэтому к ней относились с уважением.

Я сидел и перелистывал пожелтевшие страницы, когда в зал вошел монах Сантачитто, с которым мы дружили, и устроился на полу рядом со мной. Мы заговорили об астрологии.

— Кстати, Клаус, а кто ты по знаку зодиака?

— Телец, — ответил я.

— Ого! Сейчас как раз месяц Тельца. — Он поднял бровь и уточнил, в какой день я родился.

Я давно уже не вспоминал о такой мирской и суетной вещи, как день рождения. После секундного раздумья я сказал:

— Пятнадцатого мая.

Выяснилось, что сегодня — четырнадцатое. Мой друг с интересом посмотрел на меня.

— Я хочу предложить тебе отметить день рождения очень необычным образом, — заявил Сантачитто. — Но ты, конечно, можешь отказаться. Я не буду на тебя давить.

«В жизни должно быть место риску» — таков мой девиз, и потому я велел ему продолжать.

— Я собираюсь на юг, в город, находящийся в тысяче километров отсюда. Не хочешь ли составить мне компанию? Предстоит далекое путешествие? Отлично! Мне не надо повторять дважды. Конечно, я поеду.

— Но тут есть одно обстоятельство, — продолжал он. — Мы будем перемещаться необычным образом.

Что бы это значило? Мое любопытство разгоралось.

— Я тебе предлагаю пройти эту тысячу километров пешком.

Я застыл, открыв рот.

— Не переживай, все будет нормально, — принялся он успокаивать меня. — Думаю, в дороге мы не будем ни у кого

одалживаться. Единственное, нам придется просить у местного населения воду — без нее не обойдешься. Об остальном я позабочусь.

Искушение было велико, однако рассудок подсказывал, что этот план невыполнимый и даже безумный. Чуть позже у меня появилось чувство, что на самом деле у меня нет выбора. Если я хочу продвигаться вперед и расширять собственный опыт, надо идти. И я согласился. Хотя житейская логика подсказывала, что самоубийственно пускаться в такое путешествие. В это время года температура достигает 40 градусов при почти стопроцентной влажности. Но повернуть назад я уже не мог.

Сантачитто объявил:

— Отправимся перед закатом, чтобы не было так жарко.

Мы поспешно собрались. Вещей у меня особенно и не было, лишь пара монашеских одеяний да чаши для сбора подаяния.

Предстоявший путь должен был стать новой серьезной вехой в моей жизни. Я чувствовал, как он важен. Мне снова придется побеждать страх и полагаться на свою веру. Но во что же я верил? Наверное, в человеческие силы, в собственную выносливость.

Мы шли в сгущающихся сумерках вдоль шумных трасс Бангкока с сумасшедшим движением: на широких дорогах постоянно сигналили машины, боковые улочки были темны и грязны, в них громко переговаривались прохожие и шла бойкая торговля. Через несколько часов, когда мы добрались до окраины города, нас остановил полицейский патруль. Нам не задавали вопросов, не объясняли, за что задержали. Пришлось напряженно ждать исхода дела более двух часов, в страшной духоте. Было совершенно неясно, что происходит. В конце концов к нам подошел человек в форме и велел следовать за ним. Он спросил Сантачитто, куда мы направляемся. Получив ответ, страж порядка поджал губы и начал останавливать водителей на трассе, проверять документы и выяснять, куда те едут. Вскоре нашелся один автомобилист, который согласился подвезти нас до следующего крупного города. Там был монастырь, где мы могли заночевать. Забравшись в машину, следующие двести пятьдесят километров пути мы провели в медитации, все время радуясь неожиданно подвернувшейся удаче. Покидая водителя, мы горячо поблагодарили его, а он ответил, что подвезти странствующих монахов — большая честь.

Следующий день принес новые испытания. Мы собрали кое-какие продукты и смогли позавтракать, а затем двинулись дальше. Был очень жаркий день, тени нигде не было, а до леса было еще далеко. Солнце нещадно пекло наши бритые головы.

Мы шли вдоль трассы несколько часов, молча, друг за другом. Дорога казалась бесконечной. Знойный воздух дрожал, пот катился по лицам. Нас жестоко терзала жажда. Нигде до горизонта не было видно ни жилья, ни навеса, ни воды. Мимо нас на огромной скорости проезжали машины. Мне стало страшно: наших физических сил могло не хватить на такой тяжкий переход. Горло у меня пересохло, язык прилип к нёбу, голова начинала кружиться. Все эти симптомы были знакомы — мне грозил солнечный удар. Почему я, глупец, согласился с предложением монаха? Теперь я горько корил себя за это. Разве мне так уж нужно было это приключение?

Сомнения овладели моей душой, и я спрашивал себя, долго ли еще смогу переставлять ноги и как скоро упаду на раскаленный асфальт. От жары я был уже в полусознательном состоянии, когда сзади посигналила машина. Сидевший за рулем человек остановился, пригласил нас в салон, а потом даже привез к себе домой.

Удивительно, но этот человек был продавцом мороженого! И он угостил нас самыми лучшими и самыми дорогими видами этого лакомства. Если бы я был христианином в тот момент, я бы наверняка воскликнул: «Аллилуйя!»

Но я был буддистом, точнее, старался быть «образцовым» буддистом. А потому должен был принимать все одолжения со стоическим равнодушием. Но при этом я не мог сдержать радость. Этот человек облегчил мою участь! Тем временем выяснилось, что его доброта простирается еще дальше. Он дал нам деньги на автобус, который должен был довезти до следующей ключевой точки путешествия. Мы вовсе не просили его об этом, просто он хотел, чтобы мы его запомнили. Поверить в такую щедрость было сложно, но это было правдой. Наконец глубокой ночью мы прибыли в город, где все магазины и гостиницы были закрыты, а в монастыре не было ни одной свободной комнаты. Мы решили заночевать под открытым небом среди древних руин на высоком холме сразу за городской чертой. Оставалось только надеяться, что к нам не явятся все окрестные змеи и скорпионы, которые в этой местности водятся в большом количестве. Над нашими головами по деревьям прыгали стайки обезьян. Они издавали странные звуки и с интересом нас рассматривали.

Так, получив помощь безо всякой инициативы со своей стороны, мы за три дня добрались до места назначения. В итоге я был очень рад, что принял предложение приятеля. Монастырь на юге Таиланда, в который он привел меня, был невероятно интересным — все помещения были выдолблены в скалах. Так

сложилось, что вскоре после этого мой спутник заболел малярией и вынужден был остаться в монастыре дольше, чем предполагал. А я узнал, что глава общины собирается в Бангкок по делам. Он спросил, не хочу ли я с ним поехать. Какое везение! Даже удивительно. Обратно в столицу меня домчал шикарный американский лимузин с кондиционером. Так были вознаграждены путешествие с верой и победа над страхом.

Однако через некоторое время черты моей прежней мирской натуры снова стали давать о себе знать. У меня сложились платонические отношения с тайкой из довольно высокопоставленной семьи, и она часто приглашала меня к себе в гости. Я познакомился с ней, когда она совершала паломничество в монастырь Аджана Ча. Тогда мне удалось дать ей дельный совет в некоторых очень личных вопросах. Уже в тот момент она предложила мне посетить ее дом в Бангкоке. А когда я перебрался жить в столицу, уже ничто не мешало нашему свободному общению. Иногда мы вместе ходили ночью на дискотеки (тайно от всех, разумеется). Я оставлял монашескую робу в монастыре и облачался в обычную одежду. Она тоже старалась одеться так, чтобы остаться неузнанной. Мы до потери пульса танцевали рок-н-ролл, и оба очень радовались, что удалось уйти от скучной обыденности, в которой приходилось проводить большую часть своего времени.

Я снова погрузился в светскую суету. И это было здорово! «Разве есть в ней какая-то двойственность? — недоумевал теперь я. — Почему буддизм все это запрещает?» Мне казалось, что ничего страшного со мной не происходит. Я столько времени провел в лесах, отгородившись стеной от всего мира, что теперь почувствовал, как мне не хватало простых радостей — солнца и пляжа. Моя подруга порекомендовала мне отправиться в Паттайю — на ближайший к столице курорт. Я поехал туда, чтобы как следует отдохнуть, и снял комнату на побережье. Мне очень нравилось танцевать, так что нет ничего удивительного, что и там я решил посетить дискотеку.

Далее последовали события довольно интимного свойства. Не вдаваясь в подробности, скажу лишь, что я подружился с проститутками и через некоторое время поселился вместе с ними в обшарпанной комнате в большом доме — здесь жило несколько таких девушек. Они считали меня своим защитником, советовались со мной. Взамен они хотели лишь, чтобы я их благословил от имени Будды и улучшил их судьбу, приложив собственные усилия в медитации. Кроме этого, они рассказывали мне свои беды и горести и ждали от меня сочувствия.

Неудивительно, что им нужен был такой друг: они работали всю ночь, возвращались на заре без сил, испытывая отвращение к тому, чем приходилось заниматься. Я выслушивал их истории и жалобы на то, в каких гадких действах им приходится участвовать. Все они чувствовали себя загнанными в угол, попавшими в западню. Как же я, наслушавшись этих рассказов, стал презирать мужчин-туристов, завсегдатаев Паттайи!

Так постепенно я превратился в хамелеона, подобного тому маленькому существу, которое обитало рядом с моей монашеской хижиной. Робу монаха я больше не носил, и мои подруги заказали мне у местного портного роскошное шелковое одеяние с цветной вышивкой.

Я стал частью их маленького сообщества. Меня называли Бааг Ван — Сладкие уста. Но в какой-то момент я вдруг ясно осознал, что надо срочно покидать этот приют так называемой любви. И я устремился обратно в лесной монастырь на востоке страны. Дорога туда была ужасна.

Когда я небритым, много дней не мывшимся явился в обитель, мне там были не рады. Не думаю, что другие монахи знали, где именно я все это время пропадал и как проводил время, но сам факт, что я покинул общину ради какой-то более легкой мирской жизни, очень раздражал моих собратьев. Было видно, что они ненавидят меня и отчаянно завидуют моей свободе. Это было заметно по глазам. И я снова с горечью понял, что совсем разочаровался в просветленных монахах, чьи принципы я некогда мечтал разделить. Меня возмутило, что ни мой наставник и учитель, не так давно выделявший меня среди других, ни его смиренная свита не удосужились просто расспросить, как у меня дела, что со мной происходило и с какими трудностями пришлось мне столкнуться за время отсутствия. Я снова, как и прежде, возненавидел религию, всех учителей веры и богословов скопом. Монахи теперь представлялись мне духовно нищими, бездушными лицемерами, которые своими мертворожденными теориями усложняют окружающим жизнь. Сейчас я ненавидел монахов, а они меня презирали. Больно было это осознавать, но я привык к страданиям. Ничего другого я и не знал. Однако неужели в мире есть одна только боль? Куда же мне податься? Можно, конечно, остаться в одиночестве и погрузиться в глубокую медитацию, не понимая при этом, сколько еще лет мне придется истязать себя ради призрачного просветления.

«Маи пен раи» — это лаосское выражение бесконечно повторяли в монастыре и в окрестных деревнях. Оно переводится

как: «Будь что будет. Все равно». Ничего с этим не поделаешь. Пусть его. Проявление эмоций считалось слабостью, потерей лица. Я остро ощущал недостаток любви в этой культуре. Может, я и недостоин любви, но я ждал ее и мечтал, чтобы ко мне отнеслись с минимальным сочувствием и пониманием, а не с полным безразличием. И тут, в момент непереносимых душевных мук и одиночества, вдруг пришло облегчение. Неведомый Бог, видимо, решил явить Себя мне, Своему страдающему чаду. Не исключено, что Он сознательно поставил меня в такую ситуацию, чтобы я смог увидеть и распознать Его. Вот как это было.

Неласковый прием в монастыре привел к тому, что я решил навеки покинуть это место, которое теперь казалось лагерем пыток. Перебравшись через толстую кирпичную стену в тихом месте, где меня никто не мог видеть, я углубился в лесную чащу, а потом бежал через рисовые поля. Мне чудилось, что все «добрые духи» оставили меня. В конце концов я устал и сел на сухую землю — абсолютно опустошенный и бесприютный. Машинально сунув руку в карман монашеской робы, я нащупал какой-то шершавый предмет. Я вытащил его и понял, что это маленький Новый Завет, подаренный мне матерью Терезой. Я помнил, что он хранился в кармане одной из моих роб, — и вот по странному стечению обстоятельств именно ее я надел сегодня. В моем состоянии ни одна медитация не помогла бы мне преодолеть ту ненависть, которая клокотала внутри. Но эта книга могла помочь. Я открыл ее и начал читать. Мне попался отрывок про женщину, уличенную в супружеской измене. Из него сразу становилось ясно, почему злые и лицемерные люди не могли терпеть Иисуса рядом и желали ему смерти. Для меня в тот момент фарисеями были обитатели только что покинутой общины. Сердце у меня остановилось, когда я представил, в каком положении оказалась та женщина. Да, она изменила. Не исключено, что ее муж был одним из тех безжалостных книжников, которые били жен, но сами тайно ходили на сторону, называя это «любовью». Я таких встречал часто, и они могли принадлежать к самым разным мировым религиям. По их законам провинившаяся женщина была виновна и не имела права на помилование. Что она чувствовала в тот момент?

Мне было нетрудно ощутить свое родство с ней, потому что еще недавно я совершал куда худшие поступки. Те, кто судили ее, безусловно, и меня побили бы камнями. Подумав об этом, я ощутил горечь, боль, а также возмутился тому, что делали ее мучители. В глубине души я понимал: такие, как мы, — изгои, нарушители правил и бунтари — доведены до нынешнего состояния жестокостью этого мира, недостатком любви. Но

насколько мы грешнее тех, кто лжет, публично демонстрируя всем свою праведность и чистоту? Заслуживаем ли мы за свои грехи смерти? Все эти бессердечные фарисеи и монахи своим поведением и мелочной страстью к «исполнению закона» возвели целую пирамиду предрассудков. Они пышут злобой. Я представлял, как они жаждут казни несчастной женщины, с нетерпением ждут, когда прольется ее кровь. Подобное зрелище должно доставить удовольствие этим людям с извращенными понятиями о нравственности. Они не умеют прощать и не знают пощады, а потому никогда не услышат таких, как мы. Что бы ни случилось, буддийские монахи за высокой стеной будут продолжать изучать священные книги перед мертвыми статуями.

Мне отчаянно хотелось найти выход из положения. К горлу подступали рыдания. Я продолжал читать, и чем дальше читал, тем больше изумлялся. Иисус молча чертил что-то на песке. Может, Он записывал имена тех, кто уже взялся за камни, чтобы побить грешницу? Может, Он пересчитывал их провинности? Может, Он уже признал их виновными? И вот какой Он дал им ответ: «Пусть тот, кто без греха, первым бросит в нее камень».

Я выдохнул с облегчением. На глаза навернулись слезы радости. Это была мудрость, примиряющая и смиряющая. Я вообразил, как те, кто уже схватился за булыжники, выронили их и ушли прочь, пристыженные и смущенные. Хотя в их сердцах, наверное, продолжал кипеть гнев. Иисус испортил им праздник, и они постараются отомстить при первой же возможности — наверное, такими были их мысли, по крайней мере я это ясно себе представил. Тот, Кто не дал им воли в этот раз, в следующий Сам станет жертвой публичной казни. На какое-то мгновение мне почудилось, что я очень близок к истине. Мне вдруг стало тепло и уютно. Такое же чувство посетило меня когда-то давным-давно в Гамбурге и помешало мне спрыгнуть с балкона. В душе снова загорелась надежда. Я перелез через стену и пошел обратно в свою хижину в лесных зарослях. Тот день и ту Встречу с Богом я не забыл. Новый голос заговорил во мне, и он настойчиво звал меня. Наверное, это был не Будда. Будда мертв. Со мной сейчас говорил Некто Живой, знающий меня и помнящий о том, что я существую.

Глава 7. Снова на запад

Вернувшись в монастырь после блуждания по рисовым полям, я решил, что буду стойко переносить все колкости, отпускаемые в мой адрес окружающими. У меня не вырисовывалось новой цели, и потому я решил продолжать жить по законам буддийской обители. А дальше неожиданно попал в новую для меня страну и получил неожиданный, но очень важный опыт.

Впрочем, расскажу все по порядку.

Благодаря полученному мною во время чтения Евангелия утешению и ободрению я научился различать недружелюбие монахов и полезные плоды, которые, как мне тогда казалось, дает буддийская медитация. В тот момент я был убежден, что мне следует оставаться в Таиланде в общине Аджана Ча до конца своих дней. Я надеялся, что, возможно, к старости наконец обрету покой, любовь и познаю самого себя.

Однако я вовсе не собирался все время неотлучно проводить в монастыре. Мне представлялось, что очень важно познакомиться с тем, как устроена жизнь в разных городах и странах. Но разве для этого требуется отказываться от монашеского призвания? Ведь могу же я, в конце концов, покидать монастырь и не окунаться в мирскую жизнь так, как это произошло во время моей первой долгой отлучки в Бангкок.

И я решил, что иногда буду путешествовать. Больше всего мне запомнилась поездка в один из уникальных уголков планеты, где святость будто разлита в воздухе и в то же время напряженность противостояния между представителями разных религий предельно остра. Речь идет об Израиле.

Началось все с того, что меня пригласила в гости моя добрая знакомая по имени Эдит. Мы с ней начали общаться еще в Гамбурге, когда она пела в бит-группе. Потом она вышла замуж за израильтянина и переехала в Тель-Авив. Все эти годы мы поддерживали связь (правда, с перерывами). Эдит не раз звала меня приехать в Израиль. Неожиданный импульс подсказал мне — пора.

Во время этой поездки Неведомый Бог снова послал мне знамение. Вначале я не мог толком объяснить самому себе, зачем я еду. Я был невысокого мнения об иудаизме. Его постулаты казались мне сплошным законничеством, сходным с христианством, к которому я по-прежнему относился с подозрением. Если бы меня тогда спросили, что мною движет, возможно, я ответил бы, что хочу восполнить недостаток

духовного знания в малознакомой пока области. Если новый опыт окажется негативным или никчемным, я просто зачеркну его, забуду о нем. Однако теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что тогда меня вела в Израиль не только и не столько моя воля, сколько зов Кого-то Высшего.

По прибытии в Тель-Авив у меня возникло непреодолимое желание снова бросить вызов смерти. Тяга к таким «провокациям» всегда жила в моей душе. Эдит уехала из страны на пару недель и оставила мне свой маленький автомобиль Citroën. Без колебаний я направил машину в самую опасную зону — на границу Ливана, Сирии и Израиля. Я проехал через город Акко, затем повернул в сторону Ливана и проехал сто километров вдоль границы, отмеченной колючей проволокой. Вдоль нее стояли рядами танки камуфляжной окраски. Очень скоро я достиг Голанских высот. Израильские солдаты с автоматами наперевес несколько раз настоятельно рекомендовали мне поворачивать назад. Они предупреждали, что с другой стороны границы военнослужащие сирийской армии могут без предупреждения открыть огонь по любой движущейся цели. А у моей машины были яркие желтые израильские номера. Сердце у меня учащенно билось, но мне хотелось ехать дальше не останавливаясь. Я желал снова подвергнуть себя испытанию на уязвимость, почувствовать свою смертность, пройти по лезвию бритвы. В какой-то момент проезжая дорога оборвалась, дальше вели лишь танковые колеи. Я пробирался через непроходимую грязь и кусты, без карты, но не отъезжая далеко от ограждения с колючей проволокой. Всякий, глядя со стороны, гадал бы, зачем все это: так мог вести себя либо упрямый провокатор, либо простодушный глупец. Но я считал: умру так умру. Я во всем и всегда шел до конца.

Мне хотелось узнать границы своей способности сопротивляться смерти, даже если в ходе этой проверки я мог погибнуть.

В конце концов я приехал в город Кунитра на Голанах. Он был недавно стерт с лица земли войной. Остались лишь руины и жившие в них призраки. Развалины напомнили мне картины из детства, когда после войны маленький вечно голодный Клаус играл среди разрушенных городов и пил воду из луж после дождя. В какой-то момент меня охватил ужас. Видимо, это был естественный страх смерти — нормальное чувство, инстинкт самосохранения, которого мне часто не хватало. Кошмары войны пробудили его. Я сел в машину и на огромной скорости помчался прочь из этого мертвого города, подальше вглубь страны, где можно было чувствовать себя в большей безопасности. По шее струился холодный пот. Я направился прямиком в Иерусалим.

В Иерусалиме я шел по Виа Долороса — то есть по пути, пройденному Иисусом до Голгофы. И в этом месте я совершенно ясно ощутил, что пришел домой. Все казалось знакомым, как будто я тут вырос и сейчас вспоминаю свои ранние годы. Это было поразительное ощущение, дежавю. Может, подумал я, в прошлой жизни я был иудеем? Я прошел мимо сувенирных лавок, где было шумно и кипела жизнь, и вышел к Храму Гроба Господня. У меня не было никаких оснований считать себя паломником. Скорее я был любопытствующим туристом, осматривающим древний памятник.

И все же, как выяснилось, в этом знаковом месте меня ждало нечто большее, чем просто встреча с историей. Я оказался в одной из маленьких часовен, расположенных в этом большом храме. Там я сел, чтобы отдохнуть несколько минут. Я смотрел на утомленные лица паломников, которые, вероятно, как и я, были рады спрятаться здесь от палящего солнца. Люди молились, оставив за дверями храма все земные заботы, а я наблюдал за ними.

И в какой-то момент я ощутил себя частью этой толпы паломников. Я не смогу описать это ощущение словами. Такой радости и такого душевного подъема я никогда до того не испытывал.

Когда я выходил из храма под яркое израильское солнце, мне было удивительно хорошо. Как-то даже слишком хорошо…

Однако я по-прежнему считал, что мой дом — в тайском монастыре. Наверное, нужно было туда вернуться. Я опять думал о том, что все, что я так долго искал, рано или поздно должно прийти ко мне там. Ну только, может, стоило подождать лет до восьмидесяти?

Я решил в последний раз посетить Европу, чтобы попрощаться со всеми, кого знал раньше, а затем окончательно запереться в хижине отшельника в джунглях.

Однако все случилось не так, как я планировал. Я уже собрался было вернуться в Азию, но тут молодая красивая женщина призналась, что безумно в меня влюблена. Не могу сказать, что я испытывал к ней те же чувства. Наверное, я в то время вообще не знал, что такое любовь. Но мне нравилось внимание, которое она мне оказывала. Я не хотел отказываться от такого подарка судьбы, к тому же был покорен ее сексуальной привлекательностью. Вероятно, таким образом я хотел узнать, что же представляет собой истинная любовь, или хотя бы приблизиться к пониманию, поддавшись страсти (даже при

условии, что страсть была в значительной степени односторонней).

Мы решили пожить вместе. «Если ничего не выйдет, я всегда смогу вернуться в монастырь», — думал я. Впервые за последние двенадцать лет у меня появился дом, и я перестал кочевать.

Мы сняли большое шале в сельской местности, неподалеку от Фрибурга, в живописных окрестностях озера Грюйер. Вместе с нами его снимала еще одна женщина. Поначалу загородная жизнь доставляла мне большое удовольствие. Мы были полны надежд. Дела шли как нельзя лучше: я устроился учителем в известную частную школу в городке Грюйер и получал там очень хорошую зарплату. Казалось бы, вот он — рай на земле. Но я никак не мог в полной мере им насладиться.

К тому же две женщины, жившие рядом со мной, быстро поняли, что я не обладаю той полнотой буддийской мудрости, которую пытался поначалу демонстрировать. Им, находившимся так близко, было заметно, какими уловками я пользуюсь, укрепляя свой авторитет гуру. Две подруги, обитавшие со мной в одном доме, стали для меня словно бы зеркалами, отражавшими мою суть — в первую очередь мой эгоизм, тщательно скрываемый даже от себя самого. Философия буддизма была лишь дымовой завесой, скрывавшей мое несовершенство. Поэтому когда подруги обрушились на меня с жесткой критикой, в глубине души я понимал: они правы. Какая-то часть меня жаждала прекратить опасную игру. Можно даже сказать, что мне было некомфортно «в собственной шкуре» и я желал сбросить маску. И все же мне никак не удавалось от нее отделаться: то уродливое, что было во мне, пустило корни. Моя мать, как я уже говорил, пыталась научиться любить, но у нее ничего не получалось. Она лишь причиняла боль и сеяла страх. Так же произошло и со мной: уже второе поколение нашей семьи оказалось в плену — в темнице, которую мы сами себе строили. Случалось, что лишь от одного моего взгляда у женщин, деливших со мной кров, перекашивались лица, как от боли. В моих глазах они читали что-то настолько ужасное и угрожающее, что это глубоко травмировало их. Как ни печально, то же самое делала со мной моя мать: в ее глазах я часто читал ту же угрозу и тот же холод, особенно после того, как она занялась оккультизмом.

Моя ярость по отношению к подругам нарастала по мере того, как я стал замечать, что они планомерно и сознательно саботируют мои попытки сделать из них «просветленных буддисток». К тому времени у меня не было целостного мировоззрения, а от приобретенной некогда буддийской мудрости почти ничего не осталось.

«Клаус, послушай, что ты говоришь, и сравни с тем, что ты делаешь!» — указывали мне. По большому счету, я понимал, что это не пустые обвинения. Мне необходимо было просто признать себя лжецом и лицемером, никогда не знавшим ни любви, ни внутреннего покоя. А ведь я только и делал, что проповедовал эти ценности!

С болью в сердце я пришел к заключению, что надо покончить с буддизмом и со всем, что с ним связано. Какое страшное разочарование! Я три с половиной года потратил на то, чтобы проникнуться этическим учением Будды, постичь эту сложную богословскую систему. Но при этом, похоже, не встретил ни одного буддиста, который хотя бы частично стал свободным. Даже Аджан Ча, как мне казалось, не стал свободным, несмотря на его огромный духовный подвиг. Слушая далай-ламу, умиляешься: какие правильные слова о терпимости, любви, уважении и радости он произносит. Но при этом буддизм все равно не в состоянии дать ответ на самые насущные вопросы человечества. Он не учит, как избавляться от греховных страстей. Дзен-буддисты много рассуждали о «делании»: «когда ем, я ем» и так далее. Но ради чего все они стараются так поступать? В чем их цель? Или сам путь и есть цель? Или все же здесь чего-то не хватает? Да и потом, мне не нужны больше разъяснения и разглагольствования. Я хочу жить и любить!

Две женщины, жившие со мной под одной крышей, собрали вещи и покинули дом. Они не могли больше оставаться рядом, и я понимаю почему. Им стало ясно, что я никакой не буддийский учитель, а простой обманщик. Я снова оказался в одиночестве. Никаких религиозных устремлений в моей душе больше не было, жизнь опять стала бессмысленной.

Я пришел к выводу, что ни любви, ни свободы на самом деле не существует, поэтому проповедь всех религий мира в конце концов обречена на провал. Это был один из самых трагичных моментов в долгом пути исканий.

Я начал злоупотреблять алкоголем. В день я выпивал по литру вина, а зачастую и больше. Я ездил в Италию, чтобы там подешевле закупать спиртное. Трезвым я практически не бывал. Стоило чуть-чуть развеяться опьянению, как снова накатывала депрессия. Тогда я опять тянулся к бутылке и принимал очередную «дозу лекарства».

«Может, всеобщая глупость (в том числе и моя) — это и есть то, что роднит все человечество, порождая „космическое единство“?» — думал я. И приходил в ярость от одной мысли о том, что мир несправедлив, все рвутся к власти, финансисты

правят людьми, банки заменили собой церкви. Люди ссорятся по пустякам, даже в тихой деревне, где я жил, слухи и сплетни разрушали отношения между жителями.

Но больше всего я злился на самого себя. Спиртное, потребляемое в огромных количествах, рано или поздно убило бы меня. Тело, с которым я обращался неласково, начало мстить. Я постоянно чувствовал слабость и недомогание.

Надо сказать, что в это время я не был абсолютно одинок. Но любые отношения сводились к манипуляции и потребительству. Я залавливал жертву в сети, а затем начинал с ней играть, не давая покоя. Это превратилось в своего рода зависимость. Я стал колесить по Европе, посещая злачные места и дискотеки от Гамбурга до Ибицы. Мне хотелось доказать всем, что я — могущественный соблазнитель, способный разбить любое сердце. Это устремление стало для меня наркотиком: достижение цели придавало жизни смысл и удерживало от последнего шага — от пули в висок. Я жил за чужой счет, подпитывался чужой энергией, после чего безжалостно бросал свою жертву. Продолжая действовать как самопровозглашенный гуру, я старался лишить человека воли, чтобы принимать решения за него. Теперь-то я осознаю, что действовал так же, как тот развратный священник, подвергший меня насилию двумя десятилетиями ранее.

Беспокойный, терзаемый страстями, я вечно был в бегах, перемещаясь от одного источника наслаждения к другому, шатаясь по ночным клубам, пляжам, барам, где обычно собиралось много молодежи. Я изображал из себя мудреца, но приносил тем, кто мне верил, лишь страдания и разочарования. При этом не было вокруг человека несчастнее меня самого.

К тому моменту стало ясно, что я уже никогда не вернусь в буддийский монастырь в лесах Азии.

Мой скепсис и цинизм в отношении всех религий и религиозных организаций подпитывался не только разочарованием в буддизме, но и личным опытом взаимодействия с последователями популярных на Западе верований и культов. Я неплохо знал, как устроено сообщество кришнаитов, так как посещал их европейскую штаб-квартиру неподалеку от Франкфурта. С главой их отделения в Европе, индийцем, мы вместе учились в Гамбурге и были довольно близкими друзьями. И во Франкфурте, и во всемирном центре кришнаизма в Калькутте я убедился, что все это детские игры, которые не могут удовлетворить запросов серьезных взрослых людей. Так называемая Церковь сайентологов с ее особой манерой шпионить за своими членами и внушительными

металлическими кофрами для сбора пожертвований выглядела солиднее. Такой же лихой бизнес-подход демонстрировали в Церкви объединения, основанной преподобным Муном в Южной Корее. На некоторое время я заинтересовался гуру Бхагаваном Шри Раджнишом (Ошо), когда тот был особо знаменит в Европе и Америке.

Этот инфантильный увалень заявлял, что является воплощением Бога на земле. Более пристальное знакомство с его учением показало, что один из секретов его привлекательности — проповедуемая им сексуальная свобода.

В общем, все религиозные движения, с которыми я знакомился, вызывали у меня скепсис. Я прекрасно видел, что для их основателей и руководителей это была возможность получить в том или ином виде деньги, власть и секс. И тут дьявол разбудил во мне воспоминания о том необычайном опыте, который я пережил в Мексике, когда обучался у местного колдуна некоторым его трюкам. Я решил вернуться в Латинскую Америку, чтобы заново попытаться проникнуть в оккультные секреты тамошних шаманов. Я почему-то уверился — мне необходимо туда поехать, чтобы выкарабкаться.

Я уже знал, какие чудеса способны творить магические ритуалы выходцев из Африки. Они позволяли впадать в экстаз и наблюдать паранормальные явления. Мне доводилось участвовать в погружающих в транс танцах, дающих возможность шаману подчинять себе людей, в том числе соблазнять женщин. В душе моей снова поселилась надежда на обретение новых способностей. Я приготовился лететь в Перу.

Незадолго до отъезда меня неожиданно навестила Урсула, предыдущие пятнадцать лет часто служившая мне путеводной звездой. Она приехала в швейцарскую деревушку, где я коротал дни один, мрачный и унылый, в окружении бутылок с разными спиртными напитками. Урсула явилась ко мне уже не в буддийской коричневой робе, а в белом сари. Теперь она вовсе не выглядела изможденной. Некоторое время назад она очень похудела на скудной монастырской диете, но сейчас вернулась к своему обычному весу и выглядела прекрасно. С первого взгляда я понял, что жизнь ее переменилась. Она всегда тепло и приветливо улыбалась людям, но теперь лицо ее просто сияло!

Урсула, уже ставшая христианкой, во время своего приезда ко мне в Швейцарию: друг, сестра во Христе, настоящий Божий подарок

Вообще-то я и раньше понял из переписки, что ее вера преобразилась. И сейчас она в подробностях рассказала о том, что происходило с ней в тайских лесах. Все это было поистине удивительно.

— Помнишь монастырскую библиотеку? — спросила Урсула.

Конечно, я помнил.

— Там были самые разнообразные духовные книги, — продолжала она. — И однажды я нашла кое-что любопытное. Книга называлась примерно так: «Дорога пилигрима: путь русского православного отшельника» (The Way of a Pilgrim: A Russian Orthodox Hermit's Path). Я стала перелистывать страницы и увидела, что автор советует постоянно повторять одну короткую молитву. Поначалу мне показалось, что это очередная мантра, как наши бесконечные «Будда, Будда, Будда». Ну, или что-то вроде дыхательной медитации, или медитации в движении. «Почему бы не попробовать для разнообразия?» — решила я. Молитва содержала всего одну фразу: «Господи Иисусе Христе, помилуй меня». При этом, как ты знаешь, во Христа я вовсе не верила. Мне просто хотелось попробовать другую «мантру», и я повторяла ее по несколько часов в день в течение двух-трех месяцев. И что ты думаешь? Произошло нечто невероятное. Меня охватил ужас: я вдруг осознала, что меня ждет вечная погибель! Я испытала панический страх, а потом пришла в отчаяние. Оказалось, что это не просто формула из нескольких слов. В ней скрыта страшная сила, помимо прочего показавшая мой спрятанный внутри ад. Я осознала, что иду тем же путем, что и «падший Адам». Страх смерти невозможно было прогнать. Навыки медитации, которыми я давно овладела, никак не помогали справиться с этим чувством. Я побежала к наставнику, но Аджан Ча и другие пожилые опытные монахи лишь пожали плечами и сказали, что это «просто мысли» и через какое-то время они уйдут, так как все проходит. Но, увы, так не произошло. К счастью, через некоторое время монастырь посетила группа христиан-миссионеров, и они стали молиться обо мне. Я все еще не верила во Христа, но благодаря молитве почувствовала себя лучше. И вскоре ушла из общины.

Об этом факте я знал — Урсула жила в семье христиан в Индии и посылала мне оттуда письма. В них говорилось о спасительной благодати, даруемой Иисусом. Теперь я знаю, что так это формулируют протестантские богословы — евангельские

христиане. Я был настроен скептически, и увещевательные послания в этих письмах Урсулы меня раздражали. У меня возникало желание разорвать их сразу же после прочтения, и в то же время нельзя было не признать, что эти письма что-то всколыхнули во мне. Они разбередили старую рану, которая вновь начала ныть. Почему же моя бывшая жена вдруг приехала во Фрибург и явилась ко мне именно в тот момент? Возможно, она почувствовала, что я в депрессии и моя жизнь в опасности. Но сегодня, оглядываясь назад, я прихожу к выводу, что Бог послал ее ко мне, чтобы удержать меня от страшного шага.

Как бы то ни было, она очень много рассказывала мне о «чудесной встрече с Иисусом». Я слушал с сомнением. Куда большее впечатление на меня произвело то, как изменилось выражение ее лица. Она выглядела спокойной, здоровой и веселой. Я давно ее такой не видел, а ведь мы были знакомы много лет, и я достаточно знал Урсулу, чтобы понимать — эта женщина не будет зря болтать. Слова ее находили отклик в моей душе.

Она сделала паузу в своем рассказе, а потом перешла к особенно тяжелой теме:

— Клаус, если ты все еще не понял, где надо искать подлинную жизнь, и настаиваешь на том, чтобы идти своим путем, несмотря на все мои предупреждения, тебя ждет беда. Ты, без сомнения, попадешь в лапы тех самых коварных существ, которых ты так упорно искал и пытался поставить себе на службу все эти годы.

— Да-да, я знаю, это как раз то…

— Остановись, остановись! Ты должен понять: это духи разрушения, они приносят лишь гибель. Душа твоя практически мертва, и, если ты отправишься в Южную Америку, весьма вероятно, что они атакуют твое тело, и тогда ты просто умрешь.

— Ах, оставь эти разговоры!

Но она отказывалась уйти.

— Пойми, Клаус, ты оттуда живым не вернешься. Не уезжай, лучше присоединяйся ко мне. Ты же знаешь, я, как и ты, долго искала истину и нашла ее только в Иисусе!

Но я упорствовал. Разговоры с Урсулой вывели меня из равновесия, но не смогли заставить изменить планы. После ее ухода я пребывал в некоторой озадаченности, но все же купил билет на самолет. Должно было пройти время, прежде чем я понял, насколько она была права.

Перед тем как проститься со мной, она дала мне цепочку с маленьким золотым крестиком с распятием. Я принял его, но отнесся к нему скорее как к магическому амулету. К тому же он

был золотой! Кроме того, Урсула оставила мне книгу «Крест и нож» — историю жизни Ники Круза, который когда-то был главарем банды в Нью-Йорке, а затем обратился в христианство. Какие-то фрагменты этой истории я прочитал по дороге на другой континент.

Судьба вела меня дальше по выбранному мною пути.

Глава 8. В краю пумы [8]

Наш самолет приземлился в Лиме. Я вышел вместе с другими пассажирами, но не ощущал себя обычным туристом. Я прибыл с миссией — разведать обстановку в духовных сферах. Откуда придет мне таинственное сообщение?

Что так привлекало меня, отчего тянуло в эти края, как магнитом? Была ли это магия загадочных камней, из которых выстроены пирамиды Мачу-Пикчу? Нет. Без сомнения, нечто совсем другое влекло меня на север страны. Может, мне было интересно изучить расстилавшуюся там обширную пустыню? Но и это предположение было неверно.

В Перу я принялся заигрывать со смертью, как делал это во многих других местах. Однажды, вернувшись в гостиницу в Лиме, я узнал, что в районе объявили комендантский час. На улице было неспокойно, напряжение нарастало с каждой минутой. В любой момент могла начаться перестрелка между двумя преступными группировками. Тем не менее я покинул отель и пошел к главной площади. Там я встретил солдат в полном вооружении, которые предупредили, что лучше как можно быстрее покинуть это место. Я подчинился, но с большой неохотой. Странный внутренний голос продолжал настойчиво убеждать меня, что я неуязвим и никто мне не страшен.

К моменту отъезда в Америку я полностью отказался от наркотиков и почти не выпивал. Я готовил себя и свое сознание к соприкосновению с новой реальностью. Денег у меня было достаточно — мне удалось кое-что накопить благодаря разным подработкам в Швейцарии (я участвовал в археологических раскопках, преподавал в школе и вообще брался за любую работу).

Из Перу я совершил вылазку на север, в Эквадор, добравшись туда через горный перевал — у меня захватывало дух на каждом крутом вираже серпантина, а над пропастью разносилась громкая музыка, включенная водителем (научиться игнорировать этот постоянный шумный фон было отдельной моей задачей).

В деревеньке неподалеку от столицы Кито я, гуляя по местному рынку, заметил уставившегося на меня мужчину. Мне было известно, что это за взгляд: я сам умел так смотреть, чтобы подчинить волю другого человека. Я подошел к смотревшему на меня и заговорил с ним по-испански. Мы познакомились и договорились, что он отвезет меня в высокогорный район на

грузовичке, в котором обычно возит разные товары. Но сначала мы заехали домой к моему новому приятелю. Дом представлял собой большую палатку, в которой собралось около восьми или десяти мужчин. Они сидели на полу, образуя круг. Собравшиеся индейцы что-то обсуждали, ко мне они отнеслись вполне дружелюбно, по крайней мере мне так показалось, однако через некоторое время пребывания в их компании со мной произошло непонятное — я вдруг заметил, что не могу никому посмотреть в глаза. Не знаю, колдовство ли тут сыграло роль, или дым из трубки, которую индейцы курили по очереди (хотя я отказался делать затяжку), или это были просто последствия тех процессов, которые шли у меня внутри, — однако я вдруг выпал из реальности, а потом на меня накатил панический страх, и я, не прощаясь, выбежал из палатки и побежал прочь из деревни, вниз под гору — и бежал так очень долго, бежал, куда глаза глядят. Да, все же в Южной Америке нужно быть предельно осторожным.

В Эквадоре я не стал задерживаться, а автостопом добрался до границы с Колумбией и уже на автобусе отправился в ее столицу, Боготу. Я вполне сознавал, насколько город, в который я попал, опутан преступными сетями. Восьмимиллионный мегаполис никогда не спал, его лихорадило круглосуточно. Воздух в нем был каким-то очень тяжелым. Вскоре мне стало ясно, что здесь безраздельно властвуют насилие и криминал. Чтобы понять это, не нужна была особая проницательность. Все магазины, большие и маленькие, охраняли вооруженные люди. В кино показывали жестокие боевики. Стены ветхих зданий украшали граффити со сценами насилия. Боевики разных группировок, наркобароны и мафиози сеяли вокруг страх. Вся власть была коррумпирована. Меня не так уж пугает мир криминала, и все же этот город действовал мне на нервы.

Через несколько часов после прибытия я столкнулся с дурным предзнаменованием. Закинув рюкзак за плечи, я пересекал широкий бульвар, лавируя между машинами, и тут сзади какой-то человек молниеносно на меня напрыгнул, резко рванул золотую цепочку с крестиком, висевшую у меня на шее, и тут же исчез среди автомобильного потока. Мне стало не по себе — ведь Урсула говорила, что ее подарок будет хранить меня в моих странствиях… Я сел на землю прямо на разделительном островке между двумя полосами проезжей части и вспомнил весь наш последний разговор с Урсулой. Я всегда знал, что ничего в этом мире не происходит случайно. Но я не знал, что близился некий судьбоносный момент, час икс, который должен был перевернуть всю мою жизнь.

Стряхнув оцепенение, я побрел в полицейский участок, чтобы зарегистрировать происшествие и потом хотя бы иметь возможность подать заявку на компенсацию в страховую компанию. В участке меня встретили такими словами, от которых у меня волосы встали дыбом.

— Молодой человек, — увещевал меня страж порядка, — советую вам снять и спрятать часы. На этой неделе было несколько случаев: бандиты отрубали жертве руку, чтобы украсть их. Поверьте, к большому сожалению, в нашей стране процветает насилие. Это наша главная проблема.

Эту мысль ярко проиллюстрировала сцена, которую я увидел, выходя из того же участка: у стены стоял гангстер, а полицейский не спускал с него глаз, держа преступника на мушке своего автомата. Все это напоминало старые фильмы про Дикий Запад. Но нет, это было не кино, а обычные будни большого города. Горько быть свидетелем такого положения вещей. «Если останусь в этом городе, быстро превращусь в параноика», — подумал я и купил билет в Каракас — столицу Венесуэлы.

В пять часов вечера в пятницу я сел в полупустой автобус с ощущением, что бегу от ночного кошмара. Мне было неведомо, что впереди меня ждут еще более зловещие события.

Это произошло 24 июля 1981 года. Мы выехали из столицы Колумбии и через полтора часа были уже далеко от мегаполиса, в сельской местности. Я задремал, утомленный влажной жарой и переживаниями прошедшего дня. И вдруг — стрельба, крики, проклятия. Мне спросонья вообще было непонятно, что происходит. Да к тому же меня почти сразу, как я открыл глаза, оглушили ударом по голове. Рядом со мной стоял какой-то вооруженный бандит. Он приставил ствол к моему затылку и крикнул:

— Руки подними! Не двигайся! Если кто-нибудь только попробует пошевелиться, стреляю без предупреждения!

По моим подсчетам, нападавших было пятеро. Эти люди были вооружены до зубов и собирались грабить пассажиров автобуса (нас было одиннадцать). Было ясно, что они не остановятся перед тем, чтобы убить или покалечить кого-то из нас, если это потребуется. На обычных воров они не были похожи. Скорее нас собирались взять в заложники.

Автоматчики заставили водителя съехать с основной трассы и велели двигаться по небольшой проселочной дороге, которая вела в безлюдное предгорье. Кругом было совершенно темно. Проклятье, неужели все это и вправду происходит со мной?! От страха меня пробил холодный пот. Я вспомнил то, о чем меня

предупреждала Урсула. Почему я не послушался ее совета и не отменил поездку в эту часть света? Почему, почему я последнее время постоянно оказываюсь во всяких переделках? Вроде раньше мне всегда везло. У меня была какая-то тайная защита, всегда срабатывающая в опасных ситуациях. Но в этот раз, похоже, удача изменила мне.

В тот момент мне казалось, будто в таком положении ничего не остается, как только просить помощи у оккультных, темных сил. Раньше они, бывало, уберегали меня от ножей и пуль.

Конечно, духи зла не оставят меня и сейчас и помогут выпутаться из этой заварушки. Чтобы они могли успешно действовать, нужно только одно: мне требуется посмотреть врагу (в данном случае одному из этих разбойников с большой дороги) прямо в глаза. Тогда мне удастся сломить его волю. Для этого достаточно пары секунд. Я прикинул, что прежде, чем четверо других боевиков успеют что-либо заметить, я сумею рывком открыть окно (и так уже наполовину отворенное), выпрыгнуть из автобуса и спрятаться в кустах. Мы ехали довольно медленно, со скоростью 50—60 километров в час. Таков, по моим представлениям, был мой единственный шанс на спасение.

Но бандиты будто прочли мои мысли. Один из них подошел к окну, которое было рядом со мной, закрыл его и задернул шторку. Потом боевики велели мне наклонить голову, а руки поднять и прижать к спинке переднего кресла. Так мне вообще ничего не было видно, кроме их ботинок. К затылку снова приставили холодный ствол. Все надежды рухнули. И все же я так просто не сдамся. Нужно было действовать — сейчас или никогда. Всего-то и надо было поднять голову и заглянуть в глаза вооруженному человеку, пытаясь удержать его взглядом. Эта техника была мне хорошо знакома. Но как только я вскинулся вверх, меня тут же ударили по темечку прикладом. Из глаз посыпались искры, и я почувствовал, что по лицу струится теплая кровь. Только тогда я осознал: дело серьезное, очень серьезное. На кону и вправду моя жизнь.

Мельком я заметил кровожадную радость в глазах моего мучителя. Мне стало жутко. От меня уже ничего не зависело. Я развалился в кресле в полуобморочном состоянии. На пол капала кровь. Сердце ухало в груди, и казалось, я скоро отдам концы. Время будто остановилось. В голову приходили мысли и воспоминания о моей несчастной жизни, которая не задалась с самого начала. Проведя рукой по ране на голове, я попытался остановить кровотечение, потому что знал, что от вида крови бандиты еще больше разъяряются — мне не раз доводилось наблюдать подобную кровожадность. К тому же я помнил, как они

ненавидят всех «грингос» (так они именовали выходцев из капиталистических стран Европы и США). Среди сотен головорезов, которые в большом количестве расплодились в этой части света, были и лесные повстанцы, воевавшие с властями, и торговцы наркотиками, и просто бандиты. Но все они верили, что «хороший гринго — мертвый гринго». Я часто слышал такое мнение. Мне было больно, я был унижен и мысленно уже прощался с жизнью. И тут я услышал внутри себя вопрос: «Клаус, ты готов к смерти?»

Я не в первый раз сталкивался с этим вопросом. Когда я жил в Таиланде и готовился стать монахом, учитель спрашивал меня об этом перед всеми другими членами общины: «Клаус, ты готов к смерти?»

Человек, собирающийся уйти из мира, должен был искренне ответить: «Да!» Но я прокричал тогда: «Нет, я хочу жить!» — и рассмеялся им в лицо.

Услышав этот неожиданный, дерзкий и даже наглый ответ, все они тоже рассмеялись, хотя предполагается, что монах всегда должен быть спокоен и серьезен. Конечно, они подумали: «Что с него взять, он здесь чужак и умом не блещет. Таким, как он, придется очень многому научиться в монастыре, и это обучение займет долгие годы». Я же в тот момент самоуверенно полагал, что я — лучший буддист, чем все они, вместе взятые.

Но вот роковой вопрос снова встал передо мной. Готов ли я уйти из жизни? Сколько горечи и разочарования надо вынести, чтобы почувствовать, что да, я готов уйти, потому что я все на свете попробовал и ничего не помогло мне излечиться. Мое существование представляло собой нескончаемую муку и терзания, которые перемежались страхом и ненавистью. Покой, любовь, свобода, Бог — ничего этого не существовало! Все это было лишь в теории, лишь в воображении некоторых философов или в пустых речах лживых гуру. Вот какие чувства я испытывал на тридцать шестом году жизни. Строго говоря, даже «в мире ином» меня все равно ждут страдания (если, конечно, верна теория реинкарнации). Но может, там, в новом воплощении, будет все же немного получше? В любом случае зачем мне сейчас продолжать жить? Я никогда не знал ответа на этот вопрос. На что надеяться? Что изменится от того, что сейчас я упаду в черную бездну, из которой никогда не выбраться? Надо покориться воле судьбы. Деньги, достаток, власть, секс, успех, одиночество, аскетические подвиги… Все это в прошлом. Временами мир меня принимал, временами — отвергал. Иногда я жил во дворцах, иногда — в трущобах. Рядом со мной были и прекрасные женщины, и страшные ведьмы. Мне рукоплескали и

меня били. Я бывал голоден или пировал. Однако какими бы ни были внешние обстоятельства, на душе у меня всегда было тяжко. Я так и не нашел гармонии, покоя, свободы и не узнал, кто я. Участие в приключении под названием «жизнь» привело меня сюда — и вот я сижу, избитый, истекающий кровью, и думаю только об одном: «Нажмите уже на курок. Давайте скорее. Возможно, вы освободите меня от мук».

И тут случился еще один удивительный поворот судьбы. Правда, все это произошло лишь в моем сознании. Мне как будто бросили спасительную веревку сверху, с края пропасти, в которую я падал. Помощь пришла, хотя я ее и не заслуживал и ничего не сделал, чтобы ее получить. Позже я узнал, что это и называется «благодать». В тот момент, когда я был уже готов расстаться с жизнью, некий голос сказал: «Чтобы умереть, ты должен сначала познать жизнь». Это было неожиданно и в то же время казалось вполне логичным. С детства я помнил аксиому, повторяемую всеми вокруг: «Бог есть жизнь». Но что эта присказка значила для говорящих, было неясно. Так называемые ревностные христиане часто вешали разные религиозные афоризмы и цитаты из Библии на видных местах — в гостиной или даже в ванной. Однако я никогда не встречал людей, которые бы серьезно относились ко всем этим лозунгам. Вероятно, они были для них пустым звуком, никого и ни в чем не способным убедить. Но сейчас, когда я находился на пороге смерти, старая формула вдруг заиграла новыми красками. «Если Бог существует, то Он и есть жизнь, — рассуждал я. — Значит, самое время Ему показать Себя. А если Он не считает нужным явиться и доказать Свое существование, подтвердив Свое тождество с жизнью, тогда, наверное, мне лучше умереть».

И тогда я обратился к Богу со страстной молитвой, исходившей из глубины моего заблудшего и отчаявшегося сердца: «Господи, если Ты есть, спаси меня!»

Но даже в такой момент неверие мое было сильно. Что-то во мне стремилось к смерти, и внутренний голос увещевал: «Старик, если ты спасешься, это будет значить лишь, что тебе снова повезло. Зачем тебе эти сказки про Бога? Просто кому-то удача улыбается, а кому-то нет». И все же мне хотелось знать главное! Так хотелось, что к своему крику о помощи я мысленно прибавил постскриптум: «Господи, если Ты действительно существуешь, пошли мне знамение, видимое свидетельство, чтобы я точно знал, что именно Ты спас меня. Если это не так, то лучше умереть!»

Чтобы было понятно, что произошло дальше, нужно пояснить: самая ценная и значимая для меня вещь, которую я возил с собой

во всех путешествиях, был мой дневник. Он был при мне последние двенадцать лет, побывал в разных уголках света и стал как бы моим двойником, осязаемым символом меня самого. Мои песни, впечатления, переживания, стихи и рисунки, важные события, происходившие в пути, — все было на этих страницах. Дневник становился моим собеседником, когда мне было одиноко. В общем, он был моим лучшим другом. В случае потери восстановить его было бы невозможно, поэтому я очень берег его все эти годы.

Он лежал в кожаной сумке, которую бандиты при нападении у меня отобрали. Торговаться с ними, просить вернуть что-то было бесполезно. Мою сумку они использовали как хранилище для денег и паспортов, отобранных у других пассажиров. Но деньги и паспорт имели меньшую ценность для меня, чем мой драгоценный «бортовой журнал». Документы можно восстановить, деньги снова заработать, но дневник — другое дело. Одна мысль о том, что я его потеряю, была невыносимой. Даже при условии, что я одной ногой на том свете, я беспокоился о своей реликвии.

Автобус катился по узким проселочным дорогам, мы проезжали какие-то деревни, двигаясь все выше в горы. Кругом было абсолютно темно. Когда мы уехали совсем далеко от любой цивилизации, водителю приказали остановиться. Нас ждал еще один неприятный сюрприз. В автобус ввалились новые боевики с автоматами (по моим подсчетам, их было семь) — братья по оружию захвативших нас бандитов. Проходя между рядами, они держали оружие высоко над головой, чтобы мы все его видели. Затем они стали по одному выводить пассажиров, угрожая нам и награждая тумаками. Нас всех столкнули в грязную, недавно вырытую яму. Я сидел в самом конце салона, а потому меня выволокли одним из последних. Вокруг стояла жутковатая тишина. Было холодно, всех била дрожь, от ямы веяло сыростью. Бандиты выстроились по краю и навели на нас стволы автоматов…

Никто не произнес ни слова. У меня в голове не было ни одной мысли. Я помню черные силуэты, освещенные светом фар автобуса и еще какой-то машины. Эти тени перемещались вперед и назад. Ужас сковал всех нас, ожидание конца было невыносимым. Даже если бы сейчас раздалась автоматная очередь, это могло стать облегчением, послужить разрядкой. Несколько выстрелов — и все.

Но события развивались совсем другим, неожиданным образом, так что даже головорезы были озадачены. Господь наш действительно Всемогущ, и Его пути непостижимы для

человеческого разума. К такому выводу привела меня вся эта история.

Из темноты вдруг раздались какие-то звуки. Шум нарастал. Из ямы, в которой мы находились, стало видно, что к нам бегут люди. Сначала они отделились от чернеющей поодаль рощи, а затем их фигуры четко вырисовались в свете фар. Это были индейцы, одетые в белое, но, что самое удивительное, все они мчались на велосипедах! Боевики забыли о нас и начали отстреливаться от нападавших. Индейцы, как я понял, принадлежали к другой повстанческой группировке. Бандиты бросились к ним. Мне было видно, как первого велосипедиста ударили прикладом автомата по голове, и он упал. Не знаю, был ли он убит или лишь оглушен. Его тело подтащили к краю ямы и сбросили вниз, так что он оказался прямо рядом со мной. Но его товарищи были быстрыми, как молния. Многие из них мгновенно скрылись в ночи. Бандиты пустились за ними вдогонку на машине. Автоматчики теперь разделились на две группы: одни караулили нас, а другие преследовали велосипедистов. Но те уже были далеко. Некоторое время до нас еще доносились отдельные выстрелы, а потом все стихло.

Может, эти пули, разрывавшиеся в ночи, были предназначены нам? А мой Неведомый Бог в последний момент отвел их и направил в другую сторону? Не зная, где тут правда, я все же чувствовал, что я живой. Эмоции переполняли меня. Что сейчас произошло? Возможно, убийцы вернутся, и все же я знаю, что судьба теперь на нашей стороне. Может, теперь бандиты будут осторожнее? Может, они сами попали в ловушку? Не исключено, что их предали, и место, где они хотели спрятаться, теперь обнаружено.

Боевики, захватившие нас, суетливо побросали награбленное в машину и скрылись во мраке ночи. Почему они вдруг так забеспокоились и, казалось бы, почти забыли о нас? И еще… как же моя сумка, дневник и записанные в нем песни? Я видел, как они кидают сумку в салон автомобиля.

Мы не дыша сидели в яме. Прошло некоторое время, прежде чем кто-то решился пошевелиться. Все боялись, что наши мучители вернутся. Вдруг они прячутся где-то поблизости и выстрелят нам в спину? Но время шло, мы немного успокоились и начали выбираться из своего убежища. Мои попутчики — обычные колумбийские крестьяне, радостно заговорили: «Мы спасены! Благодарение Богу! Настоящее чудо!»

Отовсюду теперь слышались радостные крики: «Milagro, maravilla». — «Фантастика! Чудо».

Я тоже был счастлив и в то же время немного озадачен. Стоит

ли чего-то моя отдельно взятая жизнь? Ответил ли Бог на мою просьбу явить мне знак в доказательство Своего существования? Да, мне удалось выжить, но этого свидетельства недостаточно. С такими мыслями я забрался в автобус и побрел к тому месту, где сидел. Там лежал какой-то одинокий предмет… Глазам своим не верю! На моем сиденье валялся мой дневник! Чья-то заботливая рука положила его туда; он точно не мог случайно выпасть из сумки, она была закрыта. Если бы грабители захотели вытащить оттуда ценное, они бы просто вывернули ее. Тогда на полу валялись бы грязные носовые платки, носки и весь мой нехитрый скарб. Как же так? Как дневник мог оказаться здесь?

Впервые в жизни ответ был близко. Почему же я раньше не замечал, что в критических ситуациях всегда получаю помощь и утешение? Я просто не знал, как прочитать эти знаки, поэтому память о них быстро ускользала. Но теперь передо мной стоит выбор, от которого я не в силах отвернуться. Неужели существует Некто, действительно помнящий каждого из нас? Возможно, все, что с нами происходит, похоже на шахматную доску, и за ее пределами есть Игрок, знающий наперед все ходы, но уважающий свободу воли и мое право самостоятельно принимать решения. Однако в конце концов Он оборачивает все происходящее нам на пользу. Получается, во всех испытаниях со мной рядом был Кто-то, теперь наконец прямо ответивший на мой призыв? Лежащий передо мной дневник был реальным, материальным тому свидетельством. Открывшаяся истина глубоко потрясла меня.

Глава 9. Назад в старый свет

Колумбийская история не положила конец моим странствиям по Латинской Америке. Я поехал на север Бразилии и скитался по джунглям. Иногда перемещался автостопом на грузовиках, возивших по грунтовым дорогам бревна с лесных вырубок вдоль Амазонки. Как-то раз мне довелось проехаться в местном рейсовом автобусе — полуразвалившейся колымаге, которая курсировала по амазонской долине. Пассажиров предупредили, что в этом районе индейцы иногда убивают белых людей. И мы действительно встретились лицом к лицу с опасностью: вечером, когда автобус должен был переправляться через реку на пароме, я услышал громкий шум и какую-ту возню у переправы. Было видно, что водитель напуган. У других пассажиров (все до единого — местные жители) на лицах тоже отразился страх. Но в итоге все закончилось благополучно, конфликт быстро исчерпался, и мы смогли продолжать путешествие. Наверное, и тут вмешалось Божественное провидение.

В каменных джунглях Рио-де-Жанейро я набрел на медиумов, общавшихся с духами и практиковавших оккультные ритуалы. Но после встречи с боевиками в Колумбии я внутренне изменился. Ужас, который я испытал тогда, привел к тому, что я решил сторониться темных сил. Что-то удерживало меня от того, чтобы проявлять прежнее любопытство.

К осени я почувствовал себя совершенно измученным и решил взять билет обратно в Швейцарию. Тогда я еще не знал, что этот перелет станет последним в серии долгих, почти бесконечных изматывающих странствий, из которых состояла моя жизнь последние четырнадцать лет. На следующем жизненном этапе мне не пришлось так много скитаться. Моя духовная сестра Урсула, узнав, что я вернулся во Фрибург, приехала навестить меня. В тот момент она училась в библейской школе All Nations Bible School в Лондоне. Внимательно выслушав мой рассказ о нападении бандитов в Колумбии и о том опыте, который я извлек из него, она уверенно заявила:

— Это был Иисус! Именно Он спас тебя!

— Извини, что ты сказала? — с нескрываемым скепсисом спросил я.

— Да-да! В один из дней, находясь на учебе, я почувствовала, что ты в опасности. Так что и я, и мои сокурсники молились за тебя.

Первая моя мысль: не верю, не может быть. Слишком уж все

это примитивно.

— Как ты это докажешь? Когда именно все случилось?

И тогда она назвала мне точную дату — тот самый день, когда произошло нападение боевиков на автобус. Как она могла это узнать? Может, об этом написали в газетах?

Урсула покачала головой. И все же я ей не вполне поверил. Слишком уж велика была моя антипатия к христианам. Даже такому чуду было трудно ее победить.

В тот момент мне казалось, что даже если тот самый Иисус, о котором рассказывает Урсула, существует, вряд ли Он может стать моим Богом. Он меня пугал: меня отталкивали устанавливаемые Им нравственные законы, и, конечно, я испытывал отвращение, глядя на Его «полномочных представителей». Да и в любом случае всем этим церковным людям вряд ли нужен такой последователь, как я. Если я войду в их рай, там случится большой переполох. И все-таки несколько замечаний Урсулы затронули что-то глубоко спрятанное у меня в душе. Правда, я не знал, что я должен делать, как ответить на ее призыв. Так часто случалось: в моей бывшей супруге всегда было что-то такое, что вызывало у меня тревогу и беспокойство. Прошла неделя, и Урсула снова явилась ко мне. Приезжая в Швейцарию, она останавливалась в Лозанне, где находилась протестантская организация — Ассоциация по изучению Библии (Protestant Association for the Study of the Bible). Урсула, похоже, готова была преодолевать расстояние в семьдесят пять километров всякий раз, когда хотела сказать мне что-то важное.

— Клаус, и ты и я — мы многое пережили, и я тебя хорошо понимаю. Ты больше не хочешь пробовать ничего нового, ты боишься разочарований.

— Да, это правда. Я знаю, что такое полное крушение надежд, так что на этот раз я сделаю все возможное, чтобы не стать жертвой очередной религии.

— Но здесь не будет обмана, поверь мне. Я тебе не вру. Посмотри на меня! Но если ты не доверяешь мне, может, ты поверишь моим друзьям? Съезди со мной к ним в гости.

— Мне не нужен твой Бог! Я сам за себя отвечаю.

— Ты не сможешь помочь себе сам, это очевидно. У тебя уже была возможность в этом убедиться.

Урсула продолжала настаивать. Мне она была небезразлична (ведь она, кроме прочего, когда-то была моей женой), поэтому я согласился приехать к ней в Лозанну. Для этого паломничества не надо было покидать Швейцарию.

Я сделал первый шаг к новой жизни, и за этим последовало

много открытий. Так называемый «Библейский дом» в Лозанне оказался очень людным местом, но все присутствующие показались мне скучными и неинтересными. Потом Урсула пригласила меня в деревеньку Хьюмоц, где находился реабилитационный центр для алкоголиков и наркоманов. По ее словам, христианские миссионеры именем Христа избавляли тех от зависимостей. Там я чувствовал себе куда более уютно: с обитателями центра у меня было много общего. У них, как и у меня, бывали тяжелые времена.

Моя подруга познакомила меня со многими другими коммунами и общинами. Вместе с ней я отправился на экуменическое собрание, где можно было побеседовать с начитанными и хорошо образованными священниками и богословами. Они мне многое рассказали о том самом «неведомом» Иисусе. Правда, я остался недоволен тем, что они слишком часто цитируют Писание. Иногда мне хотелось швырнуть им в лицо их любимую книгу и заявить, что они не поняли в ней самого главного. На горьком личном опыте я убедился, что жизнь не сводится к теориям и хитроумным теологическим построениям. Слово Божье, вероятно, могло бы изменить чью-то жизнь, но эти самозваные посредники делали его мало кому доступным, нагромождая горы философских рассуждений и закрывая от слушателей истинный смысл написанного.

Так, во всяком случае, мне казалось. Я самоуверенно спорил с богословами. Как же я был горд собой, каким умудренным и опытным чувствовал себя! Разве такой бывалый человек, как я, мог принимать всерьез всех этих псевдохристиан? Что они видели в жизни?

Большинство пасторов и церковных авторитетов, с которыми познакомила меня Урсула, любили долгие и обстоятельные дискуссии. Я тоже был мастером полемики, а потому чувствовал себя в любых спорах очень уверенно. А за глаза именовал своих оппонентов «гомики» — слишком уж приторно они улыбались, приглашая меня попить чайку с печеньем. Даже сейчас, когда суждения мои смягчились и я снисходительно отношусь к большинству «служителей культа», я по-прежнему считаю, что все эти улыбочки от уха до уха выглядели неискренне. Но так было принято в их «библейском» мире. А тогда я был молодым циником и, глядя на белозубый оскал своих собеседников, мысленно спрашивал себя, могут ли они кусаться, подобно вампирам. Многие индийские гуру вызывали у меня те же чувства.

В общем, уловки и трюки красноречивых проповедников на

меня не действовали. Напротив, мне казалось, что я всегда побеждаю в спорах, и оттого я был очень горд собою. Но в определенный момент в выстроенной мною стене из гордыни, высокомерия и неверия появилась брешь.

Началось все с того, что в один прекрасный день Урсула попросила меня отвезти ее на машине из Фрибурга в Лозанну на встречу организации YWAM — «Молодежь с миссией» (Youth With a Mission), а заодно и посетить вместе с ней это собрание. Некоторое время я колебался, но потом согласился.

На трассе между двумя городами двигатель моего Renault стал работать с перебоями, кашлять и задыхаться. Пришлось вызвать технический патруль, чтобы машину привели в чувство. Прибывший механик не обнаружил поломки, но посоветовал двигаться очень медленно и аккуратно. Нам удалось прибыть вовремя. Однако я нервничал, что поздно вечером, после встречи, не смогу благополучно добраться домой на машине, которая барахлит. А вызвать подмогу среди ночи уже не будет возможности. Поэтому я сказал Урсуле, что на собрание не останусь, а сразу уеду обратно. На что она уверенно возразила: «Все будет в порядке!» И принялась молиться о машине. В голове мелькнула мысль, что моя добрая подруга сошла с ума. Но я ничего не сказал из уважения к ней. Потом она долго уговаривала меня остаться, в конце концов я уступил и пошел с ней на встречу.

Надо сказать, что присутствие там далось мне дорогой ценой. Особенно я мучился и раздражался, когда все воздели руки к потолку и стройно запели: «Аллилуйя!»

«Что за сборище идиотов!» — презрительно пробормотал я и вышел вон из зала. Сейчас-то я понимаю, что собравшиеся в том месте люди действительно обладали большой духовной силой. Это и было невыносимо для моего эго, по-прежнему находившегося во власти тьмы.

Я вернулся в зал, когда всех пригласили на чай с пирогами. В десять вечера я попрощался с Урсулой и отправился домой. Двигатель машины всю дорогу работал исправно и ни разу не заглох, хотя временами издавал странное кряхтенье.

Но настоящий сюрприз ждал меня на следующий день, когда механик заглянул под капот, а потом с удивлением воззрился на меня:

— Клаус, объясни-ка, как тебе удалось доехать до гаража?

— Я спокойно доехал. Правда, двигатель плевался и кашлял.

— Да брось ты! Наверное, ты вообще не заводил мотор, а просто катился под горку за счет силы тяжести?

— Не понимаю…

— Да у тебя зажигание неисправно! Никогда не видел, чтобы машина с подобной поломкой могла самостоятельно ехать. Прямо чудо какое-то!

Я пожал плечами немного раздраженно. Меня задели сказанные механиком слова. Более того, я был поражен. Видимо, подействовала молитва о машине, что же это еще могло быть? Но про эту историю я никому не сказал. Постеснялся. Она была за рамками моего понимания.

По прошествии нескольких недель Урсула пригласила меня на встречу с одной швейцарской дамой. Ее звали Эдми Коттье, и она жила в большом коттедже в селении Ружмон. Эдми было шестьдесят семь лет, тридцать три из них она прожила в Анголе. Однажды ее похитили представители повстанческой группировки, так называемой армии освобождения УНИТА. Не обращая внимания на преклонный возраст пленницы, они долго вели ее за собой через леса, где прятались. Эдми прошла по страшной жаре более полутора тысяч километров! А потом, согласно ее рассказу, ее спас Христос. Он был с ней во время всего этого невероятного марш-броска. Ее свидетельство об Иисусе поражало воображение. И эта женщина совершенно не считала нужным каждый раз расплываться в фальшивой и сладкой улыбке.

Кожа ее была загорелой и покрытой густой сеткой морщин. Своим видом она напоминала пожилую индианку. Она мне очень понравилась. Эдми не читала моралей. Взгляд ее был очень властным и уверенным и в то же время всегда приветливым. В глазах светилась огромная внутренняя сила. Общаясь с ней, я постепенно расслабился, и в выросшей вокруг моего сердца толстой броне появилась брешь. А вдруг в том, что она говорит, есть доля истины? Нет, мне не хотелось принимать такую правду. Я сказал ей, что она, возможно, просто ошиблась в интерпретации своего спасения. По возвращении домой я продолжал думать об этой истории и решил, что мне удалось убедить пожилую даму, что она стала жертвой иллюзий.

Однако сомнения продолжали терзать меня. Как долго все это может длиться? Не исключено, что все швейцарские христиане, знакомые со мной, уже вынесли вердикт, что я безнадежен. В своей безграничной гордыне я считал себя выше их и был уверен, что ясно продемонстрировал, что ни в ком не нуждаюсь — особенно в их любимом Иисусе. Ведь нет на свете никого сильнее меня! Когда я делал такие заявления, они не спорили, а лишь добавляли «кроме одного человека». Как сказала Эдми во время одной из наших последних встреч, я могу с ним

встретиться, если захочу. Об этом человеке, которого все почему-то считали сильнее меня, я уже слышал от других христиан. Я уже понял их тактику общения и представлял, как закончится разговор, поэтому старался в долгие дискуссии не вступать и в определенной точке всегда останавливался.

Но однажды меня обманули — проявили настойчивость и дипломатичность одновременно, плюс пустили в ход лесть, затронув слабые струны моей души. Меня уверили, что выступать будет очень известный проповедник, автор многих книг. Но, несмотря на плотный график, он готов встретиться со мной лично, потому что уже слышал обо мне. Я растаял.

— Этот человек действительно обладает большой духовной силой? — интересовался я в преддверии встречи. — И он считает, что может мне помочь?

«Ну уж я покажу этой выдающейся личности, что я обо всем этом думаю», — тешил я свое тщеславие.

Знаковое событие состоялась в Лозанне, в субботу, 10 сентября 1981 года. Мы должны были встретиться в десять утра перед собором — так было оговорено заранее. Чтобы показать «заезжей знаменитости» ее место (то есть продемонстрировать, что я не нуждаюсь в поддержке), я намеренно опоздал и приехал около полудня. Я сел у ворот и стал ждать. Известный проповедник Морис Рей вышел чуть позже в сопровождении Эдми, Урсулы и еще нескольких человек. Он направился прямо ко мне.

Собор в Лозанне, где произошло мое обращение ко Христу

Бросив на него взгляд, я забеспокоился. Я видел, какая мощная у него харизма. Мне, глупому гордецу, представилось, что сейчас случится столкновение двух титанов.

Пастор Морис Рей, ставший мне другом и вторым отцом (на заднем плане – Урсула)

У меня была привычка долго и пристально смотреть в глаза новому знакомому, чтобы определить, есть ли в нем какая-то неуверенность и слабина. В данном случае никаких слабостей в моем визави я не обнаружил. Человек лет шестидесяти пяти с длинными седыми волосами подошел ко мне и окинул меня внимательным и в то же время полным любви взглядом. Я уставился на него, пытаясь проникнуть прямо в душу, но он и глазом не моргнул. Это о многом говорило. Да, это было настоящее противостояние, в котором победить мог только один — либо он, либо я. В сердце своем я подумал: «Урсула и ее друзья были правы. Это моя последняя, решающая битва». Я не сомневался, что мой оппонент проиграет. Мне были известны разные хитрости, с помощью которых я собирался добиться успеха.

Я решил первым бросить перчатку, устроить провокацию, а

потому начал фамильярно:

— Добрый день, Морис! Надеюсь, я могу с вами говорить так, запросто?

Интересно, насколько искренней и непосредственной будет его реакция? Мне нередко доводилось беседовать с напыщенными «благочестивыми господами», которые блеяли, как бараны, и слишком уж фальшиво улыбались. Если пастор Морис Рей с первой минуты покажет себя именно таким — все, я разворачиваюсь и ухожу. Но он ответил мне в тон:

— Конечно можешь, парень! Валяй!

И улыбнулся открыто и дружелюбно. А потом позвал меня пройти с ним в небольшое здание рядом с собором, где мы могли поговорить наедине. Я согласился, но не собирался так легко сдавать позиции. Я был защищен мощной внутренней броней, которую никому еще не удавалось пробить. Но Урсула и ее друзья тоже были готовы побороться за мою душу. Они сказали, что сядут где-нибудь неподалеку и будут молиться во время нашего с Морисом разговора.

Я начал с того, что кратко рассказал ему о своей жизни, полной страданий и испытаний. Он внимательно слушал. После того как я закончил, он отреагировал немногословно:

— Да, жизнь была непростой. Пришло время поменять все к лучшему, ты согласен?

Я кивнул, очень радуясь тому, что он не начал бомбить меня цитатами из Писания. Я рассказал, как один из слащавых пасторов как-то раз попросил меня громко, четко и осознанно произнести имя Иисуса. И признался, что мне сделалось дурно от такой просьбы. В тот момент я не мог открыть рта, как будто его заклеили. Даже если бы мне пригрозили отрезать язык, я не смог бы сделать того, чего от меня хотели. Это было просто невозможно. Морис хорошо меня понимал: ему было ясно, что я находился во власти бесов. Признаться, я не ожидал, что он будет столь проницателен. Он сразу понял, что за внешней агрессией скрывается уязвимость, сделавшая меня легкой добычей темных сил. Они и не давали мне произнести имя Иисуса.

Пастор весело рассмеялся и сказал:

— Теперь ты понимаешь, почему наши общие друзья сочли, что тебе необходимо встретиться со мной?

— Нет, не вполне.

— Да потому, что сейчас ты просто марионетка. Всю свою жизнь ты плясал под чужую дудку.

Это заявление мне не понравилось.

— Морис, не говорите так, пожалуйста. Не нужно насмехаться надо мной! А то вам придется об этом пожалеть… В

общем, я вас предупредил!

— Нет, Клаус, я говорю тебе правду. Знаешь, в жизни всегда находится кто-то, кто выступает в роли кукловода. Бог уважает человеческую свободу, но сатана не дает нам, людям, ею воспользоваться. Он быстро заставляет сдаться, подчиниться и следовать за ним.

И тут что-то щелкнуло в моей голове. Пазл сложился. Я был смущен и все же, оценивая прошедшие годы, не мог не признать, что Морис прав. Все это время я считал, что принимаю решения сам, но на самом деле следовал указаниям другого «хозяина», который действовал тайно, не выдавая себя. Он ведь привык к тьме. По спине у меня пробежали мурашки. Я осознал, насколько мой собеседник все верно подметил.

— Даже не воображай, что у тебя есть хоть малюсенькая искра собственной силы, — продолжал он. — Мы все кому-то служим, никому не удается сохранять нейтралитет. Мне жаль, тебя взял в оборот злой хозяин. Ты хоть понимаешь это или нет?

— Ну, жизнь моя до сегодняшнего дня была несладкой. Тут я согласен.

— Клаус, все, что нужно сделать, — это перейти в другой лагерь. Служить другому Господину. Но при этом учти, что Бог никогда никого не принуждает силой! Следовать за Ним можно только по доброй воле и по собственному желанию. Он тебя не предаст, не подведет, Он может подарить тебе любовь, жизнь, свободу и мир.

Я вдруг понял, что у меня никогда этого не было. Раньше я верил только в право сильного и в свободу как возможность отвергать любые ограничения. Но эта вера давно уже пошатнулась и стала хрупкой. И все же страх перед новыми разочарованиями не давал мне открыться новому.

Тем временем Морис говорил:

— Ты знаешь, друг мой, если один раз впустить дьявола в душу, предоставив ему там убежище, он никогда не уйдет по собственной воле. Он будет считать эту душу своей вот чиной и захочет ею полностью владеть. Ты, Клаус, ему в этом способствовал, был добрым слугой ада, а потому в какой-то мере получил силу от Люцифера. Но расплачиваться за это пришлось собственной жизнью, собственной душой. Ты лгал, ненавидел, разрушал и в награду получил одиночество, а в перспективе — смерть. Однако ты поступал так, не зная Бога и не ведая, что Он — непримиримый противник сатаны. Более того, Он заведомо сильнее своего врага.

К большому удивлению, все сказанное показалось мне вполне разумным и логичным.

— А теперь я объясню, почему тебя прислали ко мне, — снова заговорил Морис. — Господь Своею благодатью наделил меня даром освобождать во имя Его людей от дьявольских сетей. Но это можно сделать только с твоего согласия. Иными словами, я готов разрубить те путы, которые связывают тебя с оккультным миром. Я делаю это не своей волей, но волей Иисуса. Именно Он, а не я на самом деле делает человека свободным. Однако теперь слово за тобой: ты должен решить, хочешь ты этого или нет.

Тут я возразил. Я точно знал, что не хочу быть христианином.

— Нет, Морис, ни за что! — ответил я. — Я не хочу стать таким, как все эти приторные святоши с противными физиономиями и трясущимися подбородками.

— Ты таким и не станешь, — быстро парировал пастор Рей. Он явно не сомневался в том, что говорил.

Меня продолжали терзать сомнения.

— Но какие ваши условия? Что произойдет после изгнания бесов?

Он спокойно ответил:

— Нет никаких условий. Экзорцизм сам по себе не сделает тебя христианином.

— А зачем же тогда все это?

— Мы же с тобой говорим о свободе. В ней все дело. Ты освободишься от сатаны. Только после этого ты будешь по-настоящему волен решать, что делать дальше.

Это была честная сделка. После некоторых колебаний я согласился. Посмотрим, что будет потом, думал я. Мне ведь нечего терять. Я уже так много пережил, переживу и это. Я слышал об экзорцизме и даже видел нечто подобное в каком-то голливудском фильме. Почему бы не попробовать самому? Мне это ничего не будет стоить, разве что прибавит жизненного опыта. Если он окажется малозначимым, я о нем просто забуду.

Так что я не стал более упрямиться и возражать.

— Клаус, мы ведь правильно поняли друг друга, правда?

— Да, делайте то, что положено.

Морис встал на колени и начал молиться. Сначала на французском (это был его родной язык), а потом неожиданно перешел на какой-то язык, который я не понимал. Во мне опять всколыхнулись сомнения. Казалось, кто-то опять призывает странных духов, возможно тех же, что когда-то сослужили службу тому гадкому педофилу, который надругался надо мной. Что за игру ведет этот пастор? Мне стало страшно.

Как будто прочитав мои мысли, Морис снова перешел на французский, так что я смог понять, о чем он говорит. Слова были примерно такие:

«Во имя Иисуса Христа связываю все силы, удерживающие Клауса. Властью, данной мне Иисусом, я приказываю им оставить его дух и его тело, чтобы Клаус был свободен и смог узнать свое призвание от Господа и следовать ему».

Во время этой молитвы я чувствовал странное возбуждение. Что-то происходило глубоко внутри. Я был в сознании, не впадал в транс, и никаких видений у меня не было. Но я весь был настороже.

Потом я спросил пастора:

— Что же дальше?

— Теперь ты свободен, — ответил он. — Иди куда хочешь и делай что хочешь.

Мне показалось, что все произошло слишком уж скоро.

— Я правда свободен? Вы уже закончили?

Я все же считал, что ритуал должен быть более драматичным и захватывающим.

— Слуги сатаны теперь связаны именем Иисуса и не могут действовать в тебе.

Мне стало любопытно, как все это происходит.

— Морис, мне интересно было бы узнать, правда ли то, что говорят об Иисусе. Например, может ли Он знать сердце каждого?

Вообще-то население Земли в то время составляло около шести миллиардов человек. Чтобы узнать каждого, надо потратить много сил. Бога, наверное, очень это утомляет.

— Он не просто знает поступки каждого, — ответил мой собеседник. — Он знает мысли. Более того, Он знает твою мысль еще до того, как ты успел ее подумать.

— Почему я должен верить вам, христианам? Кто может подтвердить достоверность этих слов? Как мне их проверить?

— Об этом надо молиться, — коротко ответил он.

— Что?! — возмутился я. — Вы не сможете заставить меня читать чужие слова по бумажке! Иногда это ничего не значащие формулы, иногда — красивые фразы, которые я, как попугай, вынужден буду повторять. А сам я никогда не молился и даже не знаю, как это делается.

Мне становилось дурно от одной мысли, что я пойду по стопам моей матери и других фарисеев, молившихся в церкви.

— Когда я был маленьким, — пояснил я, — меня заставляли повторять слова молитвы. И я категорически не хочу к этому возвращаться, вы ведь понимаете?

Да, он понимал и со смехом успокоил меня:

— Нет-нет, ни в коем случае. На самом деле молиться самому просто. Ты можешь думать, а лучше — сказать вслух все, что чувствуешь в этот момент. Главное, чтобы это были твои

искренние чувства и переживания. В общем, говори правду от чистого сердца.

— Неужели все действительно так просто? Ну тогда, наверное, я смогу…

Но тут встал еще один вопрос. Говорить от сердца — что это значит? Где оно, сердце, и есть ли оно у меня? Помню, как мать Тереза, когда мы встречались с ней в Калькутте, клала руку мне на грудь и советовала искать истину там, в глубине своей души. Может, благодаря изгнанию бесов мое сердце теперь откроется? В то же мгновение я с удивлением обнаружил, что могу произнести имя Иисуса и никто не зажимает мне рот. Я закрыл глаза, попробовал заглянуть внутрь себя, а потом громко сказал:

— Хорошо, Иисус. Если все рассказы, слышанные мною о Тебе, правдивы, значит, Ты действительно знаешь каждого живущего на этой земле, в том числе и меня. Наверное, Ты знаешь мои мысли даже до того, как они приходят мне на ум. Тогда, Иисус, Тебе, вероятно, известно и то, что я в Тебя не верю, но хочу поверить. Но Ты должен понимать: я слишком много страдал, чтобы теперь слепо довериться кому-то или чему-то. Из-за слепой веры я не раз бывал обманут. Надеюсь, Ты это уяснил? У меня есть предложение: поговори со мной, и тогда я охотно в Тебя поверю.

Такой была моя первая молитва. Но как же мне удостовериться, что получу ответ? Сразу после того, как я произнес свою речь, во мне зашевелились сомнения. Если я услышу голос «из иного мира», как мне узнать, что это Тот, кого я спрашивал? Когда-то давно я был медиумом и слышал голоса из параллельной реальности, поэтому решил добавить:

— Знай, Иисус, меня не обманешь. Я не раз получал «вести» из других миров. И я хочу точно знать, что говорящий со мной — это именно Ты.

Морис сказал мне, что нужна правда — вот она, пожалуйста. Я впервые в своей жизни напрямую обращался к Богу, и эти слова исходили из глубин моей души.

— Иисус обязательно поговорит с тобой, — сказал пастор, смеясь, но очень уверенным тоном.

Если честно, в тот момент мне он показался немного наивным фантазером. Я считал, что никто не принял бы всерьез все то, что он мне рассказал. И уж конечно, я на эту удочку не попадусь. Вернее, немного не так… При всей своей гордыне и при всем эгоизме мне было сложно представить, что Вечный и Всемогущий Бог-Иисус уделит внимание лично мне. Ведь у него есть миллионы последователей! Я не преминул сказать о своих сомнениях Морису и добавил:

— Ну, если Он со мной свяжется, я вам сообщу.

Бедный Морис. Мне было его жаль.

Кто бы мог подумать, что именно с этого и начнется моя последняя битва, и это будет сражение не на жизнь, а на смерть. Если бы не Божия благодать и молитвенная поддержка друзей, сатана стер бы меня в порошок на следующий же день.

Я решил остаться в Лозанне и не возвращаться во Фрибург, пока не получу осязаемые доказательства существования Бога. События развивались быстро. Все началось в ту же субботу.

В соборе Лозанны в тот день проводился ежегодный форум под названием «Дни покаяния и молитвы». Он длился три дня и сопровождался встречами верующих и выступлениями пасторов и священников, которые съезжались из разных стран.

— Это очень важное событие, — пояснила Эдми Коттье, которая взяла надо мной шефство на этот период и постоянно обо мне молилась. Также она мне сказала, что еще целая группа молится о том, чтобы я «безболезненно проделал предстоящий мне путь». Моя наставница предрекала, что процесс будет непростым.

Удивительно, сколько энергии было у этой женщины, давно разменявшей седьмой десяток. Я относился к ней с огромным уважением — именно поэтому и согласился пойти с ней в собор в тот субботний вечер. Мы сели в первые ряды, слишком близко к кафедре, с которой произносились речи. Я не очень понимал, о чем говорили выступающие, мне стало скучно, и я задремал. Во сне голова моя покачивалась то вправо, то влево. Голос говорящего доносился до меня откуда-то издалека, будто из плотного тумана. Потом голова упала на грудь, я почти провалился в более глубокий сон, но внезапно до меня донеслось: «Всегда радуйтесь в Господе». В полусне я не осознавал смысл этих слов. Возможно, я успел вяло подумать о том, что это очередной «пустой шаблон» — часто повторяемая христианами формула, которую никто не спешит воплощать в жизнь. В общем, слова влетели в одно мое ухо, а в другое вылетели. Через секунду я проснулся и обнаружил, что лектор, вероятно, заметил, что я дремлю. Мне стало неловко: возникло ощущение, будто я воровал в магазине и меня неожиданно поймали с поличным. Я несколько раз моргнул, стряхнул с себя апатию и попытался проявить внимание к тому, что говорится с кафедры. Тут выступающий громко произнес:

— И еще раз говорю вам: радуйтесь!

Тут я по-настоящему проснулся. Почему этот человек повторил последнюю фразу, глядя прямо на меня? Видимо, он

заметил, как я сплю. Я покраснел от смущения. Мне вдруг вспомнилось, что в школе учителя повторяли мне свои распоряжения дважды — с первого раза я никогда не слушался. То же самое теперь и с проповедниками…

Но больше всего меня поразила сама заповедь — радоваться. Она воодушевляла и ободряла. До нынешнего момента я знал «счастье» только тогда, когда принимал наркотики или выпивал. Ну, или когда манипулировал другими людьми, но это не приносило истинного удовольствия. Призыв проповедника попал в цель, он случайно отыскал больное место. Откуда ему было это знать? Конечно, неоткуда.

Все мои мысли теперь были заняты неожиданно открывшейся возможностью испытать счастье. Как же это сделать, где взять радость? Озадаченный этой проблемой, я не сразу понял то, что последовало за первой заповедью.

— Пусть все вокруг видят, что вы любите друг друга и что вы добры друг к другу!

Тут я с ужасом вспомнил, что вся Европа уже имела возможность узнать мою «доброту» и «любовь». Те, кто попадал в мои сети, быстро приходили к выводу, что надо поскорее уносить ноги. Многие интуитивно чувствовали, что с таким человеком, как я, — ненавидевшим весь мир, — лучше не связываться. Поэтому идея взаимной любви с братьями и сестрами не очень меня воодушевила. А потом я услышал еще одну весть:

— Господь близко!

Бабах! Что-то взорвалось в моем мозгу. Видимо, я все еще находился под влиянием обещания Мориса, который сказал, что Иисус обязательно будет говорить со мной. Инстинктивно я стал оглядываться по сторонам, чтобы увидеть, где сидит Господь. В тот момент меня не удивило бы, если бы я обнаружил Христа в соседнем ряду, прямо за моей спиной. Почему с кафедры прозвучали такие странные, необычные слова? Значит, Он действительно должен быть рядом. Но я не увидел Его ни сзади, ни впереди. Где же Он?

Получается, Он рядом, но не в буквальном смысле. Что это значит? Тут я осознал, что Иисус грядет, Он уже недалеко, но еще «не здесь».

Все это было очень странно, но эти мысли промелькнули очень быстро: и мои поиски Бога в зале, и осознание, что Он близко, однако не совсем рядом. В моей голове роилось множество идей, а проповедник продолжал:

— Не заботьтесь ни о чем!

Меня снова будто ударили по голове. Ведь вся моя жизнь до настоящего момента состояла из одних лишь страхов и забот.

Опять нахлынули воспоминания детства: я всегда боялся зла, которое могут причинить мне другие люди, подозрительно относился ко взрослым, никогда меня не понимавшим, видел много подлости вокруг, страшился ханжеской морали власть предержащих — судей, полицейских. Я познал отчаяние, разочарование, неприкаянность, убегал от преследований… Каких только горестей не было в моей жизни. И эта фраза — «Ни о чем не заботьтесь» — казалась невероятным обетованием, столь необходимым именно мне. Как здорово было бы так жить!

Проповедник продолжал:

— Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом[9].

Это я, конечно, не вполне понял, потому что мое сознание по-прежнему находилось во власти страха и отчаяния. Смысл этого стиха, как и многих других, был для меня скрыт, потому что язык христианства в целом пока еще оставался чужим.

Сегодня мне уже ясно: Господь слышит нас, что бы с нами ни происходило, как бы плохо ни складывались обстоятельства. Ибо «любящим Бога все содействует ко благу»[10]. Я снова обратил внимание на то, что доносилось с кафедры, и услышал, наверное, главные в тот вечер слова про «мир Божий»[11].

Да, мир! Именно его я искал всю жизнь и так и не нашел. Многочисленные гуру и учителя веры часто обещали внутренний покой, но под их руководством я его так и не обрел. В тот момент в соборе в Лозанне мир показался таким близким и достижимым. Однако я сразу понял, что это «Божий мир» — то есть не тот, о котором говорили политики, философы, психологи, эзотерики, основатели сект.

«Мир» в этом новом для меня смысле был очень важным понятием, основой жизни любого человека. Но помимо этого он был важным обетованием, адресованным именно мне, — вот что уловил я из той речи с кафедры. Мне был предложен дар, однако я не решился его принять, боясь снова обмануться. Если здесь меня постигнет неудача, я больше не поднимусь — сил просто не осталось. И я опять, под гулкие удары сердца, дал себе зарок, что не покину Лозанну, пока не пройду путь «через туннель к свету» и пока не определится мое будущее.

— Мир Божий превыше всякого разума…

Говоря это, пастор смотрел прямо на меня. И как ему удалось попасть еще в одну болевую точку?! Уже в который раз его слова поражали меня, как удары молнии.

«Осознание», «мозг», «мысль», «интеллект», «анализ»… Все эти понятия я использовал для саморазрушения и манипуляции другими. Разум может порождать гордыню, которая отравляет

человека и становится препятствием для нормального взаимодействия с внешним миром. Стоит остановиться и задуматься: действительно ли «Божий мир» находится за пределами разумного постижения? Иными словами, трансцендентен ли он? Я вспомнил книгу Махариши о трансцендентальной медитации. Она называлась «Наука бытия»[12] В свое время этот труд произвел на меня большое впечатление своим глубокомыслием и интеллектуализмом. Но на деле оказалось, что все рассуждения призрачны, а сама книга — обман. При этом целое поколение выросло, питаясь подобной мудростью — человеческой, не Божественной. Все эти гуру и основатели новых религий красноречиво богословствовали и сознательно создавали культ «наукообразного» знания, чтобы привлечь последователей из числа образованной молодежи. Сатана хитер, хитрее многих: он ловко играет на тщеславии ученых людей и таким образом вводит их в заблуждение. Следование одному лишь холодному разуму, живущему в разладе с сердцем, приводит к печальному исходу.

Меня переполняли эмоции, когда гулкое эхо собора разнесло финальный постулат, произнесенный с кафедры:

— [Мир Божий]… соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе.

Эту фразу мне не удалось быстро осмыслить, потому что мое сознание и так было перегружено. Я еще не успел разобраться с тем, чем плохо «человеческое разумение». Но несмотря на то что некоторые вещи я еще не был готов принять, в целом меня очень впечатлило это выступление. Тогда я еще не понимал, что все это были цитаты из Библии. Когда выступление закончилось, ноги будто сами понесли меня к оратору, который сходил с возвышения.

— Скажите, пожалуйста, вы обращались сейчас именно ко мне?

Он удивился:

— Нет. Я цитировал слова из Священного Писания. Морис, находившийся поблизости, слышал мой вопрос, а потому подошел и сказал:

— Если все, что было сказано, ты принял на свой счет, значит, речь действительно была обращена к тебе. Да, друг мой, Господь и правда близко.

И тут ему в голову пришла простая, но гениальная идея.

— Хочешь посмотреть текст, в котором есть эти слова?

Я и представить не мог, что это древний текст, таким актуальным и адресованным лично мне он показался!

— Да, пожалуйста, покажите мне его.

— Тогда пойдем со мной.

Мы пересекли площадь и вошли в приходской дом. Морис открыл шкаф, вытащил оттуда Библию и раскрыл передо мной. Там черным по белому были написаны те строки, которые так потрясли меня в соборе. Морис внимательно смотрел на меня. Вероятно, он понимал, что сопротивление мое сломлено. Подняв книгу к самому моему носу, он спросил:

— Хочешь взять ее себе?

Я стоял шокированный, потерянный. Что же мне делать? Опыт общения с христианами убедил меня, что Библия просто оправдание для бесчисленных разрушительных войн, бесчинств инквизиции, интриг и борьбы за власть. Моя личная история, равно как и вся история Ватикана, свидетельствовала сама за себя. Это была хроника преступлений. Поэтому я не желал брать Библию в руки, даже когда мне ее предлагали в качестве подарка. Я стоял неподвижно, будто прирос к земле. Вот это дилемма! С одной стороны, ханжи, не знающие ни жизни, ни любви, обожают цитировать эту книгу. Я презирал их и ни в грош не ставил. С другой стороны, всего несколько минут назад текст Писания показался мне таким близким, будто специально для меня созданным. Эти слова глубоко тронули меня, поэтому сейчас практически невозможно было отказаться от того, чтобы принять подарок. И все же я не мог решить, какую позицию стоит занять. Мне становилось дурно от мысли, что придется взять в руки книгу. В глазах потемнело, как будто я вот-вот потеряю сознание. Смущенно и неуверенно я протянул руку и взял лишь ее краешек, будто Морис протягивал мне раскаленные угли. Я был готов в любую минуту разжать пальцы. Лицо у меня горело. Мне было стыдно за себя. Может, моя душа распознала подлинного Господина, а потому запылала? Если бы я мог в ту минуту видеть свое отражение в зеркале, то наверняка решил бы, что я смешон, и поиздевался бы над выражением этого лица, как я издевался раньше над жалкими вечно улыбающимися христианами, всегда и везде носящимися со своей Библией. Более всего меня раздражала мысль, что кто-то может теперь и меня причислить к той самой группе елейно-медовых верующих.

Я покидал приходской дом в смятении. Люди, увидев меня со Священным Писанием, сочтут, что я один из тех святош-лицемеров! Какой позор! Надо спрятать книгу под полой пиджака. Господи! Что же это со мной случилось? Прощаясь с Морисом, я устроил еще одну провокацию, заявив с вызовом:

— Напечатанный текст не в счет, понятно? Сегодняшняя история вовсе не доказывает, что Иисус говорил со мной! Морис ничего не ответил, только улыбнулся. Он помнил, что в своей

молитве я просил, чтобы Бог обратился ко мне напрямую, а не через напечатанные в священной книге стихи.

Так завершился субботний вечер. А в воскресенье в девять утра я снова должен был встретиться с пастором Реем.

— Как дела? Как ты себя чувствуешь сегодня? — спросил он, подходя ко мне.

— Уж не знаю, как здесь у вас все устроено, но Иисус со мной пока не говорил. Ему некуда спешить, да? Прошло уже полдня с тех пор, как вы обещали мне, что наше общение состоится.

Морис сказал, что мне надо проявить терпение. И добавил:

— Я уверен, что Он обратится к тебе.

Но я не мог представить, как Некто, живший 2000 лет назад в Палестине, явится в Лозанну и заговорит с таким ничтожным человеком, как я. У меня такая картинка не укладывалась в голове. Зато в нее внезапно пришла идея.

— Морис, а что, если вы изгоните бесов еще раз? Может, у вас получится лучше, и Он поспешит?

Как я уже говорил, на протяжении моей жизни все, что было важно, достигало меня со второго раза. К тому же я все еще сомневался в тех истинах, которые пастор пытался до меня донести.

— Ну так что вы думаете о моем предложении?

— С удовольствием повторю свою молитву, если ты действительно этого хочешь, — сказал он своим глубоким добрым басом.

И повторил то, что делал накануне. Во имя Христа он второй раз изгнал силы тьмы из моих тела и души, на этот раз повелев им оставить меня навсегда. А в конце прибавил:

— Все сделано на совесть. Ты точно сможешь слышать Иисуса.

В то утро я был немного более открыт и более благосклонно принимал уговоры. Однако в целом настрой мой оставался скептическим. Наверное, я все же ожидал красочного и впечатляющего ритуала изгнания бесов. Возможно, мне представлялось, что меня поднимет над землей облако из роз. Но театральных эффектов не было — ни в первый, ни во второй раз. Во время второго сеанса экзорцизма я просто сидел на стуле. Сердце билось учащенно, и больше ничего. В десять часов в соборе началась служба. Эдми Коттье, которую позже я прозвал повивальной бабкой при моем втором рождении, пригласила меня пойти с ней. Сначала я не хотел идти:

— Я не христианин. Я не принадлежу Церкви, зачем мне там присутствовать?

— Уверена, ты кое-что там для себя отыщешь, — упрямо повторяла моя опекунша. — Пойдем, это очень важно. Сам увидишь.

Эдми продолжала настаивать, и в конце концов я согласился. Я шел медленно, неохотно, делая одолжение пожилой женщине, которую уважал. При этом я был приятно удивлен тем, что в собор направлялись очень симпатичные девушки. Любопытно, что эти красотки находят интересного в старинном здании церкви? «Зато мне будет на что посмотреть во время службы», — утешал я себя, поглядывая на них.

Глава 10. Вхождение в церковь

Когда я вошел в собор, меня ждала еще одна неожиданность. Я собирался увидеть там мрачных старух в черном, полушепотом передающих сплетни, обсуждающих суеверия и то, во что одеты соседки. Мне представлялось, что у священника будет отсутствующее выражение лица и что он будет радоваться, если церковь окажется хотя бы на четверть заполнена. Я предполагал, что члены общины будут больше похожи на мумий, чем на обычных людей. Такую печальную картину я наблюдал в храмах Италии и Испании. Их я посещал в качестве туриста, чтобы полюбоваться хранящимися там произведениями искусства. Но в Лозанне передо мной предстало совсем другое зрелище. Среди посетителей было много и пожилых, и молодых. Одеты все были вполне современно, многие в джинсах. Народу пришло столько, что помещение с трудом вмещало всех желающих. Сидячих мест было восемьсот, а всего община насчитывала около двух с половиной тысяч человек. Звучала приятная музыка, создавая особую, радостную атмосферу. Музыканты играли на акустических и бас-гитарах, а также на синтезаторе. Дети сидели на полу маленькими группками — для них стульев не хватило. При виде этой картины я открыл рот от удивления. Мне давно не доводилось бывать на службе, и оттого я думал, что все это — отжившая древность. Мне казалось, что современный человек ни за что не захочет подолгу находиться под мрачными сводами церкви.

Мы с Эдми протиснулись сквозь плотную толпу на входе и принялись искать два свободных места рядом. Они были впереди — близко к алтарю. Началась экуменическая служба: ее вели пять протестантских пасторов и два католических священника.

— Это в честь «Дней покаяния и молитвы». Таким встречам и общим службам придают большое значение, — пояснила моя спутница.

Я не очень понимал смысл происходящего, поэтому отвлекся, начал считать окна, изучать архитектурное убранство и стиль колонн. А еще слушал музыку и глазел на красивых девчонок. Разные мысли мелькали в это время в моем сознании, но они не имели никакого отношения к тому, что происходило у алтаря. Ближе к концу этого действа один из священников повернулся к конгрегации и возгласил:

— Блаженны званные на Вечерю Господню!

Все вокруг стихло. То, что произошло далее, я считаю самым

главным и, безусловно, поворотным событием моей жизни. Эдми повернулась и тихонько шепнула мне на ухо:

— Давай, Клаус, подойди и ты к причастию!

Я внезапно почувствовал к ней резкую неприязнь и захотел сделать назло. Зачем мне участвовать в этой Трапезе?

Это годится для нее и для других христиан. Сейчас позвали их всех, но не меня. Меня на праздник жизни никто не приглашал. Да и вообще я особо никогда в таких празднествах не участвовал. Если мне надо было приобщиться к чему-то важному, я всегда старался сделаться незаметным, почти что невидимым. Ох, как часто мне приходилось проходить через черный ход! С одной стороны, получается, что всю свою жизнь я бывал незваным гостем. Меня отвергали, гнали вон. Так было в школе, дома, в церкви — везде. Началось это, можно сказать, еще до моего рождения: даже в материнской утробе я был нежеланным. Как же я сам, без особого приглашения, могу присоединиться к числу «призванных» и «блаженных»?

Эдми ничего этого не понимала, поэтому я таким же шепотом ответил ей:

— Нет, это не для меня. Это для вас и для всех остальных христиан.

— Неправда, ты тоже призван, идем же.

Она не сдавалась и была уверена, что «мой час настал».

— Нет, — упорствовал я. — Я не хочу и не могу подойти, оставьте меня в покое. Я не христианин.

Это прозвучало довольно грубо. Боже, как же она достала меня своей настойчивостью!

— Что я здесь забыл? Мне ничего не нужно! Поймите раз и навсегда: это не для меня! Я не стану одним из вас.

— Все равно, Клаус, подойди, — не сдавалась Эдми. — Я уверена, что это именно то, что тебе сейчас нужно.

Какая же она упрямая! Интересно, зачем она так упорствует? Мне все это всерьез начинало действовать на нервы. В то же время я заметил, что большинство тех, кто сидел вокруг нас, тоже не спешили к причастию. По-видимому, они считали себя «призванными в Церковь», но полностью приобщаться к происходящему здесь действу не хотели. Но зачем же они пришли? Непонятно. Если меня пригласили на ужин, вряд ли я скажу: «Дорогие хозяева, я явился, но есть не буду. Спасибо вам, конечно, но я пришел, только чтобы провести с вами время, а в полной мере пользоваться вашим гостеприимством не собираюсь». Однако, принимая во внимание, что большая часть присутствующих, оказывается, не собиралась причащаться, получилось, что не так уж важно, вкушаю ли я «вечерю» вместе с

ними или нет. Тогда почему бы мне не подойти? Просто ради того, чтобы доставить удовольствие Эдми.

Правда, в данном случае она перешла определенные границы: не стоило требовать от меня так много. Я не люблю, когда на меня давят, это выводит из равновесия. Наплевав на то, что вокруг все затихло, я накинулся на мою спутницу с громкими обвинениями:

— Замолчите, наконец, хватит нести чушь! Вы не имеете права решать за меня. Отвяжитесь!

Люди начали оборачиваться, кто-то встал с места… Но меня все это не беспокоило. Эдми молчала. Она была достаточно мудрой, чтобы перестать настаивать. Напряжение нарастало, и я вдруг растерялся. Чего же я сам хочу? Встать и подойти к алтарю или остаться на своем месте? Я начал размышлять. Эдми действительно не могла решить за меня. Нужно самостоятельно сделать выбор. Снова передо мной встала дилемма, как тогда, когда Морис протянул мне Библию. И вдруг меня осенило!

Я слышал, что хлеб и вино, которые получают верующие перед алтарем, есть истинные Тело и Кровь Иисуса Христа. Если это не пустые богословские построения и не символическое действо, значит, именно так я могу с Ним встретиться. Именно так Он Себя и проявит. Бог ведь может — нет, Он должен! — предъявить мне доказательства, которые я потребовал. Пусть Он и решает, хочет ли Он сейчас предложить мне Себя или нет. Так я узнаю, могу ли считать себя званным на Его пир.

Несмотря на все эти аргументы, я никак не мог ответить на вопрос: мне подойти? Вероятно, ответ содержался где-то вне моего сознания, вне меня самого. Может, стоит спросить Его Самого, подумалось мне. Больше ничего на ум не приходило. Дальше я действовал спонтанно, не задумываясь: опустил голову, закрыл глаза, чтобы ничего не отвлекало. И просто спросил:

— Иисус, Ты хочешь, чтобы я подошел?

В ту же секунду произошло нечто невероятное, неописуемое. Он был рядом и сразу заговорил, как будто долго ждал этого момента! Это произошло не в моем мозгу, не внутри меня, а ясный и громкий голос извне произнес:

— Да, подойди! Я простил тебе все.

Я был ошеломлен. Меня охватило такое смятие, что теперь трудно в точности восстановить ход событий. Создавалось впечатление, что я пребываю одновременно в прошлом, настоящем и будущем. Я и раньше иногда слышал «голоса из иного мира», поэтому сейчас меня поразил не сам факт, что некто «бесплотный» обращает ко мне свои слова. Поражало другое — внутренняя убежденность, что это действительно Он, и ощущение

Его присутствия.

Не нахожу слов, чтобы выразить свои чувства в тот момент. Я ощущал любовь и был абсолютно счастлив. И по сей день радость охватывает меня при этом воспоминании. Представьте человека, который страшно замерз, продрог до костей, а затем внезапно оказался в душе под теплой струей воды. Как воск тает на солнце, так и я растаял от потока тепла. Мне хотелось, чтобы Он зажег мое сердце, чтобы оно пылало ради Него и Его огнем. Малую толику такой же непередаваемой любви я уже имел возможность ощутить — давно, когда впервые встретил Терезу Калькуттскую. А несколькими годами позже Господь сведет меня еще с одним человеком, способным на любовь и самоотречение. О таких вещах очень трудно рассказать, их надо пережить. Но в тот момент в соборе меня накрыла именно волна любви — такой, какой я никогда не испытывал до того. Это было выше разума. Поэтому так трудно было осмыслить подобное событие. Принять произошедшее можно было только сердцем, но не умом. То, что затронуло глубины моей души, было слишком необозримым, чтобы попытаться уместиться в сознании.

Но в ту же самую минуту я подвергся нападению…

У меня в голове все еще звучало эхо сказанных Иисусом слов, когда раздался оглушительный свист, исходивший из купола собора. Звук приближался ко мне. Инстинкт подсказал, что это опасно для жизни. Мне захотелось отпрыгнуть в сторону, прежде чем несущийся на меня дикий зверь достигнет цели. Но было слишком поздно!

Не прошло и доли секунды, как что-то тяжелое, как огромный двуручный меч, ударило меня по голове. Обрушившись на макушку, оно будто разрубило мое тело пополам. «Я уничтожен, убит», — пронеслось в моем мозгу.

Удар был огромной разрушительной силы. Куда делись любовь и мир? Стоило им только коснуться моей души, как они тут же были изгнаны оттуда внезапно налетевшим ураганом.

Какой ужас, какая потеря! Самые страшные опасения сбылись: меня снова предали! Меня ослепила ярость. Я был в бешенстве и хотел выплеснуть агрессию на все, что меня окружает, на весь мир. Мгновенно жажда насилия захватила все мое существо. Я вполне мог кого-то убить в тот момент. Промелькнула мысль, что я могу сейчас схватить Эдми за горло и не разжимать пальцев, пока она не задохнется и не упадет. Мне казалось, что удастся сделать это даже одной рукой, потому что я ощущал в себе нечеловеческую силу. Не знаю, что меня сдержало. В своем неистовстве я мечтал устроить массовую бойню прямо здесь, в церкви. Мне хотелось плевать людям в лицо, сбивать с

ног, валить на пол. Нанесенная рана была слишком глубока. Но вскоре та же страшная сила, которая угрожала окружающим, обернулась против меня. Охваченный паникой, я начал задыхаться. Кровь прилила к голове, в висках стучало, свет померк, все вокруг стало красновато-лиловым. В ушах звенело, как будто через них пустили ток. «Здесь одни лжецы и фарисеи! — Мне показалось, что я кричал. — Будьте прокляты, лицемерные святоши!» И, не в силах сделать вдох, я бросился вон из собора. Как мне тогда представлялось — навстречу собственной смерти.

Свежий воздух лишь усилил мое возбуждение. Я думал о том, что все услышанное мною в эти дни — сплошная ложь. И вот опять я совсем один. Последняя надежда улетучилась. Я стоял перед огромным собором в Лозанне, смотрел на город и готовился попрощаться с жизнью. Никогда за все прошедшие годы я не чувствовал себя настолько одиноким и всеми покинутым. От меня ничего не осталось, я стоял на обломках собственной судьбы. Понять, почему так произошло, я не мог. Разве Иисус не говорил со мной? Мне ведь было позволено прикоснуться к Нему? Я уже было поверил в Его милость, и вдруг бах — и ничего нет! Горечь переполняла мое сердце. Смысл существования безвозвратно потерян. Мысль о смерти быстро захватила мой ум и подчинила волю. В таком состоянии человек не в силах противостоять разрушительным импульсам, не может защититься от них.

Собор в Лозанне стоит на высоком холме. Недалеко находится крутой обрыв. От него меня отделяла стена, на которую нетрудно было забраться. Я ощутил острое желание броситься с нее вниз. Мне очень хотелось спрыгнуть и разбиться о крыши лежащего внизу старого города. Только теперь уж я буду действовать наверняка. Через несколько секунд все закончится, и уйдут в небытие все невыносимые терзания и муки.

Обрыв уже совсем близко… Но вдруг рядом зазвучал ледяной голос. Я его ясно слышал, он как будто сверлил мне мозг:

— Ха-ха, ты так несчастен, да? Тебе плохо, правда? Ты раздавлен?

Я пошатнулся и остановился. Что это? Откуда исходит звук? Впрочем, это уже не имеет никакого значения… Я снова двинулся вперед. И снова меня стали донимать:

— Сделай то, что ты всегда делал, когда дела были плохи! Прибегни к прежним хитростям, начни манипулировать людьми. Ха-ха-ха!

Слышали бы вы это злобное и ехидное хихиканье!

Кто-то явно не желал, чтобы я шагнул за край обрыва. Сатана

не хотел отпускать меня, я был ему полезен. Поэтому он и напомнил мне, что всякий раз в критических обстоятельствах я спасался тем, что искал себе жертву, как вампир, набрасывался на нее и тянул жизненные силы, когда своих ресурсов не оставалось. Психическая энергия тех, кто попался в мои сети, позволяла мне на время восстановиться. Это действовало примерно как доза героина на наркомана. Я был мастером мимикрии, убедительно подавая себя как гуру, духовника, пророка. На мою наживку попадались очень многие. Всему этому я научился, много лет наблюдая за различными «учителями веры» в разных странах. Определенный опыт позволял мне через зрительный контакт легко проникать в душу потенциальной добычи. В нее надо было заронить зерно страсти, гордыни или ненависти, а дальше подтолкнуть на путь саморазрушения. Если мне и не удавалось довести дело до конца, то я как минимум ставил людей в опасные и двусмысленные ситуации, зачастую имеющие печальные последствия. Образно говоря, я насаживал «рыбу» на предоставленный сатаной крючок, а дальше он уже сам разбирался с этим уловом.

Однако я обнаружил, к своему большому огорчению, что подобные трюки не действуют на истинно верующих в Иисуса Христа, потому что они находятся под Его защитой. Правда, мне встречалось не так уж много людей твердой закалки. А общение с теми, кто все же попадал под мое влияние, состояло в непрестанной борьбе за контроль. Я стремился утвердить свою власть над другими (особенно над женщинами), потому что это доставляло мне удовольствие. Власть стала моим наркотиком.

Злобные голоса, звеневшие в моей голове, похоже, знали, на какие рычаги давить. Я услышал их призыв:

— Посмотри назад! Обернись и посмотри!

Да, они хорошо меня знали. Когда я повернулся, то увидел, как симпатичные девушки выходят из собора. Я немедленно почуял запах жертвы и вспомнил, что охота всегда придавала смысл и цель существованию. «Нельзя терять ни минуты», — пронеслось в моем мозгу. Я тут же надел очередную личину и направился к девушкам.

Это была старая игра в кошки-мышки (обычно она приводит к удовлетворению животных инстинктов кошки). Некоторое время жертва, как правило, сопротивляется и ищет выход из положения, но она уже обречена — стоит мне лишь один раз выпустить клыки. А то, что от нее останется, можно выкинуть. Но теперь эта охота мало походила на игру; она стала для меня условием физического выживания. Она требовала духовной смерти одной из тех, с кем я встречусь. Обычно я шел навстречу своим жертвам,

выискивал самую привлекательную и заговаривал с ней, стараясь встретиться с ней взглядом, чтобы проникнуть в глубины ее души. Однако возле собора в Лозанне меня опять ждал сюрприз. Казалось, упала некая завеса (вероятно, не без участия Божьего Промысла). И я ясно увидел, что творится в душе у моей потенциальной добычи. Передо мной стояла красиво одетая девушка, но под маской, создаваемой умело наложенной косметикой, ясно читалась печаль, неудовлетворенность и неустроенность. И я, к своему большому удивлению, почувствовал жалость. В былые времена во мне взыграло бы лишь садистское желание воспользоваться ситуацией, а сейчас все было по-другому. Как такое оказалось возможным? Может, Иисус оставил след своего пребывания рядом? По-прежнему ли я обладаю способностью уничтожить человека по своему выбору и желанию? И вдруг мне стало понятно, что такого таланта у меня больше нет. Я не мог причинить вред этой молодой женщине. Выяснилось, что мое отрицательное обаяние теперь утрачено, а ведь оно было неотъемлемой частью меня, составляло основу моего характера в течение многих лет. Теперь цель жизни точно не найти. Кто я без всех этих чар? Ведь я принес в жертву всего себя, чтобы овладеть этими темными искусствами. И у меня «за душой» просто ничего не осталось.

Надо было хладнокровно все оценить и просчитать. Ненавистный голос, который я только что слышал, пообещал мне успех, удовлетворение, счастье, если я вернусь к своим старым привычкам. Но разве можно обрести радость, постоянно питаясь за счет горестей других, например таких, как эта юная особа? Разве можно получить истинное удовольствие, эксплуатируя бедных, измученных тревогой и неудовлетворенностью людей? Как извлечь счастье из несчастья? Это невозможно и нелогично. И тут мне стало понятно, что все это время я внимал речам «отца лжи». Такое имя дьявола я не раз слышал от Эдми и Мориса. А ведь этот голос вел и направлял меня многие годы. Он указывал: «Делай то, делай это». Обещал небо в алмазах, но никогда не выполнял обещанного. В итоге в награду я всегда получал лишь горькое разочарование.

Новое открытие привело к тому, что я почувствовал запредельную безысходность, потерял сознание и упал на тротуар. Не знаю, сколько я пролежал на асфальте. Думаю, все проходившие девушки сочли меня сумасшедшим и поспешили ретироваться. К счастью, служба уже закончилась, и из собора вышли Эдми, Морис, Урсула и другие мои друзья. Они обнаружили меня в плачевном состоянии. Говорить я не мог. На лице моем было написано отчаяние. Все были очень добры и

внимательны. Морису было важно понять, что именно со мной произошло.

— Клаус, вид у тебя, надо сказать, невеселый, — констатировал он. — Что случилось?

Пастор сразу перешел к делу и принялся расспрашивать меня без обиняков. Только получив прямой ответ, он смог бы мне помочь.

Я пересказал все, как мог.

— Какой ужас! — произнес Морис, но на лице его не отразилось особой жалости. — В какой-то степени ты сам виноват во всем этом.

— Как же так? Почему? — недоумевал я.

— Как бы тебе объяснить… То, что сейчас произошло, — это контратака дьявола. Он хотел вернуть тебя под свой контроль. Он никого не отпускает с легкостью, такова уж его натура. Он очень зол, ловок, изворотлив. И кроме того, все случившееся — еще и ответ на твою молитву. Ты призвал Иисуса явить тебе Себя, четко обозначив, Кто именно говорит с тобой. Теперь ты слышал голос Иисуса, а вскоре после этого — голос Его врага. Отныне ты знаешь разницу и понимаешь, кто тут лжец. Но все равно — до конца своих дней ты должен быть очень осторожен, потому что сатана постарается отомстить. Он будет искушать тебя, стремясь снова заманить в свой стан. Ведь раньше ты был его надежным слугой. Помни: «диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить»[13].

О, как я ненавидел сейчас дьявола, для которого еще недавно был соработником. И в то же время с некоторым благоговейным трепетом я относился к его необычайной силе. Разве кто-то из людей может сравниться с ним в хитрости? Только совсем уж безумные мечтатели могут возомнить себя более могущественными, чем он.

Со смехом Морис напомнил мне необычную молитву, которую я произнес во время нашей первой встречи.

— Ты ведь хотел убедиться, что с тобой беседует именно Иисус, правда?

— Да, — подтвердил я.

Получается, что сегодняшние судьбоносные встречи произошли по моей воле. Оказалось, что получить ответ на свою молитву не всегда приятно.

Только к вечеру я немного успокоился, и в голове стало укладываться все произошедшее. Несмотря на то, что мне пришлось пережить, я пока еще не стал христианином и, безусловно, не мог считаться «заново рожденным». Я опять впал в

панику.

Наступил понедельник. Форум все еще продолжался. С девяти утра в соборе толпилось более тысячи человек. Я встретился с Эдми у центрального входа. На этот раз мы оба знали, что я буду следовать за своей наставницей. И она, и я ощущали, что теперь я один из званных на Господню Вечерю, хотя еще пару дней назад участие в длинной службе показалось бы мне весьма скучным и даже неприятным делом.

И вот впервые в жизни я действительно захотел причаститься. Я внимательно следил за ходом литургии и был поражен ее глубоким содержанием. Накануне Морис недвусмысленно дал понять, что я могу подвергнуться новым опасным нападениям со стороны сатаны. Пастор посоветовал как следует сосредоточиться на священнодействии. И конечно, по мере приближения Святого Причастия во мне снова всколыхнулся страх. С одной стороны, меня переполняла радость ожидания чего-то прекрасного, но с другой — разгорался вполне объяснимый ужас: наверняка сатана не оставит попыток удержать меня от приобщения Телу и Крови Христа. Я не без оснований опасался, что враг затаился и выжидает подходящего момента, чтобы нанести внезапный молниеносный удар. От страха я все время ерзал на стуле и чувствовал себя очень уязвимым. Мрачные мысли проникали в мое сознание, и прогнать их никак не удавалось. Я был уверен, что дьявол прибегнет к своим гнусным штучкам. Он на них такой мастер… Нет, я точно не выдержу второй атаки! Мое внимание то переключалось на происходящее у алтаря, то им снова завладевали кошмары.

Вчерашний день наглядно показал, насколько быстро и в то же время незаметно для окружающих злой дух может завладеть мною, да и любым другим человеком. Момент, когда все подойдут к Причастию, приближался. Я услышал, как пастор Морис Рей провозгласил:

— Блаженны званные на Вечерю Господню!

Я собрался встать и идти вперед, но панический ужас сковал меня. Мне казалось, что враг ждет именно этого момента, чтобы снова дать знать о себе. Однако мне все равно надо совершить то, что намечено.

Страх нарастал и грозил перерасти в панику… и тут явился Он, Иисус. Я услышал Его слова, обращенные ко мне: «Я есмь. Не бойся! Прими силу вовеки во имя Мое!»

Как рассказать словами о том милосердии и живом тепле, которое мне довелось пережить тогда? Бог пришел мне на помощь и излил на меня Свою благодать, чтобы изгнать горечь, сомнения и страх. С того дня прошло много лет, но все горе и

безнадежность исчезли с моего горизонта, и я никогда больше не переживал отчаяния.

Сидя рядом с Эдми и ожидая, когда мы сможем подойти к Причастию, я расплакался. Ощущение было такое, будто неведомая сила прорвала дамбу, сдерживавшую потоки копившихся во мне слез. Они бежали ручьями, текли рекой. Ничто их не останавливало. Они были как воды Крещения, знаменующего второе рождение. Я не стеснялся их, хотя вокруг было много людей, принимавших участие в литургии. Пусть все видят: я плачу от нахлынувшей радости!

Всю свою жизнь я жаждал силы и власти, и многим пожертвовал ради того, чтобы обрести их. Но теперь я буду черпать силу в Нем. Я легко на это согласился, сказал «да» и «аминь» без всяких колебаний.

Когда я поднялся и пошел к алтарю, колени у меня тряслись и слезы радости продолжали течь по щекам. Морис и еще шесть других священников служили литургию. Когда пастор Рей увидел, что я приближаюсь, то, повинуясь внутреннему импульсу, оставил свое занятие и побежал мне навстречу. Лицо его сияло. Он обнял меня, приветствовал братским поцелуем в обе щеки, воздел руки к небесам и громко закричал, не скрывая своих чувств:

— Аллилуйя! Клаус пришел! Слава Богу!

Разум и сердце не могли вместить восторга, который переполнял меня в тот день. Я получил разом множество подарков судьбы! И мне не надо было искать объяснений, почему все сложилось именно так.

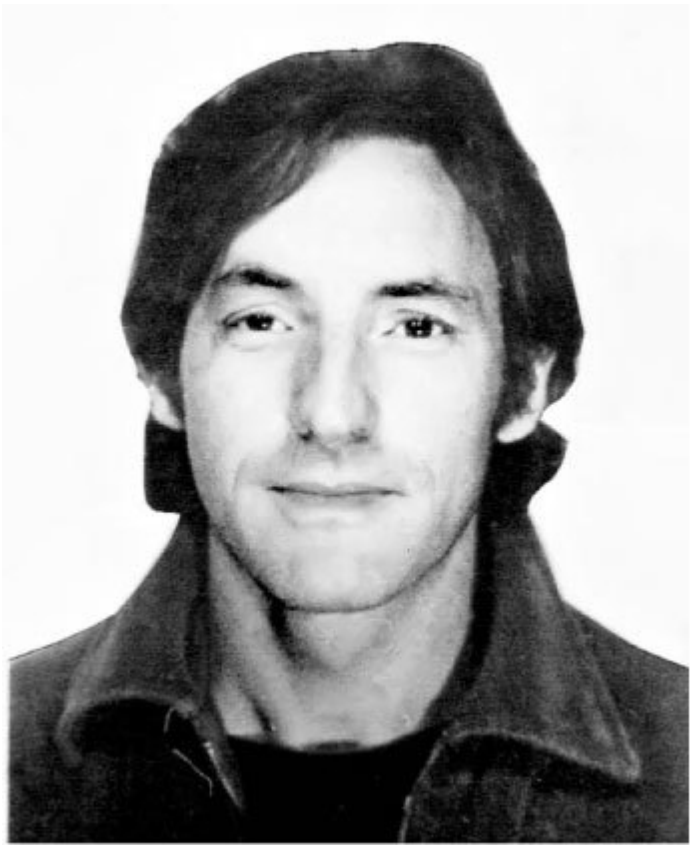
С мокрым от слез лицом я поднялся на несколько ведущих к алтарю ступеней и присоединился к группе верующих, образовавших полукруг возле чаши. Так я впервые вкусил таинственного Хлеба, который есть Тело Христово, и Вина, которое есть Его Кровь. В тот момент древний ритуал не показался мне чуждым, а напротив — близким и понятным. Это была Пища, поддерживавшая жизнь жаждущей души; ценнейший дар, без которого у меня не было будущего. Божественное Присутствие есть щедрый и искренний подарок человеку от Бога. Господь не поражает нас громом, не уничтожает, не испепеляет, а восстанавливает ростки жизни на почти уже опустошенном поле. И вот я стою, рожденный свыше, и рыдаю, как младенец.

В одно мгновение все мои представления о мире изменились. Бог заменил каменное сердце на плотяное. И по сей день я поражаюсь тому, как быстро это произошло. Ненависть и жажда мести улетучились. Через некоторое время после своего обращения я встретился со священником-педофилом,

подвергавшим меня насилию долгие семь лет. Я первым протянул ему руку в знак примирения. Признаюсь, это было очень нелегко, но абсолютно необходимо.

Я стал часто ездить в Германию, чтобы навестить мать, а потом отыскал отца. Перед их смертью я примирился с обоими. Мое прощение было актом доброй воли, безусловным и полным.

Верующий встречается с Богом повсюду и общается с Ним напрямую — через природу, через других людей. В один прекрасный день, если Господь позволит, мы сможем увидеть Его лицо даже в тех, кого считаем своими врагами. Многие загадки жизни остаются для нас неразгаданными просто потому, что они непостижимы для разума. Только тот, кто не побоялся вступить на путь веры, постигнет подлинное «искусство и науку жизни». Но для этого требуется изменить подход к познанию, переключившись с головы на сердце.



Клаус почти сразу после обращения в христианство

Глава 11. Новый образ жизни

Мне хотелось думать, что я достиг конца своего долгого пути. Тяжкие испытания ушли в прошлое, беспокойный поиск истины и тридцать шесть лет бесприютности остались позади. Отчасти я действительно обрел тихую гавань — следующие десятилетия с чисто бытовой точки зрения были достаточно стабильными и благополучными. Особенно если сравнить их с предшествующими десятилетиями скитаний. Я, как и прежде, жил во Фрибурге и работал учителем. Но после встречи с Христом глаза мои раскрылись и реальность предстала передо мной в новом свете.

Я столкнулся с парадоксом: на самом деле мое странствие только начинается! Все мои приключения в экзотических странах, больших городах и непроходимых джунглях оказались не более чем поверхностным опытом. Они выглядели тривиальными на фоне дарованного Богом прощения и колоссальных внутренних сдвигов. Путешествия по странам и континентам были ничтожны рядом с великим открытием своего настоящего «я». Обрести себя самого возможно, только если идешь по жизни рука об руку с Богом. Вернее, если позволяешь Богу вести себя за руку — и гордыня не мешает довериться Ему.

Ответы на молитвы наполнили мою повседневную жизнь в первые пять лет после обращения. Бог столь удивительным и необычным образом явил мне Себя, что другие христиане задавались вопросом, возможно ли такое вообще. После конференций ко мне часто подходили люди и спрашивали, почему с ними не случалось ничего подобного. Я, увы, не мог им объяснить этот загадочный факт. Не сразу мне стало ясно, что за все эти фантастические дары мне нужно будет чем-то отплатить. Господь кое-чего ожидал взамен. Прежде всего мне нужно было пожертвовать эгоизмом.

Беседа во время одной из христианских конференций

Впоследствии один замечательный учитель веры помог мне осознать важную истину: мы должны избегать ошибок, которые часто совершает современный человек, — он вечно спешит, а потому хочет обрести свободу, мир, получить многочисленные духовные дары и даже узреть Бога, не прикладывая усилий и никак к этому не готовясь. Такого рода личности часто воспринимают молитву как некоторое подобие восточной йоги, считая, что и то и другое — техники, позволяющие легче и быстрее преодолеть путь к небесам. Мой наставник говорил, что это большое заблуждение. Тот, кто хочет просто очистить свое сознание от всего, что он считает «относительным» и «преходящим», чтобы открыть в себе свою первоначальную сущность, обычно рано или поздно заходит в тупик. Эти техники работы с сознанием не дадут плода, если в человеке нет духа жертвенности и готовности нести свой крест. Буддист в лучшем случае начинает видеть земную, человеческую красоту. Ему открывается прекрасное, потому что Бог сотворил человека по Своему подобию. Но тут возникает опасность углубиться в самосозерцание. Итог нередко оказывается трагическим, ибо личность, полностью погруженная в себя, концентрируется вовсе не на том образе, на который она призвана ориентироваться. Йога мешает человеку осознать свою падшую природу, то есть понять,

что он грешен. Напротив, он движется по пути обожествления самого себя. Человеку кажется, что он обрел убежище, где можно укрыться от бурь и жизненных неурядиц, и потому он перестает искать подлинного Утешителя — Христа. От этого жажда истины может утихнуть, а без нее личности грозит угасание или распад.

Одним из самых сильных прорывов, пережитых мною во время экспериментов с буддизмом, стало достижение состояния чистого сознания. Оно каким-то образом оказывалось автономным от работы мозга. В этот момент передо мной в один миг проносилась вся моя жизнь от самого зачатия. Я не понимал значения этого опыта, пока не стал христианином. После встречи с Христом я осознал, что Он хотел сказать словами: «Все волосы у вас на голове сочтены» и «Все тайное станет явным».

Существует определенная позиция, точка зрения, при которой пространство и время отходят на второй план и ты видишь все события, если можно так сказать, происходящими в одном месте и в одно и то же время. Таков взгляд Бога. Для Него нет срока давности, Он видит и оценивает все и во всех деталях. И хотя мы и созданы по образу Божьему, мы не равны Богу по своей сущности. Мы можем породниться с Ним, только став Его детьми. То есть Он усыновляет нас. Однако пока этого не произошло, нам нужно искать Его милости и благодати, устремляться к Нему духовно, хотеть встречи всем сердцем, всей душой. Я встал на этот путь в тот памятный понедельник в Лозанне и в определенном смысле «обнулил» весь свой предыдущий опыт, начав все сначала.

Сразу после возвращения домой, из Лозанны во Фрибург, я столкнулся с событием, которое показало мне: только что обретенный мной Отец Небесный здесь, рядом. За пару месяцев до того меня уволили из частной школы, именуемой «Институтом Ла Грюэр» (La Gruyere), где я преподавал в течение года. Директор был краток:

— Господин Кеннет, вы нам не подходите.

Я вынужден был с ним согласиться.

Ученики школы, дети состоятельных родителей, были весьма заносчивыми и высокомерными. Администрация очень заботилась о репутации учебного заведения. А я был свободолюбивым хиппи, белой вороной, да еще оказался сильно занят своими проблемами. Положа руку на сердце, надо признать, что я не считался с навязываемыми школой правилами. Мое отношение, таким образом, предопределило мою судьбу — то есть скорое увольнение. Но отсутствие работы в моем положении означало, что мне придется покинуть Швейцарию.

Может быть, переезд должен был стать болезненным, но необходимым сопровождением начала нового жизненного этапа? Ведь когда я появился на свет, в 1945 году, мои родители тоже были в дороге — они были беженцами, спасавшимися из проигравшей войну страны. И сейчас у меня возникло ощущение, что духовное перерождение опять сопровождается турбулентными внешними обстоятельствами. Но в отличие от моего биологического отца, Отец Небесный не бросил меня.

Перед моим отъездом из Лозанны Морис познакомил меня с человеком по имени Джордж Рэпин. Он был руководителем экуменической молитвенной группы во Фрибурге. Пастор Рей сказал, что, присоединившись к этому сообществу, я буду в надежных руках. Мы попрощались с Морисом, но перед расставанием он по-дружески предупредил:

— Сам по себе ты не сможешь продолжать расти. Тебе обязательно нужна община.

Я по-прежнему настороженно относился к официальному христианству и очень не хотел попасть в компанию елейных христиан, поэтому с некоторым волнением отправился на встречу группы «Маранафа»[14]. Прибыв туда, я сразу прямо заявил собравшимся: кто попробует обратить меня в одного из тех «слащавых святош», того я прикончу. В ответ все громко расхохотались. А потом помолились обо мне и о решении моей самой насущной на тот момент проблемы — поиска работы. Все это происходило в четверг, а в пятницу утром зазвонил телефон. Я услышал голос господина В., директора «Института Ла Грюэр»:

— Господин Кеннет?

— Да, это я.

— Я несколько дней пытался связаться с вами.

— Зачем же?

— Мы хотим пригласить вас обратно в штат школы! В идеале нам хотелось бы, чтобы вы вели уроки уже в минувший понедельник, но мы не могли вас отыскать. Пожалуйста, приезжайте как можно скорее. Даже сегодня днем для вас есть часы. Я стоял как громом пораженный. Не может быть! С какой стати человек, недавно указавший мне на дверь, так как я не соответствую статусу учебного заведения, сейчас зовет меня назад? Мне вспомнились слова, которые я слышал в минувшую субботу в Лозанне. Священник, проповедовавший в соборе, произнес: «…И мир Божий, который превыше всякого ума»[15]. Мне не терпелось узнать, как директор объяснит неожиданную смену своего настроения. Но сразу спрашивать об этом я не стал, а подождал несколько недель. Ведь после внезапного увольнения я все еще не мог поверить, что опять принят на постоянную

работу.

По прошествии некоторого времени я почувствовал себя увереннее и при случае задал терзавший меня вопрос:

— Господин В., почему вы решили снова пригласить меня?

— Знаете, господин Кеннет, мы обсудили этот вопрос на заседании школьного совета и решили, что стоит дать вам еще один шанс.

И к этому он ничего не добавил. Очень лаконичный ответ. Но в глубине души я подумал: «Если бы ты только знал, милый мой, Кто на самом деле решил дать мне шанс…»

Однако произносить это вслух не стоило.

Таким образом, первая проблема решилась. У меня была стабильная работа, необходимая для того, чтобы можно было спокойно думать о будущем. Впрочем, очень скоро я осознал, что как раз для будущего развития должность учителя в частной школе мне совсем не годится. Она не давала никаких возможностей для роста.

Тогда я решил продолжить учебу, которую давно прервал: бросил Гамбургский университет перед сдачей второго финального экзамена. Решив записаться в Университет Фрибурга, я пришел подавать документы на факультет, и мне выдали бумагу, которую надо было подписать. В ней говорилось, что я ознакомлен с действующими в Швейцарской Конфедерации законами: после окончания учебы у меня нет права работать в этой стране и я буду вынужден ее покинуть. Однако я был абсолютно уверен, что в нужный момент Отец подскажет решение проблемы. Поэтому, недолго думая, я подписал обязательство уехать после получения диплома.

Работать и учиться одновременно было нелегко. С одной стороны, нужны были деньги, чтобы оплачивать учебу. С другой — ежедневные поездки в школу, находящуюся в городке Грюэр (он же Груэ, знаменитый своим сыром), отнимали слишком много времени. Каждое утро и каждый вечер я проезжал на машине по тридцать километров. Мне необходимо было другое жилье, в идеале — в центре Фрибурга. Поэтому я решил подать заявку на получение стипендии и одновременно поискать себе квартиру. Вскоре в газете нашлось подходящее объявление. Квартира стоила всего сто восемьдесят франков в месяц — это было примерно вдвое меньше, чем обычная цена за подобное жилье в то время в Швейцарии. Когда я впервые отправился посмотреть ее, то не смог даже найти нужное мне здание. Решив, что наверняка я все равно опоздал и лакомый кусочек уже уплыл, я развернулся было обратно, но в последний момент словно внутренний голос мне сказал: «Клаус, пожалуйста, вернись и

поищи как следует».

Я развернулся и поехал обратно, а потом чуть дальше, и… Действительно, нужный мне дом спрятался за деревьями. Он стоял на лужайке и был окружен цветами. Не дом, а мечта! Он был создан как будто специально для меня. Вскоре я подписал договор аренды и прожил там несколько замечательных лет. Это был настоящий рай.

Далее по плану значилось получение стипендии. Для этого я поехал к инспектору вузов кантона.

— Добрый день, господин Б., — поприветствовал я чиновника, имя которого прочел на двери.

— Здравствуйте, чем я могу вам помочь?

— Я хочу подать заявку на грант.

Он открыл ящик стола и протянул мне анкету, которую я заполнил. Просмотрев написанное, инспектор произнес:

— Извините, господин Кеннет, но мы не можем вам ничего предложить. К сожалению, вы не удовлетворяете нашим требованиям — вы не гражданин Швейцарии.

Это стало для меня ударом. Я вернулся домой, гадая, что мне делать. Ездить каждый день в Грюэр и обратно, тратя на это уйму времени? И тогда мне представился шанс снова убедиться, что Иисус мне Отец, Друг и лучший Советчик. Я знал, что Он, конечно, поможет найти решение. В этом я был совершенно уверен.

— Иисус, что бы Ты сейчас посоветовал мне сделать? — спросил я Его, сидя за столом и размышляя, как быть. В голову ничего не приходило.

— Поезжай туда снова, — таков был краткий, но явственный ответ. Больше ничего я не услышал.

— Что Ты имеешь в виду? Правильно ли я Тебя понял? Тишина. Что ж, поеду второй раз.

— Извините, господин Б., что я снова побеспокоил вас, — так я начал свою вторую беседу с инспектором. — Но мне показалось, что стоит спросить еще раз. Может, все же есть хоть какой-то шанс на получение стипендии? Не могли бы вы еще раз это уточнить? Может, есть другие ведомства, в которые я могу обратиться за грантом?

Мне нечего было больше сказать. Я просто проявлял послушание, делая то, что велел Иисус. Не мог же я, находясь в государственном учреждении, пускаться в объяснения и рассказывать, Кто меня сюда послал.

— Я же вам уже сказал, что это невозможно, — ответил инспектор. — Если желаете, можете взять кредит. Порядок его

возврата вам разъяснят при оформлении. Больше ничего не могу посоветовать.

Понятное дело, брать кредит я не желал.

Вернувшись домой, я стал терзаться сомнениями. После чего у меня состоялся такой диалог с Богом:

— Здравствуй, Иисус, слышишь ли Ты меня? Возможно ли, чтобы Ты ошибся? Я не понимаю, зачем я вернулся сегодня в инспекцию. Я же ничего не получил. Выходит, Ты неверно распорядился?

— Нет.

— Скажи, что мне делать дальше, чтобы получить грант?

— Снова поехать туда.

— Что? Это невозможно! Ты не можешь требовать этого! Инспектор подумает, что я совсем сошел с ума. И тогда мне уже точно ничего не дадут.

— Ты Мне не доверяешь?

— Доверяю. Если Ты действительно этого хочешь, я поеду снова.

Это казалось невероятным: мне необходимо три раза повторить совершенно бессмысленное действие! Здравый смысл сопротивлялся, я был озадачен и все же опять отправился в кабинет господина Б.:

— Простите, но я снова здесь. Скажите, уверены ли вы, что правильно информировали меня про грант? Должен быть какой-то способ получить его. Почему-то я уверен, что имею право на него претендовать. Не могу объяснить все в деталях, но это так.

— М-да, вы странная птица, господин Кеннет, — ответил чиновник.

Он наклонился, открыл ящик стола, достал оттуда какой-то толстый юридический справочник и принялся его изучать. А затем показал мне параграф, где я собственными глазами прочитал: иностранцам стипендия не выплачивается. Больше никаких аргументов не требовалось.

— Однако, несмотря ни на что, я все же хочу помочь вам, а потому дам совет, — продолжил он. — Обратитесь в DAAD (Deutscher Akademischer Austausch Dienst). Это немецкая организация, поддерживающая иностранных студентов. Может, они что-то предложат.

— А где их найти? У вас есть их адрес?

Он написал адрес на бумажке. Счастливый, я отправился в Германию, в Штутгарт. Нашел нужный мне офис, рассказал о своей ситуации и подал заявку на стипендию. Мне ответили:

— Мы вам поможем. Гражданин Германии, который живет за рубежом, может получить грант. Заполните анкету.

Я очень обрадовался, внес все данные в бланк и готовился уже покинуть кабинет.

— Ой, подождите, пожалуйста… — донеслось вслед.

— Да, что такое?

— Я не обратил внимания на ваш возраст. Мы помогаем студентам до тридцати, в особых случаях — до тридцати пяти лет. А вам уже тридцать шесть. Извините, вы нам не подходите.

Еще один удар! Все потеряно! Зачем я все это предпринял? Зачем проехал впустую семьсот километров? Богу вообще есть до меня дело?

Я вернулся домой расстроенный и начал свой привычный разговор с Иисусом.

— Знаешь, я очень зол, — признался я Ему. — Ты что, играешь со мной? Ты ведь знаешь все мысли, правда? Ты меня понимаешь? Тогда Ты в курсе того, чего я хочу.

— Да.

Я потерял терпение. Почему Он всегда так прямолинеен и даже равнодушен? У меня есть все основания, чтобы выйти из себя. Печально, что я не имею другого надежного советчика. Поэтому надо остыть и снова попросить Его о помощи.

— Пожалуйста, скажи, чего Ты от меня хочешь? У Тебя есть предложения?

— Да, поезжай снова к швейцарскому инспектору.

— Ты шутишь! — воскликнул я. — Ты… не прав! Ты ведь знаешь, что мне там откажут.

— Ты хочешь верить в Меня или не хочешь?

Что за ответ! Прямо издевательство какое-то!

— Господи, Господи, Ты требуешь от меня слишком многого, даже невозможного. Как на меня там посмотрят? Надо мной будут смеяться? Ну ладно, я поеду, но и Ты поезжай со мной, согласен?

Ответа не последовало.

Стоит ли описывать, что я чувствовал, когда в четвертый раз заходил в кабинет инспектора? Наверное, Бога не интересовало, как будут воспринимать меня другие люди, у Него ведь есть собственный взгляд на то, что я собой представляю. Открывая дверь, я мысленно повторял: «Иисус, пожалуйста, войди первым, а я последую за Тобой…»

— Доброе утро, господин Б. Понимаю, вы сочтете меня сумасшедшим. Но меня все еще не покидает чувство, что я получу от вас грант.

Я рассказал ему, как ездил в Штутгарт, а потом продолжал:

— Мне больше нечего сказать… Наверное, вы не обязаны сообщать комиссии, которая принимает решение, что я

иностранец. Или, может, есть какие-то другие возможности обойти правила. Пожалуйста, простите мою настойчивость. Больше я ничего не мог придумать, поэтому встал и вышел. Через несколько дней я получил официальное письмо, в котором говорилось, что грант одобрен!

Эта история стала для меня уроком послушания. Я осознал, что «мир превыше всякого ума» — не просто пустая фраза, а описание того, как Бог непостижимо действует в той самой реальности, в которой мы живем.

Небесный Отец разными способами помогал мне привести в порядок мое непутевое существование. У меня открылись вдруг склонности к изучению некоторых наук, которые еще в школьные годы мне плохо давались. При этом, собираясь стать учителем физкультуры, я не мог обойти эти предметы. Химия, физика, абстрактные математические дисциплины всегда пугали и отталкивали меня. Теперь мне предстояло изучать физиологию целый год. Однако благодаря Божьей помощи этот предмет стал для меня интересен. Трудно поверить, но я успешно сдал экзамен. Правда, была еще одна область, которую мне не удавалось покорить. Я нервничал по поводу экзамена по анатомии. Не то что она мне не нравилась, напротив, предмет меня захватывал. Просто Бог выбрал его, равно как и физиологию, чтобы на этом примере снова испытать меня, проверив послушание и веру. Доказать свою состоятельность в этих вопросах было куда труднее, чем просто выучить экзаменационные билеты. Вот как все было.

Прочитав годовой курс лекций, профессор анатомии Пападатос, грек по происхождению, раздал всем студентам материалы для подготовки к экзамену. В них было выделено восемьдесят основных тем. По каждой давались вопросы, ответы на которые мы должны были выучить. Во время экзамена студент получал шесть вопросов, за каждый правильный ответ начислялось по одному баллу. Минимальная проходная сумма баллов — четыре (то есть необходимо было правильно ответить как минимум на четыре вопроса, но лучше, конечно, на все шесть).

Вскоре после получения вопросов по почте нам прислали приглашение на экзамен с указанием даты, места и времени его проведения. Я усиленно готовился, сидел над учебниками и конспектами днем и ночью. И в какой-то момент с беспокойством обнаружил, что осталось всего два дня до субботы — заявленного экзаменационного дня. К тому времени я хорошо проработал всего пятьдесят тем из восьмидесяти. В четверг я устроился за

рабочим столом, приготовившись налечь на оставшиеся вопросы, как вдруг в моей голове прозвучало: «Ищите прежде Царства Божия, и все остальное приложится вам»[16].

Я попытался сосредоточиться на анатомии, игнорируя услышанное. Сейчас нельзя было отвлекаться от главного — от учебы. Но голос повторил: «Ищите прежде Царства Божия, и все остальное приложится вам». Он звучал более убедительно. Я остановился. Стало ясно, должно произойти что-то важное.

Но я снова прикинулся глухим и снова зарылся в учебник. Однако продолжать было невозможно. «Ищите прежде…» настойчиво стучало в моем сознании.

Я начал размышлять. Слова «ищите прежде» свидетельствуют, что я должен поставить на первое место Его Царство. Прямо здесь и сейчас. Оно важнее анатомии. Значит, оно здесь и сейчас. Но где же? Ах да! По четвергам всегда собиралась молитвенная группа «Маранафа», к которой я присоединился после своего обращения. Я решил, что, несмотря на цейтнот, все же пойду туда хотя бы на час. А затем вернусь и быстренько наверстаю «потерянное» время и продолжу учить билеты. Я поспешил в центр города и пришел незадолго до начала молитвы. Подойдя к Джорджу Рэпину, я протянул ему руку:

— Здравствуйте. Видите, я все-таки пришел.

Он посмотрел на меня с удивлением:

— Почему ты так говоришь?

Я рассказал ему о том, что произошло со мной получасом ранее.

— Если я правильно понял, — ответил Джордж, — тебе следует остаться здесь не на час, а до самого конца. Думаю, речь идет о том, что мы обычно называем «актом веры».

— Что это? Что значит — акт веры?

— Это означает, что тебе не надо больше учить билеты сегодня вечером, а надо положиться во всем на Бога. Слепо довериться Ему. Не пытайся постичь это умом. Это — акт веры.

— А как же подготовка к экзамену?

— Оставь это Богу, доверься Ему.

К моему ужасу, Джордж напомнил мне, что и на следующий вечер была запланирована встреча. Она должна состояться в маленьком городке Пайерн (Payerne), в котором жил руководитель нашей группы. Он позвал своих знакомых и соседей, чтобы я перед ними выступил, рассказав историю своего обращения. Я знал, что позаниматься днем в пятницу мне тоже не удастся — меня позвали заменить учителя в школу. В итоге получалось, что в пятницу вечером из-за выступления в Пайерне тоже не будет времени на подготовку! Но я не мог такого

допустить.

— Джордж, давайте отменим мое выступление завтра вечером! — взмолился я.

— Это невозможно, Клаус. Приглашено много людей. Мои друзья из Невшателя, Берна и других городов уже подтвердили, что приедут. Они явятся специально, чтобы послушать тебя. От тебя требуется акт веры, мне это совершенно очевидно.

Выхода не было. Все пути отступления были закрыты. К тому же я уже достаточно хорошо познакомился с Небесным Отцом и понимал, что это Его рук дело: Он умеет так все устроить, что сомнений в Его участии не остается.

— Хорошо, — кивнул я господину Рэпину. — Только пообещайте мне, что в субботу утром во время экзамена будете молиться обо мне.

— Обещаю!

В тот вечер я задержался на молитвенном собрании до одиннадцати часов. В пятницу вечером я выступил перед слушателями в соседнем городе и вернулся домой только за полночь. А в субботу в девять утра пришел в университет. Сердце громко колотилось, когда я входил в аудиторию. Экзамен должен был принимать пожилой преподаватель — швейцарец, говоривший по-немецки. Рядом сидел грек, профессор Пападатос, — он читал нам анатомию на французском (в Университете Фрибурга обучение ведется на двух языках). На столе справа от меня было разложено двадцать листков, на которых были напечатаны вопросы — на каждом листке разные. Они были перевернуты пустой стороной вверх. Перед тем как вытянуть один, я повернулся спиной к преподавателям так, чтобы закрыть собой стол. Если мне попадутся неудачные вопросы, я попробую подменить билет. К сожалению, так и получилось — мне попался неудачный набор вопросов. Проглядев их, я ужаснулся. Мне-то казалось, что Господь все уладит и я вытащу именно то, что уже выучено. Но мои надежды не сбылись. Придется обманным путем искать выход из сложившейся ситуации. Я попытался тихонько положить уже взятый листок, однако услышал резкий окрик профессора Пападатоса:

— Кеннет, что вы делаете?! Как не стыдно! Как вы смеете так вести себя на экзамене?!

Я отпрыгнул от стола, сердце ушло в пятки… Нет, оно улетело далеко-далеко, в Австралию. В голове промелькнуло множество разных мыслей, но ни одна из них не была о Боге. За все предыдущие годы «прежний Клаус» научился только одному — лжи и обману. Для сдачи экзамена должны были подойти те же средства. То, что сейчас меня поймали за руку, будет означать,

что меня не допустят к финальным годовым экзаменам. Значит, придется пропустить как минимум год и сдавать все повторно. Черт! Я был уверен, что все потеряно. Получается, что я провалил экзамен, даже не начав писать ответы на вопросы. Хорошо хоть, что я не могу упрекнуть себя в лени. Все произошло не из-за нее, а по другим причинам.

В аудитории воцарилось ледяное молчание. Грек, сурово глядя на меня, распорядился:

— Дайте листок, который держите в руках, профессору Г. Уф! Хорошо хоть, что сразу не выгнал. Но что же мне делать сейчас? Ведь я успел посмотреть в билет и видел там вопросы, которые не выучил. С замиранием сердца я сделал несколько шагов вперед, к столу, где сидели экзаменаторы. Это была волна страха, похожая на ту, которая ранее всякий раз толкала меня прямо в объятия сатаны. Да, «прежнего Клауса» нелегко было перевоспитать. Я приготовился снова солгать. Я рассуждал так: грек преподавал нам на французском, так что с уверенностью можно предположить, что он не понимает по-немецки. А второй профессор, напротив, немец… Поэтому я протянул ему листок и сказал:

— Здесь вопросы, которые нам не преподавали в нынешнем курсе. Наверное, они остались с прошлого года.

Это была неправда.

Впрочем, моя уловка не сработала. Пападатос понял все и взорвался:

— Кеннет! Как вы смеете! Какая наглость! Я читал все эти темы!

Почва ушла у меня из-под ног. Почему, почему я не уделил время этим несчастным тридцати вопросам? Голова закружилась, зрение и слух притупились. Я ничего не слышал, в глазах было темно. И только тут я вспомнил, что нужно прежде всего искать Царства Божьего, а потом уже думать об анатомии.

Теперь, когда неловкая попытка обмана была разоблачена, мне ничего не оставалось, как только довериться Богу. Пусть Он сам решает, что с этим делать. «И все остальное приложится вам». Да и кроме того, мне же обещали молитвенную поддержку! Вспомнив обо всем этом, я вдруг приободрился. На душе стало спокойно. Профессор посмотрел в билет и задал мне первый вопрос. Я тут же на него ответил, потому что эту тему учил.

Второй вопрос оказался не таким простым. На листке был нарисован человеческий мозг. Разные его части были отмечены цифрами. Экзаменатор указал карандашом на одну из них:

— Расскажите, пожалуйста, что вы знаете об этом участке. Я знал только одно — этот вопрос был в числе тех, до которых не

дошли руки. Ответить было нечего. Но тут Господь пришел мне на помощь. Настроение у Пападатоса, только что страшно сердившегося на меня, вдруг резко изменилось. Он сделал мне знак, пытаясь привлечь мое внимание. Я взглянул на него и увидел, что он подносит левую руку к уху. То есть пытается что-то подсказать. Его коллега не видел этой пантомимы. Грек несколько раз повторил странный жест и к тому же выразительно произнес:

— Слушайте вопрос, Кеннет, слушайте внимательно!

Я все понял и коротко ответил:

— В этой части мозга располагаются центры слуха.

— Правильно, — кивнул экзаменатор и показал на другую цифру: — А что у нас здесь?

Игра продолжалась. Пападатос несколько раз коснулся глаз указательным пальцем, потом подмигнул и сказал:

— Смотрите на вопрос!

Конечно, я прочитал его знаки и заявил:

— Здесь — центры зрения.

— Хорошо, это вы действительно знаете.

Далее греческий профессор помогал мне всякий раз, когда я сталкивался с невыученным вопросом. В итоге я сдал экзамен, получив пять с половиной баллов из шести возможных, и покинул аудиторию с легким сердцем.

Проблема казалась неразрешимой, я очень нервничал из-за экзамена, но Господь помог мне в самую последнюю минуту! Конечно, такого напряжения не было бы, если бы я рассчитывал только на свои силы и тщательно готовился. Но с другой стороны, если бы не акт веры, передо мной не открылось бы много важного. Не стоит полагаться только на себя. Бог находится рядом с нами в любых жизненных обстоятельствах. Однако мы никогда не узнаем об этом, если не будем повиноваться Его слову.

Я уже упоминал, что при поступлении на курс подписал бумагу о том, что ознакомлен с запретом на работу по специальности в Швейцарии и согласен подчиниться этому правилу. Правда, это делало бессмысленной учебу и отнимало у меня будущее, так как официальное трудоустройство в стране, в которой я постоянно жил, оказывалось невозможным.

И хотя я верил, что у Бога есть свои планы на меня, в том числе и на мое профессиональное будущее, тем не менее отсутствие перспектив немного смущало. С мирской точки зрения учеба и грядущая учительская карьера были для меня самыми главными приоритетами. Но смогу ли я вернуться к работе?

Сомнительно. Однако я не позволял себе слишком много переживать по этому поводу. Мне надо просто следовать тому пути, который укажет Отец.

Я продолжал упорно заниматься. Пожалуй, я был довольно необычным студентом. Как самый старший (мне было уже под сорок), я иногда имел дерзость спорить с преподавателями. Например, по литературе. Я пытался доказать им, что мой жизненный опыт может стоить больше, чем их книжные знания. Но в целом я был прилежен и старателен.

Завоевав репутацию опытного и решительного парня, я пожинал ее плоды: иногда мне самому предоставляли возможность прочитать лекцию вместо профессора. Через несколько лет я получил диплом учителя и начал подыскивать себе место, хотя и знал, что у меня нет права работать. Но сами поиски не были запрещены. Ближе к окончанию курса до меня дошел слух, что сейчас в городе имеется всего четыре учительских вакансии. А нас было шестьдесят четыре выпускника. Казалось, шансов нет. Но я был спокоен. Бог укажет, что мне делать со своим дипломом. Моя вера к тому времени очень окрепла. И я не раз убеждался, что у Него всегда припасены для нас сюрпризы.

Приближались каникулы, школы и университеты закрывались. Мне пора было собирать чемоданы: я планировал поехать в евангелизационный тур на Сицилию. Незадолго до отъезда зазвонил телефон.

— Господин Кеннет?

— Да, это я.

— Можете ли вы приехать как можно скорее?

— Кто вы и куда я должен ехать?

Человек на том конце провода представился и назвал свой адрес.

— Но что вы хотите? — спросил я.

— Это не телефонный разговор, пожалуйста, приезжайте быстрее.

Через несколько минут я уже был в кабинете директора средней школы, о существовании которой ранее и не подозревал.

— Я так рад, что вы здесь! — признался он. — Садитесь, пожалуйста. То, что я собираюсь вам сообщить, должно остаться строго между нами.

Все это выглядело очень странным и даже таинственным.

— Дело в том, — продолжал директор, — что наш учитель немецкого пропал.

— Пропал?

— У нас возникла проблема: господин С. уже некоторое

время не приходит на уроки. Я звонил ему домой, но даже никто из его близких не знает, где он может быть, хотя прошло уже много дней.

«Загадочная история», — подумал я.

— Я вас попросил прийти вот по какой причине. Нам нужно иметь в штате замену — на всякий случай. Если господин С. не явится после каникул, смогли бы вы выполнять его обязанности?

Блеснул луч надежды!

— Конечно, с удовольствием, — ответил я.

— Хорошо, тогда я буду иметь вас в виду. Но вы должны понимать: если наш учитель объявится, я буду вынужден вам отказать. С. — учитель со стажем и лицензией, у него есть место в штате, мне нелегко его уволить.

Мне показалось, что такое предложение нужно немедленно принимать. Даже если я поработаю на замене пару недель, деньги придутся кстати. Я согласился и подписал договор.

На следующий день я уехал на Сицилию, а в середине августа мне позвонили и сказали, что меня окончательно зачислили в штат той самой средней школы. Я тут же вернулся во Фрибург и там уже узнал трагические обстоятельства исчезновения господина С. Он по какой-то причине свел счеты с жизнью, прыгнув с моста. К тому времени его тело уже нашли. Я ужаснулся его судьбе и мысленно посочувствовал его родным. Да смилуется Господь над несчастным!

Драматичная судьба одного человека влечет за собой много самых разных, порой неожиданных последствий. К ней оказываются косвенно причастны те, кто не должен был иметь к этому отношение. В этом конкретном случае неожиданная смерть учителя открыла в школе вакансию, которую администрации срочно надо было заполнить. У меня не было никакого желания и стремления наживаться на несчастье другого человека, и все же оно внезапно дало мне шанс закрепиться в Швейцарии. Я считал это важным, ведь здесь я мог расти в вере и служить Богу: работать в школе, помогать верующим, свидетельствовать неверующим. Передо мной открылись большие возможности, и я старался как можно разумнее воспользоваться ими.

По прошествии трех лет я получил разрешение на постоянную работу в качестве учителя в системе швейцарского государственного среднего образования. Этот статус крайне редко получают граждане других государств. Неверно было бы думать, что я получил желаемое оттого, что был неординарным учителем. Я просто с благодарностью принял план, который Бог развернул передо мной, и подчинился Его замыслу. Ибо, «что святый отворяет — и никто не затворит. А что затворяет — и

никто не отворит»[17].

В этот период у меня сложилась традиция. Каждое воскресенье я ехал в Базель, находившийся в ста сорока километрах севернее Фрибурга. Там я участвовал в живых и захватывающих службах, организованных специально для молодежи. Харизматичный подход к богослужению приводил к тому, что так называемую Елизаветинскую церковь (Elisabeth Church) всегда посещало много веселых и заводных юношей и девушек.

Все было хорошо, и все же периодически меня терзало острое чувство собственного несовершенства. Мои сердце и разум еще не полностью очистились. Однажды вечером, во время проповеди Йоханнеса Цвалины, главного пастора базельской церкви, я ощутил особенную тяжесть на душе. Мужество и вера неожиданно покинули меня — слишком невыносимым вдруг показалось бремя прошлого. Горечь и печаль проникли в сердце. Я хотел было выйти из храма, но тут Йоханнес неожиданно сделал паузу прямо посредине своей речи. А потом я услышал его голос, усиленный микрофоном: — Сегодня здесь находится человек, глубоко погруженный в прошлое. Оно мешает ему дышать. Но Иисус призывает его отбросить страх и устремить взгляд в будущее, ведь Господь уже окончательно и бесповоротно освободил его от уз былого.

Услышав эти слова, я почувствовал мгновенную перемену, ощутимую даже физически. Распались неподъемные цепи, сковавшие мое сердце (на таких цепях может висеть якорь океанского лайнера!). Я почти слышал, как они с грохотом ударились о пол. Стало настолько легко, что, казалось, я взлечу. Помню, я на мгновение удивился, как такие толстые звенья могли поместиться у меня в груди.

Далее одно за другим последовали события, демонстрирующие мне, что я из себя представляю. Видеть это, признаюсь, было не всегда приятно. Началось с того, что мы с участниками фрибургской молитвенной группы «Маранафа» запланировали совместный выезд во французский город Страсбург. Там мы должны были присоединиться к акции, носившей название «Пятидесятница идет по Европе». На нее должны были съехаться тридцать тысяч участников со всего мира, от епископов до членов небольших евангельских групп. Путешествие оказалось нелегким, прежде всего из-за аномальной жары. При этом из-за наплыва людей везде приходилось подолгу ждать — мучиться в духоте во время заселения, стоять в длинных

очередях во время ланчей и тому подобное.

Тут стоит пояснить, что к тому времени я был довольно хорошо известен в Европе. Моя история быстро распространилась по соседним странам прежде всего потому, что обо мне несколько раз рассказывало «Радио Люксембурга» и «Радио Монте-Карло», а также некоторые другие международные СМИ. Тема оказалась настолько востребованной, что решено было издать брошюру с описанием моей судьбы и чудесного обращения. Эта книга продавалась тысячными тиражами. Меня часто приглашали на крупные конференции и встречи верующих. Организаторы бились за меня, всячески стремились угодить и даже иногда относились ко мне с чрезмерным подобострастием, что, конечно, тешило мою гордыню. Сам того не замечая, я стал общаться с окружающими высокомерно. Стыдно признавать, но иногда я задавался глупым вопросом: что они все знают о Боге? Вот со мной Иисус говорил лично! Тщеславие потихоньку заползло ко мне в душу и завладело ею. Никто этому не препятствовал. Я считал себя очень важной персоной. Я принимал внимание и восхищение других как должное и с удовольствием усаживался с другими уважаемыми людьми «в президиум» на сцене во время разных религиозных собраний.

Я никогда не подвергал сомнению свое право находиться среди прекрасных ораторов, церковных иерархов и харизматичных проповедников, таких как кардинал Суененс, Томас Робертс или отец Даниэль Анж.

Гордыня стала корнем и другой, еще более серьезной проблемы. Время от времени меня накрывало чувство, знакомое еще по прошлой жизни вне христианства, — я ощущал, что стою особняком, радикально отличаюсь от массы простых людей. Я ведь всегда считал себя умнее и хитрее других. А теперь я еще и большой, всеми уважаемый человек! И конечно, стоять в очереди в Страсбурге было ниже моего достоинства! Я что, рядовой швейцарец, который вместе с тысячной толпой станет смиренно ждать, пока его покормят?

На предшествующих конференциях я уже нашел способ, позволяющий не отираться среди рядовых верующих. И здесь поступал так же: выходил из зала за пять минут до перерыва и спокойно занимал место в столовой, в то время как другие «несчастные» вынуждены были на улице под палящим солнцем ждать, пока наступит их черед. Очень умно, не правда ли? В первые два дня страсбургской конференции моя хитрость прекрасно срабатывала. Но в воскресенье, в день Пятидесятницы, Бог показал, что не готов более терпеть гордыню Клауса.

В тот день я проснулся, разбуженный теплыми лучами

солнца, скользившими по моему лицу. Я читал утренние молитвы, а тщеславные мысли уже жужжали в сознании. «Я по натуре — лидер, способный вести людей за собой», — вертелось у меня в мозгу. Может, вы удивитесь и спросите, почему я пришел к такому выводу. Однако мой ум легко принял это на веру. И все же какая-то часть меня чувствовала, что христианину не подобает так думать и так вести себя. Поэтому я решил, что сегодня дослушаю все выступления до конца, сидя в зале с остальными «нормальными» людьми, в обед вместе со всеми буду стоять в очереди и не буду пытаться проникнуть в VIP-зону, как я часто делал. Эта идея мне понравилась. Как я мог позволить гордыне манипулировать собой? В тот день я поклялся, что буду добр, великодушен, сострадателен, в общем, превращусь в смиренного молодого человека — истинного христианина.

Но одно дело — теория, а другое — практика. Войдя в зал собраний, я бросил взгляд на возвышение для почетных гостей. Оно было закрыто ограждением, отсекающим обычных участников от этой платформы. Неведомая сила настойчиво влекла меня именно туда. Ум стремительно генерировал разные оправдания: «Ты ведь не такой, как они, тебя все знают, ты столько страдал и теперь заслуживаешь почета», «а если останешься в толпе, тебя раздавят», «там плохо пахнет», «там слишком жарко, и ты упадешь в обморок»…

И я пошел обычным для себя путем. Поднял вверх гитару и помахал ею, как бы давая всем понять, что я буду выступать на сцене, а потому меня надо посадить не в зал, а отдельно (на самом же деле никто не приглашал меня петь). Я занял свое место в почетном «президиуме», очень довольный, что не пришлось толкаться в толпе. Мне все еще было невдомек, что происходит. Я помнил о том, как утром дал себе слово идти в столовую вместе со всеми и не уходить из зала, пока не кончатся доклады. Да, мне не удалось исполнить первую часть обета — сидеть вместе со всеми, но я все еще не терял надежды, что у меня получится выполнить вторую часть своего плана.

И тут случилось неожиданное. Один из выступавших поднял именно ту тему, которая беспокоила меня утром.

— Возлюбленные братья и сестры! — сказал он. — Тем, кто говорит с кафедры, очень неприятно видеть, как некоторые встают и уходят до того, как речь закончена. Вы переступаете через сидящих, шумите и отвлекаете других. Дух Святой не может действовать в такой обстановке! Вы согласны, что мы все должны оставаться на местах, пока не прозвучат слова финальной молитвы?

В знак одобрения раздались громкие аплодисменты. Я был

поражен, как точно эти слова описали именно то, в чем я себя обвинял часом ранее. И в этот самый момент в животе у меня заурчало (поначалу довольно тихо). Но я был верен своему зароку. Не двинусь с места! Прошла минута, урчание усиливалось… А потом я почувствовал сильнейший голод. Меня пробил пот, голова закружилась, в желудке появилась непереносимая тяжесть. Она угнетала и мешала думать. Атака была не физиологической, а духовной, при этом у меня внутри возникла абсолютная уверенность, что если я в ближайшие две минуты не выйду из зала и не съем что-нибудь, то умру. Если ради этого надо стоять в очереди — пусть! На улице жарко — не важно, пусть меня убьет солнечный удар! Я живо себе представил эту картину, и она стала еще одной каплей моих мучений. Терпеть пытку не было сил. Страх голодной смерти и гибели от солнечного удара все-таки заставил меня подняться со своего места.

Я попытался аккуратно пройти между сидящими — на цыпочках и пригибаясь, чтобы меня не было видно во весь рост (безнадежная затея). Но гитара привлекала больше внимания, чем я сам. Красный от стыда, я пробирался к выходу. Не забывайте, что я чувствовал себя так, будто умираю. Когда я был уже на полпути от платформы до боковой двери, находящиеся в зале начали свистеть, потому что я был единственным, кто не подчинился правилу дослушать выступающего до конца, объявленному в начале дня. В той части зала, откуда я пытался бежать, было пять тысяч человек, а всего в помещении — двадцать пять тысяч. И только я один повел себя так невежливо. Какой позор! О, если бы недра земли разверзлись и поглотили меня! В полусознательном состоянии я, спотыкаясь, выбрался в коридор, добрел до столовой, сел, чтобы поесть, но не мог нормально прожевать то, что клал в рот. Все казалось безвкусным. Я сидел в полном одиночестве в гигантской столовой. Вокруг — тысячи пустых стульев. Внутри меня все сотрясалось.

Сатана снова начал нападать на меня:

— Вон отсюда, ничтожная, ни на что не годная тварь! — говорил он мне.

Я был с ним согласен. Я ни на что не годен, у меня ничего не выходит, какими бы благими ни были мои намерения. Мне хотелось закричать: «Я — ничтожество!» Я был убит — как хрупкий сосуд, я разбился от поразившего меня удара.

— Ты же не считаешь себя христианином, правда? — Сатана снова вставил свое слово. И опять я счел, что он абсолютно прав.

Враг продолжал обвинять:

— Ты недостоин быть рядом с этими людьми! Возвращайся во Фрибург и держись подальше от этих добрых и чистых христиан. Ты в их число не входишь.

Я воспринял его слова как руководство к действию и решил, что уеду, убегу от христиан, потому что не могу стать одним из них. У меня не было ни денег, ни машины, и я не знал, как выбраться из города. Поэтому я вышел из столовой и отправился бродить по улицам. Гитара, которая так часто утешала, когда мне было одиноко, сейчас молчала. Да она бы и не смогла вернуть меня к жизни. Я был не в состоянии извлечь из нее ни звука.

Следующие четыре часа прошли в жестоких муках. В отчаянии я искал тихое место, где мог бы на время обрести покой, но не находил — повторяющаяся в моей жизни история! Душа моя была раздавлена.

И тут меня словно осенило. Я осознал, что вне христианства просто не существует ни покоя, ни утешения. В мире, в который я был погружен в прошлом, ничего этого просто не существовало. Оставалось лишь одно — вернуться ко Христу! Мне придется повернуть назад — туда, откуда я пытаюсь бежать. В эту же минуту из глаз моих полились слезы. Я чувствовал себя таким никчемным и ничтожным. Соприкосновение с собственной слабостью стало для меня важнейшим уроком, куда более полезным, чем те, что я мог извлечь, просто изучая правила морали и законы поведения в обществе. Христиане ничем не лучше, чем все другие люди, но у них есть важное преимущество — защита, данная Духом. Сатана собирался опять сокрушить меня. В качестве аргументов он использовал реальные факты, соответствующие действительности. Но Богу удалось повернуть мои мысли. Присутствие Духа превратило саморазрушение в созидание моего нового «я». Именно так впервые проявил Себя мой новый Господин, наставник и утешитель. Нет лучшего учителя, чем Он, и Его помощь всегда бесплатна, в отличие от услуг психолога, психотерапевта или социального работника.

После долгих часов беспокойства и отчаяния я наконец понял, что мне делать: просить прощения и возвращаться назад. Признаться Иисусу, что я чувствую себя ничтожным и бесполезным, не так уж и трудно. А затем надо попросить снова принять меня, несмотря на все случившееся. Именно так я и поступил.

Когда я пришел к месту проведения конференции, меня ждал новый сюрприз. Только я открыл дверь и вошел в огромный зал, как услышал слова из уст выступающего немца: «Познать Святого Духа — значит признать свои грехи». Невероятно! Я подпрыгнул от радости. Ведь это было еще одно подтверждение того, что я

принял Духа! От всего сердца я закричал: «Аллилуйя!» Пятидесятница стала для меня реальностью, поворотом в моей личной истории. «Блаженны плачущие, ибо они утешатся»[18].

Ни в коем случае не хочу, чтобы вы подумали, что после этого случая все проблемы были решены. Напротив, мне остро недоставало умения применять новые знания в повседневной жизни. Сколько себя помню, все важное мне всегда приходилось повторять дважды. А то и по нескольку раз.

Еще один урок я получил сразу по возвращении домой. На следующее утро после приезда во Фрибург я нашел у себя в машине некий документ, напомнивший мне о небольшой махинации, которую я время от времени прокручивал. В справке говорилось, что дверь машины сломана и стоимость ремонта составит около 600 франков. Техник гаража выдал мне такой документ после моей конфиденциальной просьбы. Время от времени я подавал справку в страховую компанию, и она возмещала мне ущерб, чтобы я потом устранил его сам. «Прежний Клаус» постоянно нуждался в деньгах и не сильно беспокоился о том, что ради наживы поступает нечестно. Когда я нашел последнюю справку о неисправности, то автоматически подумал, что надо не забыть сходить в страховую. Сказано — сделано.

— Доброе утро, — поздоровался я со служащей. — У меня есть документ об оценке неисправности. Машину взломали, мне надо починить замок. Вот чек на работы из гаража.

— Разрешите, я взгляну.

Я положил выписанный счет на конторку, женщина бегло просмотрела бумагу и ответила:

— Все в порядке. Мы переведем вам деньги.

— Спасибо, до свидания.

Я развернулся и пошел к двери, но служащая снова окликнула меня:

— Извините, подойдите снова, пожалуйста.

Сам не знаю почему, но я забеспокоился.

— Да, я вас слушаю.

— Не могу найти дату, когда произошел взлом.

Подумав, что, если дата будет слишком давней, мне не дадут денег, я, чуть запнувшись, ответил:

— Э-э-э… это случилось несколько дней назад.

— Хорошо, — кивнула она и что-то пометила в бумагах.

— Всего доброго.

Я снова развернулся и двинулся к двери. Я почти уже покинул комнату, но тут опять услышал ее голос:

— Прошу прощения…

Я застыл на месте. Что там еще?

— Пожалуйста, вернитесь снова.

Она посмотрела мне прямо в глаза и спросила:

— Можете объяснить, почему вы говорите, что все произошло на днях, в то время как в счете указано, что ущерб за фиксирован несколько месяцев назад?

Я стоял перед ней как вкопанный. В моем сознании произошел взрыв, я не мог вымолвить ни слова, покраснел и готов был провалиться сквозь землю. Мне стало жарко, закружилась голова. Я ничего не отвечал и не двигался. Мне было так неловко, а служащая продолжала сверлить меня взглядом, ожидая объяснений. Что я мог сказать? Я выдал себя с головой.

Неловкая пауза затянулась. Наконец сотрудница страховой сказала:

— Вижу, вы в замешательстве. Заберите, пожалуйста, счет и пошлите нам корректный вариант по почте.

Я печально побрел домой. Там я встал на колени и горько заплакал:

— Иисус, я неисправим. Сколько же у меня грехов! Я заслуживаю лишь презрения.

Не помню, сколько я страдал, стоя на коленях, но в какой-то момент почувствовал, что как бы мне ни хотелось поступить по-другому, однако я должен пойти и во всем признаться.

Дальше последовала неделя мучений. Все это время у меня горела душа, и я старался придумать разные уважительные причины, чтобы отменить неприятный разговор, хотя знал, что правда есть правда. Я оттягивал «судный день» до последнего, но в пятницу после обеда понял, что оправданий больше найти не могу. И направился в знакомый офис. Перед входом я взмолился: «Пожалуйста, Господь, войди первым. А я за Тобой».

Сотрудница страховой сидела за рабочим столом, но, встретившись со мной взглядом, подошла к конторке.

— Добрый день. Вы решили прийти лично?

Думаю, она по опыту знала, что люди часто пытаются провернуть мошеннические схемы, получая страховые выплаты. Может, именно поэтому я и решил действовать прямо противоположным образом, пойдя против обмана и показав себя христианином. Я не стал ходить вокруг да около, а протянул заполненный ранее бланк и сказал:

— Можете думать обо мне что хотите, но я солгал, подавая заявку на компенсацию ущерба. Я не имею права ни на что. Мне жаль, что я так поступил, прошу меня простить, а счет можете уничтожить.

Произнеся все это, я почувствовал, будто свалил огромный

груз. Было видно, что мои слова произвели на нее впечатление: она не могла скрыть своего недоумения. Наверное, ничего подобного здесь еще не случалось. Но пусть это меня уже не касается. После такого необычного признания мне стало легче дышать. С Иисусом и правда не бывает ничего невозможного!

В течение многих последующих лет мне приходилось не раз бороться со своей гордыней, эгоизмом, предрассудками, гневом и недовольством. У этих грехов есть свойство накапливаться, и со временем они начинают управлять человеком. Борьба с искушениями не кончается никогда, и я тоже буду вести ее до конца своей жизни. Дух Святой часто дает о себе знать неожиданно, внезапно озаряя нашу жизнь яркой вспышкой, отсвет которой падает и на прошлое. Тогда мы понимаем, что все еще нуждаемся в очищении. Случалось, что я снова попадал под влияние прежних привычек и совершал поступки, продиктованные прежним опытом. Однако в этих случаях Господь всегда подсказывал, что не так, и возвращал меня на верный путь.

Как-то раз мы с Урсулой возвращались на машине в Швейцарию из поездки в национальный парк Камарг во Франции. Мы спешили: нужно было приехать в определенный день и час, потому что нас ждал в гости Морис Рей. Когда половина пути была уже преодолена, в машине вдруг что-то неожиданно и громко застучало, и она встала посреди дороги. Мы застряли между двумя деревушками на юге Франции. Пришлось вызывать подмогу. Автомобиль дотащили на буксире в мастерскую в ближайшем поселке. Механик был только один, а очередь из машин, требующих ремонта, приличная. Мастер был недоволен нашим появлением, он бросил на нас неприветливый взгляд, как бы говоря: «Только вас мне не хватало!» Я смиренно попросил его разобраться с нашей поломкой побыстрее, вперед других, объяснив, что мы спешим. Он взорвался и раскричался. «Черт бы вас побрал!» — орал он, и это было самое мягкое из посылаемых им проклятий.

«В аду твое место, грубиян и негодяй», — мысленно ответил я ему. Конечно, я был огорчен случившимся и подозревал, что мы можем не успеть в Лозанну к вечеру. Невозможность быстро получить желаемое способна вывести из себя любого.

Однако, немного успокоившись, я стал думать о том, что вообще-то мое отношение к происходящему никак нельзя назвать христианским. Я осознал, что зря шлю проклятия несчастному механику. Его жизнь действительно похожа на ад: он трудится от зари до зари и слышит лишь понукания — все хотят, чтобы их обслужили побыстрее. Мне стало его жалко, я посмотрел на него

другими глазами и начал молиться: «Господи, пошли этому человеку частицу Твоего рая. Пусть на него снизойдут покой и мир!»

Удивительно, но не прошло и нескольких минут, как он подошел к нашей машине и попросил открыть капот. После этого полтора часа мы вместе возились с кабелем, пыхтя, сопя и ругаясь на производителя, который сделал конструкцию настолько неудобной, что для замены провода, ведущего к педали газа, потребовались усилия двух человек. Руки наши были испачканы в масле, лица потемнели от копоти, по спине стекал пот. В конце концов мы устранили неисправность и, довольные, рассмеялись, поглядев друг на друга. Передо мной стоял совершенно другой человек.

— Надо признаться, такие сложные задачки попадаются нечасто, — добродушно сказал он. — Мне самому было интересно в этом разобраться. Мы столько времени на это потратили! Но вы мне ничего не должны. Это вам подарок. Но и это было еще не все.

— Подождите-ка минутку, — сказал он, ушел в мастерскую и через минуту вышел оттуда с пакетом спелой душистой вишни. — Это вам гостинец. Съедите по пути в Швейцарию, — объявил мастер с ослепительной улыбкой. — Это из нашего сада, жена собирала.

Господи, как чудны дела Твои! Библия, живая книга, говорит: «Просите, и будет дано вам». Когда же нам удастся полностью избавиться от маловерия и страха?

Мы расстались с механиком добрыми друзьями и, конечно, успели на встречу к Морису Рею.

Глава 12. Дары

Новорожденному дарят много подарков. Остро переживаемая радость, связанная с началом новой жизни после второго рождения во Христе, продлилась у меня довольно долго. Несколько лет не покидало ощущение, что судьба преподносит один сюрприз за другим. Смею думать, что на меня пролился такой обильный дождь Божьей милости именно потому, что всю первую половину жизни я провел в аду. Прежний опыт, когда я был подчинен дьяволу, оказался настолько тяжел и имел такие ужасные последствия, что теперь я хотел полностью подчиниться Христу, чтобы исправить былые ошибки. Другой вопрос, сделало ли это подчинение меня совершенным в повседневной жизни…

В первые годы после обращения в соборе Лозанны мне помогало чувство, что меня везет некая лента, подобная конвейеру, везет вперед при любых обстоятельствах. Когда «ветхий Адам» снова просыпался во мне, мне казалось, что я иду против хода этого полотна. Такое движение было необычным и дискомфортным и, к счастью, никогда не длилось долго. В своем отступничестве я не заходил слишком далеко. Стоило искренне захотеть и приложить усилия к тому, чтобы перестать плыть против течения, и лента транспортера снова приводила меня к Богу. Конечно, я получил больше, чем заслуживаю. Но факт остается фактом. «Ветхого Адама» изменить нелегко, для этого нужна особая Божественная мудрость, и Бог предполагает, что мы будем готовы следовать указанным Им путем. Даже если через некоторое время Он приостанавливает поток благодати, то делает это лишь для того, чтобы мы с новой силой устремились к ее Источнику. Жизнь — не сплошной праздник: иногда от нас требуется аскетический подвиг, послушание и терпение, и все эти усилия могут быть трудными и болезненными. Многие христиане жалуются, что Бог никогда не являл им Своей милости во всей полноте. Возможно, это происходит из-за того, что люди во всей полноте не предают себя Христу. Хоть что-то, но оставляют для себя. В какой-то момент я начал понимать: чтобы быть христианином, каждый день нужно на практике следовать правилу «Просите, и дано будет вам». Это подтвердилось на моем собственном опыте. Господь был рядом каждый день, во всякое мгновение, и потому мне очень хотелось поделиться этой неизъяснимой радостью с окружающими.

Во мне росла уверенность, что недостаточно просто знать

«про себя» Бога. Мне важно было действовать и свидетельствовать всем о том, что Он сделал для меня. И я решил записать посвященный Ему альбом. Однако гитара у меня была плохая, старая, надо было ее менять. Конечно, я обратился за помощью к Иисусу. Вскоре после этого в мою дверь позвонили.

— Привет, Диана, ты откуда? — с удивлением и радостью воскликнул я.

Диана — моя добрая знакомая родом с Гавайев. С этой живой и веселой девушкой я подружился во время своих скитаний по джунглям Северного Таиланда — тогда я мечтал поселиться на Гавайях навсегда, но после прихода ко Христу планы мои изменились. Интересно, как же она нашла меня?

Проводив гостью в комнату и усадив ее в кресло, я принялся расспрашивать.

— Я часто думала о тебе, — рассказала она, — и очень хотела навестить.

Мы действительно с первой встречи испытывали друг к другу большую симпатию.

— Памятуя, что ты любил петь и играть на гитаре, я привезла тебе подарок. Ты ведь как-то упомянул, что нуждаешься в хорошем инструменте. Вот, прими это.

Я раскрыл рот от изумления. Передо мной оказался коричневый крепкий футляр.

— Не стесняйся, смотри, — подбодрила Диана.

Два раза повторять просьбу не пришлось. С замиранием сердца я достал прекрасный дорогой инструмент Ovation Classic. Сам бы я такого не смог себе позволить никогда. Да, это был первый шаг к записи альбома.

Затем я начал опрашивать знакомых музыкантов, выходцев из разных стран, не согласятся ли они уделить некоторое время делу, которое послужит Богу. Никто мне не отказал. Постепенно, месяц за месяцем, я приближал свою мечту. Мы записали кассеты, которые пользовались большой популярностью, а концерты собранной мною группы транслировали многие радиостанции. Их аудитория была очень широкой и охватывала не только тех, кто традиционно слушает христианскую музыку.

Вообще-то в Швейцарии цены на аренду звукозаписывающей студии и услуги технического персонала довольно высоки. Но нам удалось найти недорогого звукорежиссера, а также получить выгодное предложение от студии. Финансовая помощь приходила разными путями. Как-то одна дама пригласила меня посетить ее поместье недалеко от Цюриха. Мы гуляли по большому парку — практически по лесу — и обсуждали духовные вопросы. Она

достала пачку сигарет и предложила:

— Угощайтесь, Клаус.

А потом слегка постучала по пачке пальцем, так что оттуда мне на ладонь выпал бумажный рулончик, по виду напоминавший сигару. Я, не отвлекаясь от разговора и не особо вникая, что это такое, сунул его в карман, и, только когда ехал в электричке обратно во Фрибург, нашарил в кармане рулончик, туго перехваченный резинкой, и развернул его. Там было четыре банкноты по 500 швейцарских франков каждая. Иногда мне присылали деньги в письмах без обратного адреса — они просто оказывались в моем почтовом ящике.

Таким образом с помощью Божьей набралась сумма, позволившая оплатить все расходы по созданию альбома из двенадцати христианских песен. Я с самого начала знал, как он будет называться. В одной из композиций рассказывалось о бесконечно длинной дороге — два миллиона километров — «от разума к сердцу».

Один мой знакомый по университету был организатором большого музыкального фестиваля в городе Сьон, на юге Швейцарии, и вскоре после выпуска альбома он пригласил меня спеть эти песни на сцене. Трансляцию фестивальных концертов должны были передавать по «Швейцарскому радио». В зал набилось более тысячи зрителей. Одна из песен, которую я собирался исполнить, рассказывала о моем долгом пути ко Христу. Мне необходимо было донести ее смысл до аудитории, большую часть которой составляли неверующие. И при этом не выставить себя жалким и наивным религиозным фанатиком, достойным всеобщего презрения. Я несколько раз репетировал выступление вместе с оркестром «Радио Женевы». К сожалению, генеральный прогон оказался очень неудачным: звуковая аппаратура барахлила, усилители не включались… Я нервничал и сердился, потому что репетицию то и дело прерывали по разным причинам. Стресс сделал свое дело: к вечеру у меня поднялась температура. Перед выходом на сцену я собирался помолиться, как вдруг ко мне подбежал один из главных организаторов фестиваля, всучил фотоаппарат и попросил сделать несколько фотографий следующих выступлений. Это меня доконало.

До моего номера оставалось полчаса, и я был в панике. Попросив мою хорошую знакомую Диану, которая сопровождала меня на концерт, сделать фотографии, я побежал в гримерку. Хоть бы успеть еще раз по-быстрому повторить слова! Но я впал в ступор и никак не мог вспомнить первую строчку. Мозг отказывался работать. Меня тошнило, руки тряслись, я был не в состоянии взять ни одного аккорда. В отчаянии я закрылся в

темной пустой комнате и со слезами обратился к Иисусу:

— Господи, я не могу выйти на сцену. Ты видишь, как я нервничаю и насколько я беспомощен! У меня ничего не выйдет, я не могу петь. Мне не хватит смелости выступить перед тысячей зрителей.

И тут я услышал внутри себя вопрос:

— А для кого ты поешь?

Этот короткий вопрос вдруг вызвал во мне бурю новых чувств. Внезапно стало понятно, как сильно я, Клаус Кеннет, ошибся, вознамерившись сделаться звездой всего шоу и пожинать лавры!

Господь мой и Бог мой! Нужны ли мне почести и слава? Вот о чем необходимо честно спросить себя. Лгал ли я, восхваляя Бога и возглашая «Аллилуйя!»?

Тут я вспомнил, что и слова песни забыл. И снова обратился к Богу:

— Иисус, я не могу вспомнить слова песни.

Как бы поточнее описать то, что произошло дальше? Сначала я осознал, что отвечаю перед Царем царей за каждую свою строчку. А потом слова песни стали как будто созревать в моем мозгу, пробираясь через его ткани так, что мне чудилось, будто я даже слышу поскрипывание, как будто игла старого граммофона слегка царапает пластинку. Закончив повторять слова, я встал, прошел по коридору и стал подниматься по лесенке к сцене, залитой слепящим светом софитов. Под мышкой у меня была гитара. Наверное, я выглядел как лунатик, который ходит во сне. Девушки-танцовщицы, только что завершившие номер и сбегавшие по ступенькам мне навстречу, весело крикнули:

— Эй, Клаус! Проснись, твой выход. Тебя уже объявили!

Может, со стороны я казался сомнамбулой, но сердце и душа не дремали. Тот, кто вышел на сцену, был «не я». Этот человек был абсолютно спокоен, хоть и ослеплен софитами. Он спел песню His message («Его весть») перед черной стеной зрительного зала и не слышал аплодисментов. Потом он вернулся за кулисы, все еще пребывая в трансе. Но при этом уверенный, что его «послание о любви» было не просто частью развлекательной программы, а чем-то значимым, что люди унесут с собой домой. И это подарит им надежду.

Вот слова песни, которую я исполнял:

I tried.
I tried with whisky and I tried with rum —
I had confusion and I had some fun.
I tried with music and I tried with speed —

Excitement all over was just rising my greed.
I tried revolution and I tried to steal —
I went through ‘morality’ still I was not ‘real’.
I tried with girls, I tried all I can —
I just found strangers and was raped by some men.
Now I tried with money but I found myself poor,
Then I tried an ‘insurance’ to make myself ‘sure’.
I left my country to find me a home —
I lived on the road and I was alone,
I lived with the devil and I gave him my soul
exploring the hell I understood to be my role.
I tried with Mohammed, I tried with ‘Shiring’ —
I lost all my money in ‘yoga’ and ‘yang-yin’.
I tried with Krishna, with Buddha, with ‘greens’ —
But their millions of rules made me a fool, as it seems
Searching for love I was provoking as a punk —
Seeking for love I meditated as a monk.
I crowned myself ‘king’, but still I had to run,
Until I came across these seven gangsters
And was reborn through their guns.
Then I met Jesus and He made it all clear.
He covered me with His love and said He loved me so dear.
He blessed me with joy, satisfaction and surprise.
He cut through my chains and His spirit made me wise.
O thank you, my Lord, I say ‘thank you’ to Thee,
I say ‘alleluia’ — because you set me free.
Father, O Father, you cannot deceive,
You give us everything freely, if we just do believe.

Я все испытал.
Пил виски, пил ром —
В общем, гулял от души,
Я пережил опустошенность и растерянность.
Музыка и скорость веселили мне сердце.
Но они лишь разжигали во мне новый азарт, не утоляя жажды.
Бунтуя, обманывая, попирая мораль, я все равно не чувствовал, что живу по-настоящему.
Я познал женщин, я испробовал все, что можно только представить.
Но все были мне чужими, и чужаки совершали насилие надо мной.
Сколько бы я ни копил, всегда нуждался в деньгах.

Любая страховка в итоге рождала во мне только страх.

Я бросил родину, я искал, где приклонить голову.

Скитался по дорогам и всегда был одинок.

Дьявол был мне единственным спутником.

Я продал ему душу, потому что понял: погружение в глубины ада — вот мое призвание.

Я пытался следовать за Мохаммедом и за Буддой, поклонялся Кришне и Сарасвати.

Сделался йогом, постиг смысл инь и ян.

Но, устав от миллионов разных правил, махнул на все рукой, оставшись в дураках.

В поисках любви я бросал вызов обществу, как панк.

В поисках любви я медитировал, как монах.

Я был сам себе господином, но все время от кого-то убегал.

Пока не встретился с семью гангстерами и не пережил второе рождение под дулами их автоматов.

Иисус явил мне Себя, и мне стало ясно,

Что Его безграничной любви все на свете подвластно.

Он даровал мне радость, покой и умение удивляться.

Освободил меня от оков и послал Духа, наделившего меня мудростью.

Благодарю Тебя, мой Господь, Тебе я пою и Тебя я хвалю.

Пою «аллилуйя» освободителю.

Отец, о, Отец, Ты никогда меня не предашь, не обманешь.

Ты даришь нам всю вселенную, стоит только поверить Тебе.

(Подстрочный перевод)

Как-то раз я выступал с рассказом о своем обращении в швейцарском Поррантрюи — городке неподалеку от границы с Францией. На эту встречу приехали французские слушатели из соседних городов Белфорта и Монбельяра и попросили, чтобы я на следующий день посетил их общину во Франции. У меня при себе не было паспорта, поэтому я сказал, что не могу пересечь границу. Однако они настаивали, утверждая, что это очень важно и общинники очень ждут моего выступления.

— Давайте хотя бы попробуем, — упорно повторял один из моих французских друзей. — До границы пятнадцать километров. Если не выйдет, вернемся обратно ни с чем. Мы решили, что и правда стоит попытаться. Дело было поздним вечером, но друзья тут же посадили меня в машину, погрузили гитару, и около полуночи мы прибыли к пограничному пункту. Я подошел к швейцарскому офицеру паспортного контроля.

— Добрый вечер. У меня к вам вопрос и просьба.

— Да, слушаю вас.

— Вы будете дежурить здесь завтра днем?

— Да, а почему вы спрашиваете?

— Пожалуйста, выслушайте меня. Со мной мои друзья, которые очень хотят, чтобы я выступил завтра утром на конференции перед жителями Белфорта. Но при мне нет паспорта. Может, вы позволите мне проехать сейчас, а завтра днем удостоверитесь, что я вернулся обратно? Я не собираюсь совершать ничего противозаконного.

— Простите, но я не смогу выполнить просьбу. Без паспорта вы не сможете въехать обратно в Швейцарию, — ответил он, и лицо его при этом было суровым.

— Пожалуйста, пойдите навстречу!

Уговоры не помогли. Стало ясно, что далее просить бесполезно. Это был честный и непоколебимый страж швейцарской границы.

— Тогда давайте поспорим с вами, — не отступал я. — Я сейчас выеду из Швейцарии, но с Божьей помощью смогу вернуться.

Мне казалось, что Бог позволяет мне говорить столь дерзко. Нет, в моих словах не было грубости или высокомерия — это было испытанием прежде всего для меня самого.

— Ну, запретить вам выехать я не могу. Но будьте уверены: если завтра вы попадетесь мне на глаза, я не позволю вам въехать в страну. Да и кроме того, французские пограничники, чей пункт проверки находится дальше, тоже могут не позволить вам пересечь границу без паспорта.

— Я все понял. Спокойной ночи и до скорой встречи! Надо сказать, меня самого поразила моя смелость и твердая убежденность, заставившая возразить представителю власти.

Мы поехали дальше и через минуту миновали французского пограничника, который не попросил нас остановиться, а просто показал рукой, что можно ехать дальше. Воскресенье прошло чудесно. В зале собралось около шестисот человек. После беседы мы пообедали с друзьями, а потом поехали обратно к границе. Сердце мое учащенно забилось, когда я увидел швейцарскую заставу. Вчерашний офицер был на месте. Он подошел к водителю:

— Ваши паспорта, пожалуйста.

И посмотрел на нас. Я сидел сзади между двумя другими пассажирами. Офицер приказал всем выйти из машины. Мои товарищи послушались, а я — нет. Некий Голос отчетливо сказал мне: «Оставайся на месте». Так я и сделал. Далее произошло нечто непонятное. Офицер проверил паспорта у всех, кто вышел

из машины, потом глянул через окно на заднее сиденье… и ничего там не увидел! Окна не были запотевшими, в них не отражалось яркое солнце, ухудшающее видимость. Я стал невидимым для пограничника! Я просто сидел не двигаясь, но меня будто отделила от него какая-то непроницаемая преграда, как зеркальная стена. Я наблюдал, как он поворачивает голову вправо и влево, видимо не находя того, что искал. Через несколько минут мои друзья сели в машину и отвезли меня в Поррантрюи, где мы и расстались. В общем, когда в ситуацию вмешивается Бог, все становится проще. Мое личное участие в этом деле сводилось к тому, что я доверился Ему. И Он это знал. Сделав меня невидимым для других, Он стал видим для меня.

Примерно так же все происходило, когда мне представилась возможность еще раз встретиться с матерью Терезой. Она участвовала в конференции, проводившейся в кафедральном соборе Лозанны, где случилось мое обращение, и остановилась в том самом приходском доме, где пастор Морис Рей изгонял из меня сатану. Вряд ли стоит объяснять, насколько важно было для меня снова увидеться со знаменитой монахиней. Во-первых, сам собор Лозанны стал моим вторым домом. Во-вторых, еще со времен Калькутты у меня было особое отношение к матери Терезе. Тогда, в Индии, она много говорила о Марии, Матери Христа, о ее заступничестве и посредничестве в наших отношениях с Ее Сыном. В тот момент я был не в состоянии в полной мере понять то, в чем мать Тереза пыталась убедить меня. А теперь настало время задать ей несколько вопросов. С какой радостью я сообщу ей, что стал христианином!

Однако, приехав в Лозанну, я обнаружил, что к матери Терезе не подступиться. Она была постоянно окружена охраной. Но ведь я хотел встретиться с ней не просто из любопытства — мне необходимо было задать ей несколько жизненно важных вопросов! Посмотрев, как выстроилась охрана — на подходе к калитке сада, в самом саду, у входа в дом, — я решил, что вряд ли смогу добраться до цели. Но тут Господь снова открыл для меня все двери. Я услышал повеление — «просто иди к ней» — и повиновался услышанному. Охранники будто и не видели меня, хотя я шел мимо них не таясь. Они не сделали ни единого движения, чтобы остановить меня, и не задали ни единого вопроса о том, кто я такой. Так я прошел через три или четыре кордона и неожиданно оказался лицом к лицу с матерью Терезой. Она разговаривала с каким-то человеком, но прервала беседу и повернулась ко мне.

— Добрый день, матушка!

— Добрый день, я рада, что ты пришел. Чем могу помочь?

— Вы меня помните?

— Да, конечно, помню.

Меня это поразило. Прошло столько лет!

— Я вам кое-что принес. — Я отдал ей листки, на которых была написана история моего обращения.

Она просмотрела их и ответила:

— Я прочитаю это позже, сейчас совсем нет времени. Мне скоро надо идти в зал, чтобы произнести речь на конференции.

— Спасибо. Я был так рад видеть вас снова! Помните, тогда в Калькутте вы говорили мне о Марии? Вы утверждали, что Она мать мне и всем христианам, что Она защищает нас, что в час опасности надо молиться Ей? Можете объяснить мне это подробнее? Я так и не понял тех слов.

— Ох, Клаус, никто не может этого объяснить, ведь это тайна. Ты не сможешь понять это умом. Просто следуй этому правилу — молись от всего сердца.

— Что вы имеете в виду?

— Обращайся к Марии в молитве.

— А что я должен при этом говорить? И потом, — тут я замялся, — разве это правильно? Библия не советует так делать.

Она рассмеялась, как смеялась тогда, давно, как бы давая понять: «Клаус, какой же ты еще ребенок!»

— Конечно, Библия одобряет такую молитву, но подобное общение таинственно и непостижимо, поэтому об этом не может быть написано напрямую. Библия открывается нам через действие Духа Святого, а не от усилий ума. Я могу сказать тебе, что если ты будешь ежедневно говорить: «Мария, Матерь Божья, будь мне матерью и приведи меня к Своему Сыну» — ты почувствуешь, какая любовь снизойдет на тебя и какую ты силу примешь от Ее заступничества. Не анализируй эти слова, а просто повторяй их.

— А что, если я не смогу себя заставить произносить их? Разве недостаточно иметь одного Иисуса в сердце? Многие протестанты говорят, что почитание Марии совсем не так важно, а молиться Ей и вовсе не стоит. Они называют это язычеством.

Она опять от души засмеялась. Уж не знаю чему…

— Не волнуйся, — сказала наконец мать Тереза. — Пусть это будет моей обязанностью — молиться о тебе каждый день. Сердце мое возликовало от того, что я неожиданно получил такую поддержку. У меня было чувство, что на небесах мне «открыли счет», который будет регулярно пополняться.

В те времена, когда я в качестве неофита только постигал азы христианства, мне приходилось сталкиваться и с трудностями.

Один из самых тяжелых моментов я пережил в праздник Пятидесятницы через пару лет после обращения к вере. Мы с двумя знакомыми верующими женщинами, Мэйди и Приской, отправились в большое путешествие на большом Peugeot Мэйди. Нам предстояло проехать более тысячи километров, чтобы добраться до городков Лизо и Байо (Lisieux, Bayeux) в Нормандии. Там мы собирались встретить праздник схождения Святого Духа среди бездомных и бродяг, которые приезжают в эти места со всей Франции. Это своеобразное сборище так и называлось — Pentecote des Pauvres, то есть «Пятидесятница бедных», и на него съехалось более пяти тысяч человек: бродяги, наркоманы, люди, принадлежащие к социальным низам. Все они могли получить утешение от Иисуса Христа, ободрение от братьев, а также миску супа и кусок пирога от волонтеров в придачу. Предполагалось, что я выступлю перед этим необычным собранием. Мне сказали, что о времени моего выхода на сцену меня предупредят заранее.

Гуляя по кампусу, я познакомился с Даниэлем Анжем, автором многочисленных христианских книг. Я как-то слушал его речь в Страсбурге, и она произвела тогда на меня большое впечатление.

— Здравствуйте, Даниэль! — приветствовал его я. — Мне так приятно видеть вас здесь. Мне есть чему у вас поучиться.

— Нет, Клаус. Если уж кто-то и должен учиться, то это я у вас!

Это был действительно очень скромный человек. Мы некоторое время беседовали с ним. А потом меня позвали ставить палатки.

Небо сияло голубизной, солнце ярко светило. Я был счастлив, что приехал в Нормандию, и радовался, что мне удастся обратиться со сцены ко всем «бедным людям».

Впрочем, настроение у меня быстро изменилось.

Наш Господь не любит теорий, Он — практик. Во всяком случае, я это хорошо усвоил на своем опыте. Я всегда стараюсь концентрироваться на реальном, живом опыте, а не на отвлеченном знании.

И в тот раз Господь особо позаботился о том, чтобы «Пятидесятница для бедных» не стала праздником в мою честь. Как только мы поставили палатки, Мэйди сообщили печальную новость — у нее умер отец. Ей нужно было срочно возвращаться в Швейцарию, но она была так потрясена случившимся, что не могла сесть за руль. Приска взялась отвезти ее обратно. Они уехали, и без них я вдруг почувствовал себя совершенно одиноким и неприкаянным.

А тут и погода изменилась: налетели тучи, полил дождь.

Поле, на котором мы разместились, быстро превратилось в топкое болото. Добраться от одной палатки к другой было трудно, и я практически ни с кем не общался, если не считать короткого разговора с Даниэлем Анжем в самом начале.

Кроме прочего, надо было подумать и о том, как я выберусь отсюда — без Мэйди и ее машины уехать было проблематично. Я нервно ждал, когда меня позовут к микрофону. Может, после выступления мне будет проще завести здесь с кем-то знакомство?

Вся моя одежда отсырела, и я, грязный и мокрый, от нечего делать бесцельно слонялся по кампусу, высоко поднимая ноги, чтобы перешагнуть через лужи.

Однако никто не спешил приглашать меня на сцену. Организаторы, казалось, совсем забыли о моем существовании, отчего я чувствовал себя еще более несчастным. Никто мной не интересовался и не собирался приветствовать меня бурными аплодисментами. За все четыре дня мне ни с кем не удалось толком переговорить. Почему-то люди сторонились меня, как зачумленного. Мне было очень горько. Почему меня все игнорируют? Почему мне так одиноко? Я был готов приложить усилия, чтобы не оставаться в изоляции, однако, когда Бог с какой-то целью помещает тебя в определенные обстоятельства, противостоять Ему своими силами не так уж легко. Вдобавок ко всему в один из вечеров я еще и опоздал на ужин, поэтому остался голодным. В мокрой палатке нашелся открытый пакет молока. Глотнув из него, я почувствовал на языке нечто клейкое и твердое. Это были утонувшие в молоке улитки! Какая гадость! Отплевываясь, я вдруг подумал, что вообще-то весь этот «реквизит» вполне соответствует жанру «праздника для бедноты». И я на собственном опыте могу ощутить, каково это — быть нищим и несчастным. А ведь и Иисусу Христу довелось пережить то же самое…

И только осознав смысл преподанного мне урока, я смог преодолеть всеобщее отчуждение. И меня вдруг перестали обходить стороной, как прокаженного. И я ощутил, что всех нас, здесь и сейчас, просто накрывает единая волна любви. Она объединяет хиппи, студентов, панков, монахов и монахинь, инвалидов, солидных дам из состоятельных семей, людей, обезображенных болезнью… в общем, всех нас, вместе составляющих народ Христов! В тот момент я почувствовал себя единым со всеми — и был счастлив.

Всякий раз, когда начинали наваливаться проблемы, когда я ощущал растерянность и неприкаянность, Господь посылал знамения, показывающие, что Он рядом. Я бы назвал это

маленькими чудесами, иногда мало заметными или поначалу неуловимыми разумом. Вот, например, история моей удивительной встречи с Грэмом. Грэм был родом из Новой Зеландии. Он стал одним из общинников монастыря в Таиланде вскоре после моего появления там. С самого начала этот человек с трудом ладил с остальными монахами, но мне он доверял, и со временем меня назначили его наставником. Если у него возникали вопросы или что-то его огорчало, он приходил ко мне за советом. Мы очень сроднились, живя в буддийском монастыре.

Потом мы продолжили общаться на расстоянии. Один раз Грэм даже приехал из Новой Зеландии в Швейцарию, специально чтобы навестить меня. После этого связь прервалась: наверное, он потерял мой адрес, а поскольку я во время нападения колумбийских бандитов лишился записной книжки, то тоже не имел возможности написать ему.

Прошло шестнадцать лет. И вот как-то раз, путешествуя по миру, я приехал на острова Фиджи. Переночевав на острове Вайя, на следующий день я должен был на местном пароме плыть на соседний остров. Однако небо заволокли тучи, пошел дождь, и водное сообщение прервалось.

В такую погоду паромщики не рисковали поднимать якорь.

Приведу запись из своего дневника, сделанную 2 августа 1996 года:

«Пятница, 2.08.96. Лаутока — остров Вайя, Фиджи.

Дождь прекратился, так что мы теперь можем с удовольствием наблюдать великолепные закаты на море и гулять по пляжу. Пляж оказался пустынным: только мы с моим спутником да еще какой-то бородатый человек, медитирующий под тростниковым зонтиком. Заняться здесь особенно нечем, поэтому мы зашли в расположившийся на побережье отель и выпили местного пива, глядя на океан. Тут нам пришла идея снять номер в этой гостинице — отель, в котором мы изначально поселились, был далеко от берега. Если цена окажется приемлемой, можно задержаться здесь на несколько дней.

Мы допили пиво, и я спросил у портье, сколько стоит номер и можно ли его посмотреть. Номер оказался просторным, в нем была кухня с посудой, ванна с туалетом. Все это выглядело куда привлекательнее, чем наш отель. Да к тому же и дешевле!

Мы спускались по лестнице, когда к портье подошел тот самый человек с бородой, которого мы издали видели на пляже. Он жил в соседнем номере и жаловался, что потолочный вентилятор не работает. Поначалу я не слушал их разговор с портье, но когда работник отеля сказал: „Хорошо, я зайду посмотреть“, а его собеседник ответил: „Спасибо“, я вдруг резко

обернулся… и узнал его!

— Грэм!

Через секунду он заключил меня в объятия. А я даже слегка оторвал его от земли и покружил в воздухе. Мы оба были так рады встрече через шестнадцать лет! Как часто за эти годы я вспоминал о своем друге, скучал по нему! Мне приходилось много путешествовать, я нередко встречал новозеландцев и австралийцев и каждый раз думал о Грэме.

— Удивительно, что мы встретились именно сейчас, на другом конце света! — воскликнул он. — Да еще и узнали друг друга в сумерках. Мы вполне могли бы разминуться. Ведь завтра я должен уехать отсюда! Разве это может быть просто случайностью?

Расположившись на пляже под уже знакомым зонтиком, я стал расспрашивать Грэма о его жизни. Он поведал, как искал смысл существования — с тех пор, как покинул монастырь, без конца все пытался найти „свет“ и его источник. Однако не находил ни света, ни счастья — он открыто признавал, что с трудом сводит концы с концами. Грэм был не в состоянии ни работать, ни жить спокойно: приобрел тридцать пять гектаров земли на родине, но никак не мог организовать обработку этих угодий, имел плантацию, где выращивают киви, но не мог проводить там больше часа в день — руки опускались и ничего не хотелось делать.

Последние три недели Грэм жил на островах Фиджи в гостях у старого друга семьи, пожилого человека, убежденного христианина. И тот каждый день приставал к Грэму с рассказами о Христе. И тут я со свойственной мне прямотой тоже стал рассказывать об Иисусе и о том, как Он перевернул мою жизнь. Грэм громко рассмеялся: Христос и здесь настиг его. Впрочем, моя история его тронула. Мы проговорили до трех часов утра. Днем мой друг должен был уехать. Я дал ему денег на обратную дорогу (он потратил все до копейки). Теперь мне стало понятно, откуда в этих райских местах взялась непогода…»

Встречи с прекрасными людьми случались у меня в Болгарии, Греции, на Канарских островах, в Риме… Не раз Господь устраивал так, что мой путь пересекался и с людьми из моего прошлого. Вот лишь одна из таких историй. В молодые годы, будучи безрассудным хиппи, я как-то проводил отпуск на юге Франции, в национальном парке Камарг. И со мной произошло приключение. В то время я неутомимо мотался по отдаленным уголкам парка, прежде всего по влажному и заболоченному району вокруг озера Этан-де-Вакар. Я практически полностью

убил принадлежавший моей девушке вагончик-трейлер. Виной всему был сильный ветер — мистраль. Но не только. Периодически во мне разгоралась какая-то одержимость, и я вел себя как безумный, забираясь в непролазные места вопреки всякому здравому смыслу. Надо сказать, что машина была старой, и запасного колеса у нее не было. В какой-то момент у нее не только спустило колесо, но и вышел из строя барабанный тормоз. Громоздкий тарантас с прицепом-трейлером перекрыл единственную и очень узкую дорогу в пустынной и малообитаемой части заповедника. И если какой-то автомобиль появлялся поблизости, ему приходилось делать крюк в пятьдесят километров, объезжая место аварии. За целый день не нашлось никого, кто смог бы сдвинуть и отбуксировать махину.

Вечерело. Я сел на дорогу рядом с неисправным трейлером. Ветер дул мне в лицо.

Ситуация была невеселой. Во-первых, я мешал движению других машин, во-вторых, мне негде было ночевать. Оглядевшись, я заметил в наступающих сумерках огонек, слабо мерцавший на другой стороне болота. Через него пролегала узкая неверная тропа длиной в несколько километров. Я пошел по ней. Иногда приходилось продираться сквозь кусты. Наконец я вышел к орнитологической станции. Слабый свет лампочки на ее крыльце и послужил мне путеводной звездой в трудном и опасном пути через болотистую местность.

Звонка у двери не было, дверь была открыта. Я вошел внутрь и очутился в кухне, откуда слышались голоса. И вдруг меня окликнули по имени:

— Привет, Клаус! Откуда ты здесь взялся?

За столом сидела Од, моя старая знакомая из Фрибурга. Она уже год работала на этой станции. Стол был накрыт к ужину…

Второй сюрприз случился после ужина. Тут сначала надо пояснить, что чуть раньше я объехал все автомастерские от Нима до Арля в поисках запаски к принадлежащей моей девушке колымаге, но ничего не нашел. «Слишком старая модель», — говорили мне. И вдруг оказалось, что здесь, на задах богом забытой станции, в окрестностях которой живут одни лишь лисы и кролики, стоит древний ржавый рыдван 1949 года выпуска, но его колеса — кто бы мог подумать! — подходят для моего авто. Благодаря помощи подруги-орнитолога я мог продолжать дальше свой путь. Но где же мне оставить сломанный автоприцеп? Я проехал километров десять уже в полной темноте, и среди абсолютно пустынной местности мне попался деревенский дом, окна которого светились.

— Добрый вечер, простите, что побеспокоил вас так поздно,

— обратился я к хозяйке, а потом рассказал ей о неприятности, которая со мной приключилась.

Молодая женщина оказалась очень приветливой и гостеприимной. Я и не ждал такого одолжения: она сказала, что можно оставить трейлер в сарае и забрать в любой момент, когда необходимо. Такая чрезмерная любезность показалась мне немного подозрительной.

— Если хотите, можете провести ночь здесь со мной, — весело добавила девушка.

Какой кошмар! Надо поскорее сматывать удочки. Ночевать тут я точно не хочу. Я был прав, предполагая, что на этой удаленной от мира ферме процветает древнейшая профессия. Правда, свой автоприцеп я там все же оставил, но сразу поспешил прочь.

Удивительно, но эта история получила продолжение через много лет! В тот год я побывал в Арсе — городе неподалеку от французского Лиона, где проводилась католическая конференция в честь Кюре из Арса — известного проповедника, жившего в XIX веке, знаменитого католического святого.

Там исполнилась одна моя маленькая мечта — я всегда хотел познакомиться с цыганами и петь вместе с ними. Все считали их изгоями, может, поэтому я всегда испытывал к ним симпатию? И вот французские цыгане, некоторые из которых тоже посетили встречу в Арсе, пригласили меня в табор, чтобы я спел для их соплеменников. Я исполнял под гитару одну из своих песен, когда в шатер, в котором и так было много народу, вошла женщина. Ее лицо мне сразу понравилось и показалось очень выразительным. В перерыве мы разговорились.

— Здравствуйте, — поприветствовал я ее.

— Бонжур. Я услышала приятную музыку и пришла послушать, вы ведь не против?

— Конечно, нет. Как вас зовут?

— Нерте.

— Какое необычное имя. Вы местная?

— Это имя распространено у цыган. А вы откуда приехали?

— Я родом из Гамбурга, а сейчас в основном живу в Швейцарии.

— Ах, так вы из Гамбурга? Много лет назад мне довелось встречаться с вашим земляком.

— Да, бывает. Нерте, а где именно вы живете?

Мне хорошо был знаком юг Франции, и я стал подробно расспрашивать о ее доме.

— Я живу в Камарге, — ответила она. — Когда-то у меня там была ферма, что-то типа мотеля для проезжающих.

— А где именно находилась ваша ферма?

— Трудно объяснить. Кругом не было никакого жилья. Даже обитатели окрестных сел не укажут вам точно ориентиры.

— И все же опишите мне это место подробнее. Я хорошо знаю Камарг.

Я продолжал настаивать, потому что очень хорошо помнил свое давнее путешествие. Потом я спрашивал себя, зачем я так допытывался? Просто чтобы поддержать разговор? Обычно я не проявляю такой въедливости.

— Долгое время я жила в районе болот Вакара, южнее Тур-де-Валат.

Тут у меня родилась догадка:

— В Тур-де-Валат находится орнитологическая станция, да?

— Откуда вы знаете?

Я рассказал о поломке, которая случилась у меня во время давней поездки, и о том, как чудесным образом я нашел запасное колесо и мог продолжать путь, и как проехал несколько километров в темноте, пока не добрался до…

— Моей фермы! Я впустила вас и разрешила оставить там фургон, — радостно воскликнула она, и мы обнялись, как старые друзья.

Вот так братья и сестры находят друг друга. Мы оба стали христианами, и Господь свел нас вместе в Арсе. Мы отыскали друг друга здесь, в цыганском таборе. И это при том, что всего в город съехалось более пяти тысяч человек. Во времена нашей первой встречи я был безумным хиппи, она — проституткой. Но Бог исцелил нас обоих, сохранив при этом память о прошлом. Впрочем, эти воспоминания уже не ранят: Бог не позволяет призракам былого тиранить нас.

Глава 13. Уроки

Я никогда не искал рациональных объяснений происходящему. Просто старался доверять Богу. Расскажу такой, казалось бы, совсем незначительный, даже смешной эпизод — но он показал мне, что Бог действует даже в простых мелочах. Дело было в осенние каникулы. Я решил на время сменить обстановку и поехать на неделю на Майорку. Алкоголь в Испании стоит недорого, так что время от времени я мог побаловать себя стаканчиком джина с тоником или виски с содовой. Нет, вовсе не чтобы напиться. В прошлом я позволял себе излишества, но возвращаться к этому не хотел.

Представьте картину: я встаю довольно рано, выхожу из гостиницы. В руках у меня пустая бутылка лимонада. Я иду по тротуару, направляясь в ближайший супермаркет, чтобы купить джин. Дует легкий морской бриз, кругом очень красиво. Я думаю о том, с каким удовольствием выпью стакан джина вечером. И тут что-то заставляет меня остановиться. Я как будто слышу Его голос внутри себя:

— Куда ты идешь?

Я замер, потом немного смущенно спросил:

— Я делаю что-то нехорошее?

Ответа не последовало, и все же меня не покидало ощущение, будто Бог не хотел, чтобы я двигался дальше.

— Иисус, — снова спросил я. — Ты бы отказался от джина?

Но Он хранил молчание. Я стоял в нерешительности. Прохожие с любопытством смотрели на меня. Наверное, они думали: «Какой странный человек застыл посреди дороги с пустой бутылкой от лимонада». Я не понимал, в чем дело, но мне было ясно: идти тем же курсом нельзя. Я решил, что послушание важнее, чем мои сиюминутные желания, и повернул назад. В какой-то момент Он обязательно раскроет мне Свои намерения. А пока надо показать силу своей веры. Не исключено, что Иисус именно этого и желает. Так что повинуюсь.

Я вернулся в гостиницу, поставил пустую бутылку на стол и снова вышел — на этот раз, чтобы пройтись по набережной у моря.

Тут ситуация начала развиваться.

В баре гостиницы я познакомился с двумя симпатичными женщинами, это были мать и дочь. Мы перебросились несколькими незначительными фразами, а потом я рассказал им о Христе. После истории о моем обращении у нас завязался

серьезный разговор с матерью — ее звали Мэйди. Нам не удалось обсудить все, что хотелось, поэтому мы решили пообедать вместе в ресторанчике по соседству. Во время обеда Мэйди спросила:

— Клаус, почему бы вам не принести гитару и не спеть что-нибудь?

— Мы же в ресторане. Я не могу выступать тут без разрешения.

— Спросите у хозяина, имеет ли он что-то против.

Я подошел к владельцу заведения. Он был очень рад моему предложению и побежал выключать музыкальный автомат.

— Нет-нет, не сейчас! — воскликнул я. — Я принесу гитару после того, как мы поедим.

Через полчаса я сходил за гитарой и начал петь. Хозяину явно понравились те несколько испанских и итальянских песен, которые я спел вначале. Вскоре после этого он подошел к нам с подносом, на котором стояли стаканы.

— Это вам в знак признательности. Денег не надо — все за счет заведения, — с улыбкой сказал он и поставил на стол… джин!

Я не говорил ему, что мне нравится именно этот напиток. Тем временем я продолжал петь. Посетителям, сидящим за соседними столиками, это было по душе. Они подошли и попросили разрешения подсесть к нам, предварительно сдвинув столы. Так мы и сделали. Я заразился их энтузиазмом и пел одну песню за другой, в том числе и по заявкам, как музыкальный автомат. Через некоторое время один пожилой господин, юрист из крупного немецкого города, встал и подошел к барной стойке. Он вернулся с бутылкой и поставил ее посреди стола. В ней был… джин! В мои планы не входило осушить бутылку и опьянеть, поэтому я угостил всех собравшихся. Всеобщее веселье нарастало, в бар подходили все новые и новые люди. Владелец ресторана был в восторге — от посетителей не было отбоя. Чуть позже явился хозяин соседнего заведения и спросил, что у нас тут за празднество, сопровождаемое необычным притоком народа. А потом поинтересовался, не соглашусь ли я спеть и в его заведении после того, как закончу здесь. Я пообещал, что приду, и выполнил обещание, так что и он порадовался в тот вечер богатому «урожаю». Во втором ресторане повторилась та же история: меня также угостили джином, и его было немало. Мне стоило определенных усилий проследить, чтобы никто не напился, иначе праздник был бы испорчен. В завершение всего ко мне подошла девушка и попросила зайти в их шотландский паб. Я продолжил играть и там, хотя пальцы уже болели. Последнюю песню я спел около двух часов ночи. Весь тот вечер царил

потрясающий всеобщий душевный подъем — и он, я не сомневаюсь — был ниспослан Богом. И все это время меня опекали щедрые хозяева ресторанов, заботившиеся о том, чтобы у меня в стакане всегда плескался… джин — при том, что я ни разу о нем не упоминал. Единственный, кто знал о моем утреннем желании, был Тот, Кто наблюдает за всеми нами с небес.

Очень часто я видел, что Своим вмешательством в мои планы Бог хотел показать, что и мои деньги, и все остальное, чем я владею, на самом деле принадлежат Ему. Я не хозяин своего капитала, я лишь управляю тем, что получаю по Его милости. Кстати, так я научился внимательнее относиться к каждому потраченному пенни — и эти уроки очень пригодились позднее, когда Господь призвал меня основать «Академию царя Соломона» в Кении. Коллективными усилиями благотворителей удалось возвести пять зданий для этой школы. Она могла принять около двухсот ребят. Академия была учреждена для того, чтобы дать обездоленным детям шанс получить начальное образование.

Когда я путешествовал по разоренным гражданской войной Сербии и Черногории и видел кругом нищету, мое сердце разрывалось. Следуя опыту, полученному в Африке, я создал еще одну благотворительную организацию, которая называлась «Святой Савва». Я собирал деньги на восстановление церквей, на покупку продуктов для бедных семей, на медикаменты. В общем, мы стремились всячески поддержать тех, кто оказался в тяжелейшем положении. Собираемые мною средства направлялись также христианам Палестины, особенно Вифлеема. Но и в других городах наша деятельность была очень востребована.

Только когда человек научится быть честным и искренним в малом, Бог поручает ему большое дело. Вскоре я понял, что это относится и к использованию доходов от продаж моих книг, кассет, CD и DVD. Бог подскажет, как пристроить эти деньги, потому что Он друг всем бедным.

Я никогда не был богат и вообще не имел дела с крупными суммами. Но я знаю, что любое служение мамоне, любое общение с этим демоном отдаляет человека от Бога и от вечности. Разве мог бы я жить спокойно, следя за ростом своего банковского счета и дрожа каждый раз, когда проверяю приход и расход, и при этом знать, что многие люди на земле прозябают в нищете и даже умирают от голода? Конечно, я, как любой человек, не застрахован от неразумных и пустых трат. Но Господь самыми разными способами давал мне понять, что в жизни есть куда более важные занятия, чем зарабатывать и тратить. Смешная

история с покупкой джина — лишь одна из многих иллюстраций того, как Он это делает.

В Царство Божие можно войти всего за две лепты. Всякое сострадание позволяет оплатить тот долг, который порожден грехом. Я знал монахов, которые отказывались брать крупные пожертвования на их монастыри, если это сопровождалось определенными условиями. Один из них так ответил на предложение финансовой помощи: «У этих роз слишком много шипов». Господь много раз мне показывал, что богатым я стану, только если искренне, от всего сердца буду отдавать то, что имею. Ведь сам я всего лишь нищий, просящий Божьей милости.

Признаюсь, одной из моих главных зависимостей была (и остается) еда. Стоило мне увидеть еду, как я забывал обо всем на свете. Не возникало сомнений: не я управляю своим аппетитом, а он управляет мной. Он нередко показывал, кто в доме хозяин, и, как ни горько признавать, часто ставил себя выше Христа. Можно объяснить такую зависимость тем, что в детстве я недоедал и несколько раз был на грани голодной смерти. Но, став христианином, я уже не мог искать себе оправданий.

Если бы запрет на обжорство и переедание вошел в десять заповедей, возможно, граждане западных стран (особенно США) не столкнулись бы с такой серьезной проблемой, как ожирение. Жир утяжеляет не только тело — он мешает работе ума. Страдающие лишним весом готовы выложить любые деньги, только чтобы похудеть, но зачастую им не приходит в голову сделать самое простое — распрощаться с вредной привычкой мести со стола все, что на нем стоит. В то время я принадлежал к Церкви, которая не требовала, чтобы ее члены постились. Это не было частью духовной дисциплины, и все же я стал задумываться о том, что пост был бы мне полезен. Началось все тогда, когда меня пригласила на ужин одна моя старая знакомая, отличный кулинар. Дело было в Чистый Четверг. В тот вечер я ужасно объелся и чувствовал себя плохо. Далее шла скорее работа подсознания, чем сознания: разум все еще не принимал идеи поста. Но на следующее утро, в Страстную Пятницу, я вдруг решил, что ни разу не подойду к холодильнику. Ну, хотя бы обойдусь без завтрака. Так начался день, и мне удалось воздержаться от еды до самого его конца.

Мне очень важно было доказать самому себе, что я действую так не из эгоизма и себялюбия, иными словами, не ради того, чтобы похудеть и лучше выглядеть, — а ради Христа. И вот впервые в жизни я дал обет, что не прикоснусь к еде в течение двадцати четырех часов. Я никогда не пробовал столь долго

воздерживаться от пищи, так что сама мысль о суточном посте вызвала в моей душе некоторый страх. Дальше передо мною встал выбор: меня пригласили на пасхальный выезд — с вечера пятницы до воскресенья. Это было нечто вроде молодежного лагеря в городе Билль[19] в получасе езды от моего дома. Люди, у которых я должен был остановиться на это время, не практиковали поста. А значит, мне предстояло столкнуться с искушениями.

Оставалось надеяться, что я с ними справлюсь.

Явившись в библейский лагерь, я уже чувствовал себя утомленным. У меня болела голова, и временами накатывал страх. Чтобы вид еды не смутил меня, я ушел из столовой, в то время как остальные участники весело поужинали вместе. Далее меня ждал сюрприз: на вечерней встрече объявили, что на следующий день, в Великую Субботу, будет общий для всех пост, который начнется сразу после завтрака. Я был шокирован этой новостью и сначала решил, что я не выдержу еще одного дня без еды. С другой стороны… если как следует поесть за завтраком, то, может, можно попоститься еще? Всю ночь я ворочался, страшась наступления Великой Субботы. Меня терзал голод и мрачные мысли. Мне казалось, что я не справлюсь, не добьюсь поставленной цели и наверняка умру от истощения. Мне оставалось лишь мобилизовать всю свою выдержку и молиться: «Господи, подскажи, нужно ли мне еще одни сутки выдерживать пост? Да будет на все Твоя воля». Настало утро, время завтракать, а ответа я так и не получил. Я сел за стол, ощущая волчий голод. М-м-м! Нос учуял аромат какао. Я намазал хлеб маслом и положил его на тарелку. Этого пока достаточно: после тридцати шести часов без еды, наверное, не стоит сразу наедаться.

В этот момент подошел Дэнис, один из организаторов, и попросил нас срочно провести дополнительную репетицию хора. Дело в том, что мы должны были петь на службе, которая начнется через час. Ну, ладно, что же делать, бутерброд подождет. Я встал и присоединился к хористам, хотя петь мне не особенно хотелось. После этого я первым вернулся за стол, готовясь проглотить наконец свой завтрак. Тут Уолле, инвалид, прикованный к постели, попросил зайти к нему в комнату, чтобы кое-что обсудить.

К этому парню я испытывал большую симпатию, поэтому, повинуясь естественному порыву, опять оставил свою тарелку и ушел. Уолле попросил, чтобы я выступил перед церковной общиной и спел под гитару. Эта просьба застала меня немного врасплох, я не собирался солировать, однако согласился из уважения к Уолле. Во время нашего короткого разговора мне

хотелось только одного: вернуться в столовую, где все остальные уже наслаждались завтраком. Но что это? Кто-то уже сидит за моим столом и ест мой хлеб с маслом. Ничего себе! Как он посмел? Он что, не видел, что место занято? Но, присмотревшись, я понял, что мой завтрак поглощает не кто иной, как Руди — мой добрый приятель, который действительно не мог заметить, что это чужая тарелка, потому что он слепой. Руди пришел позже остальных и сел на единственное свободное место — то есть на мое. А больше мест не было: Лизи, отвечавшая за кухню, просчиталась и накрыла на двадцать четыре человека, а не на двадцать пять, как было положено. Так что я остался за бортом. Тут я начал понимать, что происходит и к чему была вся эта утренняя суета. Спасибо Иисус, что Ты подал мне знак! Теперь все ясно. Но сегодняшний день мне удастся пережить только с Твоей помощью.

Мне было нелегко. Я несколько раз тяжело сглотнул слюну, ощущая слабость и страх от мысли о голодной смерти. Я нервничал еще и оттого, что через несколько минут мне предстоит выступать в церкви. От голода мои связки не хотели слушаться. Дьявол снова начал свои нападки. Он твердил: «Ты не сможешь петь, не переживешь этот день, тебе надо что-то съесть тайком или хотя бы выпить кружку того самого ароматного какао». Чем больше враг наступал, тем больше я полагался на Святого Духа. Живот сводило, а я повторял слова молитвы. Я Ему доверяю, Он даст мне силы, чтобы я мог выполнить обет.

Сколько же искушений возникло после завтрака! Все оставили на столах кружки с какао, где-то в корзинках лежал хлеб. Я ловил себя на мысли о том, что могу всем этим воспользоваться, ведь меня сейчас никто не увидит… И в то же время я продолжал ждать «сигнала свыше», подтверждающего, что мне разрешено поесть. Знамения не было. Страх, тревога и голод парализовали меня. Тогда я взял гитару и пошел репетировать — ведь скоро мне предстоит петь перед всей общиной.

Голод порождал апатию и мешал мне брать аккорды в полную силу. Но тут появилась Лизи с толстым куском хлеба, намазанным джемом. Она извинилась, что посадила другого человека на мое место за завтраком. Я сглотнул слюну, искренне поблагодарил ее и со смехом произнес:

— Спасибо, может, съем это попозже.

Правда, моя улыбочка при этом была весьма плотоядной, как у львов — традиционных стражей китайских храмов. Лизи ушла. Может, в обед я смогу хотя бы выпить сока? Если Бог позволит. Он, вероятно, не будет против, особенно если учесть, что

последний раз я пил накануне. Мы все живем надеждой. Что бы мы без нее делали. Так или иначе, до обеда еще далеко — сначала библейские чтения, а потом церковная служба.

Тут я резко почувствовал дурноту, в желудке ощущалась свинцовая тяжесть, меня снова испугала мысль о необходимости выйти на сцену. Я взял гитару и пошел искать тихое и укромное место для репетиции. Ох, как болят все мышцы! Я совсем ослаб! Может, отказаться от этой затеи? Все равно ничего не получится!

Но я не сдавался, хотя во время всей церковной службы мне приходило много разных мыслей: «Клаус, ты все равно не чист, не идеален. Ну так к чему тебе упорствовать? Тебе и так никогда не хватало уверенности, а сейчас ты еще и выйдешь на сцену обессиленный! Все, кто собрался здесь, — тебе не ровня. Они слишком стары, чтобы слушать твои песни. Им они не понравятся. Да и сил у тебя не хватит — ты не вытянешь. Ведь ты ни на что не годен… Это вообще какая-то секта, и они хотят взять тебя в оборот». Внутренняя борьба длилась почти час, пока я, несчастный и измученный, не преклонил колени в дальнем углу церковного зала и мысленно не прокричал: «Иисус, спаси!» Я надеялся, что пастор забудет обо мне или случится что-то еще, что поможет мне соскочить с крючка. При этом я знал — Бог не оставит меня. Я сказал Ему: «Мне ясно, что я человек недостойный и сам ничего не могу. Но если Ты хочешь, чтобы я пел ради Твоей славы, я это сделаю. Возможно, я потеряю сознание, потому что я слишком слаб, чтобы выступать перед всей конгрегацией. Но я готов даже умереть, Иисус, выполняя Твою волю».

И в тот момент я понял, что победа будет за мной. Мое состояние молниеносно изменилось: мне стало легко и спокойно, чувство голода улетучилось. Поначалу я не мог в это поверить и стал прислушиваться к организму, пытаясь удостовериться, что все прошло и пытка голодом не вернется. Все было в порядке, я чувствовал себя прекрасно. Мне вспомнился давешний эпизод со слепым Руди, и я снова уверовал в то, что меня ведет Господь. Это воодушевляло и радовало. Через несколько секунд объявили мой выход, и, надо сказать, выступление прошло прекрасно.

Но день еще не кончился, и не все сражения были выиграны. После службы меня попросили поехать на машине в Берн (он находится в сорока километрах от Биля), чтобы кое-кого оттуда привезти. Проезжая мимо щитов и вывесок с рекламой кондитерских, пекарен, продовольственных магазинов, я испытывал острое желание остановиться и зайти. Удержаться было непросто. «Зайди и купи что-нибудь. Главное ведь, чтобы ты не умер от голода. Сейчас никто тебя не видит. Ты покинул

лагерь и не связан никакими правилами. Ты выполняешь исключительную миссию, поэтому для тебя могут сделать исключение. Клаус, завтра все равно ничего вкусного не подадут, а сегодня ты можешь купить что угодно. Ты даже не выпил сока, как собирался. Ты поспешил в Берн, чтобы привезти Фрица в лагерь. Тебя эксплуатируют. Давай же! Останови машину, у тебя есть право побаловать себя. Они там небось пьют соки!»

Теперь я понимаю, почему дьявола сравнивают с диким зверем…

Но я нахожусь под защитой Того, Кто сильнее сатаны. Его потому и называют Всемогущим. Поэтому я устоял перед искушением. Мало того, я смог даже зайти в супермаркет и купить кое-что для Фрица. Позже я даже заварил ему чай, а потом еще долго пел и играл на гитаре для всех собравшихся в лагере. Голод больше не беспокоил меня. Терзания закончились, постоянно сдерживать себя уже не требовалось. Теперь я мог со смехом вспоминать о том, через что прошел, сравнивая выпавшие мне испытания с путешествием Одиссея: я проезжал мимо супермаркетов, как мимо острова сирен. Прошло пятьдесят четыре часа с тех пор, как я последний раз ел и пил, но мой организм пребывал в покое, а в сердце расцвела радость.

Однако самое ценное и важное открытие было еще впереди. Пост стал новым для меня опытом, новым приключением, поэтому я надеялся, что Господь вознаградит меня на Пасху. Я думал: может, в Светлое Христово Воскресение меня ждет какой-то особенный завтрак или что-то в этом роде? От одной мысли об этом опять потекли слюнки.

Иисус воскрес из мертвых, а Клаус размечтался о воскресной трапезе!

И вот настало долгожданное утро. Я пришел в столовую…

Какое разочарование! У меня не было аппетита. Еда была самая обычная, и она не вызвала у меня никаких особых эмоций. И уж точно не было радости. Я быстро насытился и продолжал ждать, надеясь, что произойдет что-то необычное. Но ничего не случилось. Я был в смятении. Как жалко, что все так обернулось!

После разочаровавшего меня завтрака мы все вместе отправились в соседнюю деревню, чтобы отметить праздник в церкви пастора Дэвида МакКи, с которым я был дружен. И вот там, в этой маленькой церкви, со мной и случился долгожданный «прорыв» — когда мы подходили к причастию. Мысленно я вернулся к моменту своего обращения в Лозанне и спросил, как всегда с тех пор спрашивал, званый ли я гость на Господнем пиру. И в этот момент Бог позволил мне ощутить всю полноту бытия, радости и покоя. В сердце вдруг загорелась любовь и ликование,

и я заплакал, как когда-то в соборе в Лозанне, а потом сделал несколько шагов вперед, чтобы причаститься Его Телу и Крови. Я задыхался от счастья. Пожалуй, этот пасхальный пир был самой удивительной трапезой за всю мою жизнь. Маловерный, я-то предвкушал удовольствия от физической пищи, тогда как надо было ждать радостей от пищи духовной. Я положился на преходящее, временное, а Господь предлагает мне то, что имеет отношение к вечности. О, Иисус, как же прекрасно это было! Наверное, я просто неразумный, примитивный, маловерный человек, недостойный того, чтобы находиться в Твоем присутствии. Прости меня, но я люблю Тебя всей своей несовершенной душой.

Пожалуй, самым трудным было для меня примирение с католическим священником отцом Р., который подвергал меня сексуальному насилию и мучил долгие годы. Я уже упоминал, что однажды пришел к дому этого человека и протянул ему руку в знак того, что прошлое забыто. Не знаю, произвело ли это на него хоть какое-то впечатление. Он пожал мою руку и посмотрел на меня равнодушно. Но по крайней мере я сам освободился от тяготившего меня длительное время груза. Столь же тяжело мне было примириться с родителями. Сразу после обращения я рассказал своему брату Лотарю о Христе и о своей вере. Он работал врачом в университетской клинике. Всякий раз, когда мы с ним встречались, он повторял:

— Я все время думаю о матери, и эти мысли не дают мне свободно вздохнуть.

Он и правда умер от нехватки кислорода, когда нырял в Греции. Господи, упокой его душу!

Что убило его? Загадочное влияние матери? Хотела ли она этого? Если это так, то вряд ли она действовала осознанно. Однако смерть брата стала для меня предостережением. Меня выводило из себя то, что мать постоянно находится под влиянием оккультизма. Я стал часто навещать ее в Германии. Она постарела, и мне хотелось не только простить ее, но и помочь ей достичь мира.

И вот однажды, приехав к ней и едва войдя в дом, я сразу, не теряя времени, сказал:

— Мама, ты не становишься моложе. Рано или поздно ты предстанешь перед Христом и тебе придется дать отчет о своей жизни. Ты об этом хоть раз думала?

— Оставь меня в покое. Я ничего не боюсь. Меня давно изгнали из прихода, но я остаюсь католичкой. И доверяю Папе Римскому.

— Но Папа не спасает от того, с чем тебе предстоит столкнуться в ином мире.

— Ох, ты опять об этом! Моя вера меня устраивает. Ты думаешь, твоя намного лучше?

Я давно знал все эти ее штучки. Нельзя было позволить врагу втянуть меня в богословские дискуссии. Поэтому я просто предложил:

— Да ладно тебе. Давай помолимся.

— Ты можешь молиться, — ответила она. — А я не знаю, что сказать.

Я обратился к Иисусу и попросил открыть ее сердце, чтобы Он мог ее освободить. Так я молился за нее в течение трех лет. Я боролся за ее душу. Во время наших встреч она часто обрушивала на меня град проклятий, ругалась и богохульствовала. Иногда ее лицо принимало пугающее выражение. А временами она просто не знала, что сказать, и в отчаянии кричала:

— Пошел вон отсюда! Уйди, оставь меня!

Она вела себя так, как обычно ведут одержимые злыми духами. Я не раз замечал, что, разражаясь проклятьями, она теряет равновесие и начинает клониться вперед, так что может упасть. Я подхватывал ее и заключал в объятия, крепко прижимая к сердцу. Так постепенно мне удалось доказать ей свою любовь. Через меня тепло любви Христа стало достигать и ее.

Прошли годы, прежде чем мне удалось уговорить ее пройти обряд экзорцизма у пастора Рея. Я пригласил ее к себе во Фрибург и позвонил Морису. Тот сказал, что с удовольствием познакомится с моей матерью и побеседует с ней по-немецки. В назначенный день мы отправились в Лозанну на машине. Мама сидела рядом со мной на пассажирском сиденье и молчала. Лицо ее было суровым. Вдруг раздался удар: двигатель странным образом затарахтел, а потом заглох. Мы только что проехали городок Булле и находились посреди трассы километрах в тридцати пяти от Лозанны. Мама сидела не двигаясь — она застыла, как каменная статуя, и не произнесла ни слова. Выражение ее лица ужаснуло меня.

Машину все же удалось снова завести, но только чтобы съехать с автобана. Мотор вышел из строя. Добравшись до ближайшего сельского домика, я позвонил Морису и отменил встречу. Мы поехали обратно во Фрибург — медленно и неуверенно, по проселочным дорогам. Я взял другую машину в прокате и назначил новую встречу с пастором на следующий день.

Говорить с матерью по поводу тех сил, которые действовали внутри ее, было бесполезно. И по сей день я не знаю, осознавала

ли, чувствовала ли она их присутствие? Следующего удара противника долго ждать не пришлось. В десять вечера, когда я уже собирался лечь спать, зазвонил телефон. Это было странно.

— Клаус? Не могли бы вы срочно со мной встретиться?

— А кто это?

Голос был незнакомый.

Мужчина представился — Герман. Это был колумбиец, психолог по образованию, бывший муж моей знакомой по имени Рено. Мы с ней вместе молились о его спасении. Она рассказывала, что Герман увлекся трансцендентальной медитацией, и это имело пагубные последствия. В итоге они развелись. Я никогда с ним не встречался. Как странно и невежливо звонить незнакомому человеку так поздно! С другой стороны, возможно, именно таким образом мне наконец представится случай поговорить с ним, а ведь я давно этого хотел.

— Скажите, это действительно срочно? — уточнил я. — Что вообще случилось?

— Не могу этого объяснить по телефону, но дело не терпит отлагательства. Пожалуйста, приезжайте как можно скорее. В голосе его слышалось отчаяние. Он объяснил мне, куда ехать, и я тут же отправился в путь. Наверное, ему срочно понадобилась духовная поддержка. Что ж, это вселяет надежду. Все так загадочно. С такими мыслями я прибыл к нему домой в центр Фрибурга. Вообразите мое удивление, когда при встрече он совершенно будничным тоном заявил:

— У меня тут несколько технических текстов, которые необходимо перевести с испанского на немецкий. Пожалуйста, помогите мне!

В документах говорилось что-то о тракторах и другой сельскохозяйственной технике. Дело было совсем не срочное и для меня не важное. Я огорчился и разозлился. Я-то думал, что речь идет о спасении души! Тут мне вспомнилось, как Рено упоминала, что ее бывший супруг умеет манипулировать людьми и умело использовать их. И все же я не хотел отказывать ему в помощи с переводом. Может, таково и есть служение ближнему и таким образом для меня откроется возможность на деле продемонстрировать ему христианскую любовь?

Мы поздно засиделись, работая над переводом. Домой я возвращался сильно за полночь и совершенно обессиленный. Все, что происходило в тот день, казалось мне странным, очень странным… Обо всем этом я думал по дороге от Германа к дому, как вдруг раздался удар, исходивший откуда-то из-под машины. Автомобиль, который я в тот же день взял в прокате, сломался.

Оказывается, это был грохот от скребущего по асфальту днища. Все четыре крепления почему-то сломались одновременно! Металлический лист волочился за мной, и от него сыпались искры. За один день у меня две машины оказались неисправны!

Усталый и злой, я добрался домой под утро.

Дверь моей квартиры была заперта так, что я не мог открыть снаружи ключом. Я постучал.

— Кто там? — спросила мать, будто не знала, кто это может быть.

— Это я. Зачем ты так заперлась, что я не могу открыть? Мне ответил голос, не очень похожий на голос моей матери. Он был выше и визгливей.

— Мне было сказано, чтобы я никого не впускала.

— А кто тебе это сказал? Интересно, что она на это ответит.

— Мне не разрешили говорить, — почти прошипела она, после чего удалилась вглубь квартиры, а я так и остался стоять у запертой двери. Я стал колотить в нее кулаками. Ни звука. Мне показалось, что я окружен призраками и темными силами. Неужели придется забираться на крышу и пытаться проникнуть внутрь через открытое окно кухни? Другого способа попасть в квартиру не оставалось. Невероятно, но я проник в свою квартиру именно так. Попав в дом, я столкнулся с матерью, которая наивно хлопала глазами и удивлялась, что я вошел столь необычным способом.

— Почему ты не вошел в дверь? — поинтересовалась она.

— Ты заперлась изнутри и не давала мне войти.

— Это не я.

— А кто? Кто здесь был в мое отсутствие?

Но она не смогла ничего вразумительного мне сказать. На этом разговор был окончен.

На следующий день я решил, что мы поедем в Лозанну на поезде. При этом у меня были все основания ожидать, что состав сойдет с рельсов. Тем не менее я понимал, что надо скорее везти маму к пастору.

На этот раз мы благополучно добрались до Мориса. Теперь все было в его надежных руках. Он помолился и подробно объяснил, чего ждать дальше. Мама мало реагировала на его слова. На лице у нее застыло равнодушное выражение. Пастор именем Иисуса запретил силам тьмы и разрушения жить в ее душе. Ритуал длился около часа, и она не шелохнулась за все это время.

Потом мы пообедали и в хорошем настроении сели в поезд, чтобы ехать обратно во Фрибург. И тут лицо матери исказила страшная гримаса.

— Ха-ха-ха! — дьявольски захохотала она. — Ты думал, что победил меня?

Я содрогнулся всем телом, мне стало жутко. Эти слова произнесла не она, а кто-то другой, находившийся в ней. Она, будучи прекрасной актрисой с большим опытом, провела и меня, и Мориса. И бесы ей в этом успешно помогли. Мне показалось, что я схожу с ума. Неужели на нее не действует даже сила Христова имени?

— Что с тобой происходит? — закричал я. — Неужели ты сама не хочешь от этого освободиться? Неужели совсем не понимаешь, что с тобой происходит?

— Конечно, понимаю, — ответила она уже нормальным, обычным голосом. — Но пастор Рей — протестант, в то время как единственная подлинная вера — католическая. Поэтому молитва твоего Мориса не действует на меня. Ему просто не хватает веры.

Страшно подумать, что делает с людьми навязчивый стереотип о всесилии Ватикана!

— Хорошо, может, ты хочешь, чтобы католический священник попробовал изгнать твоих бесов? — уточнил я.

Она согласилась, но было неясно, какие хитроумные планы родились при этом в ее голове.

Прошел год. И я, и мои друзья много молились о ней, и она наконец сказала, что готова снова попробовать. Морис дал мне адрес католического патера в городе Фелдкирх, в Австрии. Из Швейцарии я поехал в Германию, забрал маму и повез ее в Австрию. По дороге она много болтала и была вполне бодра. Даже, пожалуй, слишком. Она усыпила мое внимание. Невероятно, но факт: в пяти километрах от Фелдкирха прямо посреди трассы автомобиль дал сбой. Одно из передних колес начало дребезжать. Машина теряла управление.

Мне ничего не оставалось, как вылезти из автомобиля и постараться наладить систему рулевого управления. Возиться пришлось долго, машину отогнали на обочину дороги, по которой в опасной близости от нас мчались на большой скорости другие автомобили. В конце концов мне удалось устранить неисправность, и мы продолжили путь. Мы прибыли к месту назначения, и сам священник открыл нам дверь. Сначала он несколько настороженно отнесся к нашей просьбе. Но мои заверения в искренности намерений, а также переданный от Мориса привет успокоили его. Он принес в комнату иконы, святую воду, благовония, облачения и накидки, а затем начал объяснять матери, что такое католический экзорцизм. На этот раз я внимательно наблюдал за ней. Она, казалось, была менее напряжена, чем в прошлый раз, более открыта и внимательна к

тому, что говорил святой отец. Было видно, что священник вызвал у нее доверие, и она во всем положилась на него. По его просьбе мама повторила за ним молитвы, изгоняющие сатану. Все происходило без всякого сопротивления с ее стороны. Наконец-то тяжкое бремя упало с моих плеч. Эта история была долгой и мучительной, но теперь в ней наступил новый поворот.

Правду говорят: если дерево более семидесяти лет росло под определенным углом, его нельзя просто взять и выпрямить — оно сломается. Это высказывание смело можно применить к моей матери. Время от времени она возвращалась к прежним привычкам. Но ведь и со мной такое бывало. И в то же время я все больше и больше замечал в ней внутренние перемены. Теперь мы могли вместе молиться. А все остальное я передал в Божьи руки.

Однако надо признать, что у нас так и не сложилось близких отношений. Поэтому, может, и не случайно я оказался так далеко от дома, когда она умерла. Я был буквально на другой стороне земного шара — путешествовал по австралийскому аутбэку, — когда до меня дошла весть о ее кончине.

Некогда знаменитая и превозносимая всеми звезда кино и оперной сцены, получавшая за вечер более 1500 рейхсмарок (около 2500 долларов по сегодняшним меркам), на закате своих дней жила очень уединенно и умерла в одиночестве. Почти никто не провожал ее в последний путь.

Я успел приехать на похороны, но больше никого из родственников, даже моего старшего брата, не было. Ее жизнь была полна страданий! Я продолжаю любить ее и молю Бога о том, чтобы Он подарил ей покой.

Скажу пару слов также и об отце. Мне удалось разыскать его в Штутгарте. Он никогда не имел никакого отношения к Церкви. Мы долго беседовали, я рассказал ему о Христе и о Его благодати. Он вежливо ответил, что ему вполне довольно того, что он был в детстве крещен в католичестве, а сейчас Церковь ему не нужна. Мои речи не могли поколебать его убеждения, что после смерти человек полностью прекращает существовать. Я горячо молился о нем в надежде, что до ухода из жизни он увидит свои грехи, и однажды на Пасху он вдруг уверовал, что прегрешения его прощены. Расскажу подробнее о том, как это произошло. В тот год я с любовью и уважительной настойчивостью, на какую только был способен, попросил его сходить со мной на пасхальную службу в католический костел. Он категорически не хотел идти, и в итоге я отправился туда один. Когда я вернулся днем домой, то включил телевизор. Отец вошел в комнату ровно тогда, когда показывали трансляцию из

Ватикана. Папа Римский обращался «к граду и миру» с пасхальным приветствием. Отец принялся рассуждать, что папское благословение, по идее, распространяется не только на тех, кто слушает главу Церкви в Риме, но и на всех, кто смотрит это приветствие по телевизору. Тут же комментатор за кадром произнес нечто подобное.

Его слова подтверждали отцовскую мысль. Так или иначе, отец сказал, что принял то, что провозглашал Папа, — прощение грехов. Я радостно закричал: «Аллилуйя!» Впрочем, что это значило для него, мне трудно сказать, так как он тут же оговорился:

— Вот видишь, для этого не нужна Церковь. Я могу принять благодать и по телевизору.

Несколько лет до смерти отца я поддерживал с ним связь, но друзьями мы так и не стали. Он был слишком сконцентрирован на себе. Мне кажется, я научился любить его, хотя сам он, по-видимому, никогда любить не умел. Мне жаль его. Пусть он покоится с миром.

Глава 14. Трудный перевал

— Что за проститутку ты привел? — чересчур уж громко выговаривал мне пастор, так что голос его звонко разносился по всему залу. Это делалось для того, чтобы слышала Элиан, которую я опекал уже год, за которую молился и с которой вел беседы о вере. Жестоко было при ней произносить такие слова. Я ожидал от пастора большего сочувствия. Вообще-то я привел ее к нему, чтобы она обрела спасение и поверила Христу. Девушка тряслась от страха. Она еще толком не приобщилась Церкви, а ее уже клеймят и изгоняют прочь. Я был глубоко уязвлен. Может, все дело в том, что на ней шорты? Не лучшая одежда для посещения религиозного заведения. Но это она поймет позже. То, что пастор с порога обрушивается на нее с обвинениями, лишь укрепляет уже сложившееся в ее душе предубеждение против любых служителей культа. Пройдет еще один долгий и трудный год, прежде чем Элиан вместе с ее четырьмя сестрами (все они долго подвергались сексуальному насилию со стороны их отца) сможет с доверием отнестись «ко всем этим верующим».

Как мог, я объяснил ей, что все мы люди, будь то пасторы или рядовые члены общины (в том числе я сам), что, увы, мы слабы и склонны вновь и вновь впадать в грех… Но сам я был глубоко огорчен словами этого псевдопастора.

Эта история случилась лет через пять после принятия мною христианства в Лозанне, и именно тогда я, пожалуй, осознал, что огорчаться мне теперь приходится гораздо чаще, чем в первые годы после обращения. «Блаженны не видевшие, но уверовавшие…» Бог изливает на новообращенных милость, хотя она ими не заслужена, почти что украдена — это некий кредит нам от Небесного Отца. Но полученное не должно лежать мертвым грузом. Господь хочет, чтобы мы росли, чтобы мы терпеливо боролись против страстей «ветхого человека». Он желает, чтобы мы вступили в это противостояние по своему собственному почину, из любви к Нему. Поэтому на определенном этапе Бог перестает все время водить за руку своих детей.

Однажды в Католическом университете Фрибурга меня прилюдно высмеяли, когда я вступил в полемику с лектором. Раймон Абрецоля, выступая перед большой аудиторией, активно пропагандировал метод саморазвития, называемый софрологией. Он восхвалял то, как прекрасно этот метод освобождает человека. Я встал и громко возразил, что единственное, что реально может

освободить, так это присутствие Бога в сердце. Но меня полили презрением. Я казался трем сотням слушателей и лектору слишком примитивным. В том же Католическом университете (одном из самых уважаемых католических учебных заведений мира) читали курсы о йоге и дзен и заверяли, что эти практики помогают человеку стать хорошим христианином. Когда я выступал против этой лжи, меня поднимали на смех или поливали грязью.

Потом проблемы стали серьезнее. Например, про меня начали распространять дурные слухи: мол, у меня была связь с девушкой, она забеременела, а я заставил ее сделать аборт. Перенести клевету было невероятно тяжело, я чувствовал себя так, будто с меня живьем сдирают кожу. Обо мне рассказывали много неправды, но что самое ужасное, это делали христиане!

Но, видимо, мне необходимо было усвоить урок смирения.

Мой старый мудрый друг Урсула очень четко дала это понять в тот день, когда я рассказал о группе шумных и любящих посплетничать христиан, которые славно поели, а затем ушли, не убрав за собой.

— Клаус, — сказала она, — многие люди приходят в церковь, чтобы просто пообщаться. Это не приносит духовной пользы. Но, с другой стороны, тебе предоставляется возможность послужить им, скажем, помыв посуду. Они, может, ничего не привнесли доброго, но они предоставили тебе шанс сделать что-то полезное. В конце концов, нас будут судить по тому, проявили ли мы любовь и внимание к ближним, а не по количеству выученных наизусть отрывков из Писания.

Долго Господь водил меня за руку по своим владениям, давая возможность увидеть отблески Царства. Мне оставалось лишь одно: желать, чтобы это длилось вечно и чтобы Он всегда был рядом. Но в какой-то момент стало понятно: Клаусу пора учиться самостоятельно ходить. Он должен служить другим, вместо того чтобы ждать от них восхищения его замечательными способностями.

Очень болезненными были мои столкновения с «католической полицией». Я сам дал такое прозвище людям, которые следили за «чистотой веры» во время больших христианских форумов, например, в Паре-ле-Мониаль, Лизо или Арсе. Для них суть веры явно стояла на втором месте, а на первом было соблюдение ритуалов и внешние приличия. С этими приверженцами формальностей я мог общаться лишь на поверхностном уровне — более глубокий диалог казался сродни беседе с роботами.

Часто во время различных встреч эти «правильные» организаторы невероятно много суетились и проявляли мелочность. Однажды во время конференции я должен был навестить моих добрых друзей цыган: у меня завязалась дружба с одним семейством — Мадуном, Ниной и их детьми. Они меня принимали, как родного сына! Да и почти все обитатели табора знали меня лично — я не раз играл на гитаре и пел в их кибитках. И что же? Блюстители правил даже не подпустили меня к тому сектору кампуса, где жили цыгане, под странным предлогом — мол, я сам не цыган. И это при том, что днем ранее мы вместе с одним из организаторов конференции ходили к обитателям того сектора. Еще одной неприятной особенностью католических ре-коллекций казалась мне всеобщая тяга к хоровому пению. Хормейстер заставлял нас бесконечно репетировать. А во время выступления он сам солировал и пел в микрофон так громко, что хора было практически не слышно. Кроме того, начиная свое «соло», он не трудился хоть как-то предупреждать, какую песню мы будем сейчас петь. Это озадачивало и музыкантов, которые не могли вовремя вступить, и пауза затягивалась. Раз десять хористы просили его хоть как-то кооперироваться с оркестром, однако по непонятной для меня причине он так и остался глух к этим просьбам. Если мне удавалось улучить несколько мгновений, чтобы побыть одному, «шпионы-католики» тут же возникали рядом и куда-то меня зазывали, а иногда почти насильно волокли на какую-нибудь встречу. Во всем этом было больше доминирования, чем служения, больше глупости, чем любви. К счастью, я находил убежище у Бога.

— Господи, что все это значит? — спрашивал я. — Знаю, что Твой Дух Святой использует любую ситуацию, чтобы чему-то меня научить. Иисус, эти католики разрушают, вытаптывают, выкорчевывают все то, что произрастает благодаря действию Духа. Стоит ли мне здесь оставаться? Так я молился, а потом вспомнил — не говорила ли мне мать Тереза: «Без труда не вынешь рыбку из пруда»? Эти слова помогли мне пережить недовольство и отторжение. И все же я продолжал жаловаться Иисусу:

— Господи, разве Ты не видишь, как эти люди лишают нас веры и разрушают изнутри? Прикрываясь Твоим именем, они дискредитируют Тебя и отвращают от христианства.

Сердце мое разрывалось от боли, поэтому Бог сразу ответил мне:

— Да, Я это вижу.

— Тогда отправь их в ад, ведь они уничтожают все живое!

Надо от них как-то избавиться. В них причина наших страданий, все эти правила душат на корню любовь между людьми!

— Клаус, ты действительно хочешь, чтобы они оказались в аду?

— Да.

— Они и вправду причиняют Мне боль. Более того, именно они убили Меня. И все же Я их люблю.

Возразить на это было нечего. Слова Иисуса заставили меня замолчать. По спине побежали мурашки, по щекам потекли слезы. Я вдруг понял, как был жесток. Вместо того чтобы в ответ на обиду простить и продолжать любить, я мечтал уничтожить обидчика. Так мне был преподан еще один важнейший урок в жизни. Мне стало очевидно, что впереди еще долгий, очень долгий путь…

Я жаждал служения, и жажда нашла выход — я часто выступал на конференциях, концертах, больших церковных собраниях. Правда, это очень утомляло. Я сталкивался с духовными трудностями, с бытовыми проблемами, с физической немощью. Особенно тяжело мне давалось участие в дискуссиях, которые нередко разгорались после моих лекций. Люди часами задавали вопросы, и я покидал аудиторию совершенно обессиленным. Я чувствовал себя так, как будто из меня выкачали несколько литров крови.

При этом не успевал я разобраться с одним грехом, как появлялся другой. Если удавалось победить жадность, начинали терзать тщеславие и самолюбие. Проявляя милосердие и благородство, я тут же сталкивался с гордыней. Если получалось хоть как-то справиться с гневом и раздражением, тут же во мне просыпался учитель всех и вся. Только овладею до какой-то степени наукой «правильной» молитвы, как начинаю тыкать в глаза другим, что они менее продвинулись в этом «высоком искусстве»…

Да, для того чтобы жить не головой, а сердцем, нужно большое мужество.

У меня в то время был друг, ирландец по происхождению. Он девять лет изучал богословие в Швейцарии, а потом бросил. Я его спросил, почему он так поступил.

— Я увидел, — ответил он, — что простодушные студенты, будущие священники, получают фундаментальные знания, изучают умные книги, но совершенно ничего не понимают в человеческих душах. Мне стало страшно за то, что они сделают с людьми. Я не доверил бы таким «пастырям» заботу даже о своей

кошке!

Чрезмерный интеллектуализм — подход, предполагающий, что ты все время думаешь об одном лишь Писании, — приводил к тому, что богословие становилось пустым упражнением ума, то есть ересью. Как верно заметил мой приятель-ирландец, его соученики были как дети, но не в хорошем, а в плохом смысле. Да, Господь сказал: «будьте как дети, и войдете в Мое Царствие». Но Он не имел в виду наивной глупости, а скорее говорил об удивительном детском умении доверяться взрослым.

Формальное благочестие некоторых верующих выводило меня из себя. Я решил, что, чем проводить время с ними, буду лучше общаться с преступниками, и стал посещать тюрьмы, рассказывая заключенным о своем опыте. Мне хотелось подарить им надежду. Несколько раз я беседовал с убийцами. Некоторым из них даже разрешали приходить на мои лекции — конечно, под конвоем. Я и сам в юности бывал в тюрьме, поэтому мне было легко найти с ними общий язык. Однажды я сказал, обращаясь к группе заключенных: «Нет никаких гарантий, что я в какой-то момент не стану вашим сокамерником». Таким образом я стремился дать им понять, что даже человек, чья жизнь со стороны кажется вполне благопристойной, может сорваться и всерьез согрешить. Так змея, даже не кусая человека, продолжает нести в себе яд, который может излиться вовне при любом удобном случае. Странным образом моя шутка о вероятном попадании за решетку чуть не воплотилась в жизнь. Швейцарская полиция уличила меня в использовании французских номеров на зарегистрированной в Швейцарии машине, и за это меня отдали под суд. Полицейские считали, что это серьезное правонарушение, достойное реального срока заключения. К счастью, судья не разделял их мнения, и я отделался штрафом.

На том жизненном этапе я много путешествовал: без колебаний готов был проехать тысячи километров, чтобы пообщаться с людьми. Я был убежден, что даже если таким образом приносил луч надежды, даруемой Христом, всего одному человеку — все равно это стоило того. В моем доме в Швейцарии меня посещали тысячи интересующихся. Постоянно звонил телефон: обсуждение духовных вопросов длилось часами.

Иногда меня приглашали в Восточную Германию, все еще находившуюся под властью коммунистического режима. В основном я гостил у протестантских пасторов, и они не раз предупреждали, что надо соблюдать осторожность. Осведомители тайной полиции Штази были повсюду. Я игнорировал советы, а потому в определенный момент попал в черный список и не мог

больше въезжать в ГДР. Мне было жаль людей, которым навязывали коммунистическую идеологию, хотя некогда она меня привлекала. Но сейчас мне ясно, что это обман: люди верят в рай на земле, в то время как создать его невозможно, — при этом они не имеют возможности думать о рае небесном, открыто трудиться ради него и стремиться к нему.

Моя популярность росла, и в какой-то момент я обнаружил, что мне катастрофически не хватает времени и энергии, чтобы помочь каждому обратившемуся. Я очень уставал, и потому мне казалось, что я работаю как истинный подвижник. В конце концов дело зашло слишком далеко — я был не в состоянии не то что помогать другим, но даже решать свои собственные насущные проблемы. Стало ясно, что пора начать оседлую жизнь — найти дом, приход, общину, где меня тоже будут поддерживать в духовном развитии и помогать советом.

С момента прихода ко Христу моя вера не так уж и выросла. Да, мне действительно довелось вкусить особой «пищи для души», которую я получал благодаря общению с выдающимися представителями разных конфессий — с матерью Терезой, Томасом Робертсом, Даниэлем Анжем, Кимом Коллинзом, Джоном Стоттом, Ульрихом Шафером, Ники Крузом, Джоном Гриффином, Эдуардом Глоттином, Дэйвом Парсоном, Оливером Клементом. Я много почерпнул у них, однако этого было недостаточно для настоящего углубления веры и постоянного движения вперед.

Время от времени я получал важные духовные уроки, но мне нужен был постоянный духовник, отец-наставник, который отвечал бы на насущные потребности моей души. Непонятного было много. Я прочитал Библию от корки до корки, но это породило лишь новые вопросы, а ответов не появлялось. Меня мучило, что я становлюсь «объектом культа» и больше получаю, чем отдаю. Все это было нездорово. В очень многих общинах, которые я посещал, меня принимали как заезжую звезду. Это делалось не только и не столько ради моей выгоды, сколько в личных интересах церковного руководства. Принимая меня и предъявляя людям мое «шоу», оно поднимало собственный престиж в глазах окружающих.

Такой прием льстил моему самолюбию, но духовных плодов не давал и даже мешал развитию. Первое послание к Коринфянам предупреждает нас: «Посему, кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть»[20].

Однако самым печальным для меня было то, что во многих церквях, как я замечал, люди были заняты исключительно

борьбой за власть. На особый статус и особое влияние претендовали священники, церковные советы, руководители музыкального служения и талантливые солисты. В итоге неизбежно возникали склоки и расколы. Мне было абсолютно ясно, что это не имеет ничего общего с учением Христа.

Я повидал представителей нескольких христианских конфессий и пришел к выводу, что все внутрицерковные дрязги имеют единый корень. Люди оказываются совершенно нетерпимы к любой, как им кажется, «несправедливости», в то время как на самом деле они призваны следовать за Христом и, как и Он, отвергнуться себя. Вместо этого все страшно озабочены сохранением собственного достоинства и поддержанием статуса. И никто не хочет признать себя виновным в разладе или просто претерпеть некоторые незаслуженные неприятности.

Между тем Христос призывает нас «не противиться злу» и «принимать обиду», а также прекратить постоянные тяжбы и вражду.

В первые годы после обращения я с удивлением наблюдал, как разные конфессии пытались залучить меня к себе. Они относились ко мне как к потенциальному трофею. Я стал бы для их церквей завлекательной рекламой. Сам я чувствовал себя одинаково комфортно во всех общинах, где прихожане искренне молились. При этом в каждом месте я находил лишь те или иные фрагменты Христова учения, но обрести его в целостном виде нигде не мог. Не существовало «единой крыши» или единой Головы, объединяющей разрозненные самостоятельные церкви. Каждая из них по-своему интерпретировала библейский текст и настаивала на своем толковании. Для одних самым важным оказывалось таинство Крещения, для других — распространение Благой Вести, третьи концентрировались на втором пришествии Иисуса, четвертые считали, что спастись можно, только приобщившись к католичеству, а для пятых первым и единственным ключевым актом веры было крещение Духом Святым. В общем, каждый предлагал свой путь. В моем родном Фрибурге преобладали католики. Священники местных костелов относились ко мне очень дружелюбно и все время напоминали, что в детстве я был крещен в католичестве, а потому принадлежу их конфессии.

Евангельские христиане указывали, что я обрел подлинную веру именно через них. Различные протестантские общины наперебой зазывали меня к себе: среди них были меноните, адвентисты и еще немало представителей разных направлений. А я никак не мог понять, с кем мне быть. По мне, так у всех у них очень многое шло от головы, и поступки слишком часто были

продиктованы амбициями, а не велением сердца. И в один прекрасный день мне пришла простая мысль: почему бы мне не помолиться и не спросить совета у Бога? Может, Он подскажет, на чем мне остановиться и какое место, по Его мнению, будет самым лучшим для меня?

Глава 15. Новые двери

Христос уже несколько лет вел меня по одному Ему известному пути, а теперь Он приготовился распахнуть передо мной новые двери, пройдя через которые я должен был войти в Его присутствие. Однажды я проезжал на машине по Лозанне вместе со своей доброй подругой Урсулой. Неожиданно перед нами возникла необычная фигура: дорогу переходил пожилой высокий чуть сутуловатый мужчина с белой бородой в длинной черной рясе. Рядом шел его более молодой спутник, одетый точно так же.

Старик был знаком Урсуле. Она попросила меня поскорее припарковаться поблизости, чтобы мы могли поговорить с ним. Мы вышли из машины и представились. Пожилой монах пригласил нас в находящееся неподалеку здание, чтобы побеседовать.

— Это очень известный старец, — успела шепнуть мне Урсула.

— А что это значит? — таким же шепотом поинтересовался я.

— Это значит, что он — духовный авторитет, всеми уважаемый наставник. Его книги сформировали целое поколение, и у него много последователей по всему миру.

— То есть он — гуру?

— Нет, конечно. Но нечто большее. Его можно сравнить с апостолами, Павлом или Петром.

— Ты шутишь! — не поверил я.

Но повнимательнее присмотревшись к старику, понял, что в нем действительно чувствуется какая-то тайная сила. Мы пришли в странное помещение. Оно напоминало офис или кабинет. Чтобы не приступать сразу к высоким материям, я начал разговор с ироничного замечания:

— Жизнь так прекрасна и красочна. Отчего же вы носите такое темное и скучное одеяние?

Вместо ответа старик сделал знак рукой, приглашая меня взглянуть за окно:

— Посмотрите внимательно на эту улицу.

Я увидел поток проезжающих машин разных марок и цветов. Вот голубой Ford, вот серебристая Honda, красный Volkswagen, черный Mercedes, желтое такси Fiat и так далее. Некоторое время мы молча глядели на них. Потом он повернулся ко мне:

— Какая машина среди всего этого разнообразия вам более всего по душе?

— Ну, пожалуй, самый элегантный — черный Mercedes.

— Вот почему мы одеваемся в черное, — сказал он, слегка посмеиваясь.

Мне понравилась его шутка.

Урсула сказала, что хочет остаться тут на некоторое время, чтобы поговорить о чем-то важном с загадочным старцем. А мне нужно было ехать дальше — в соседний городок Невшатель, где у меня было назначено выступление. И я объявил пожилому господину об этом. Он ответил все тем же немного игривым тоном:

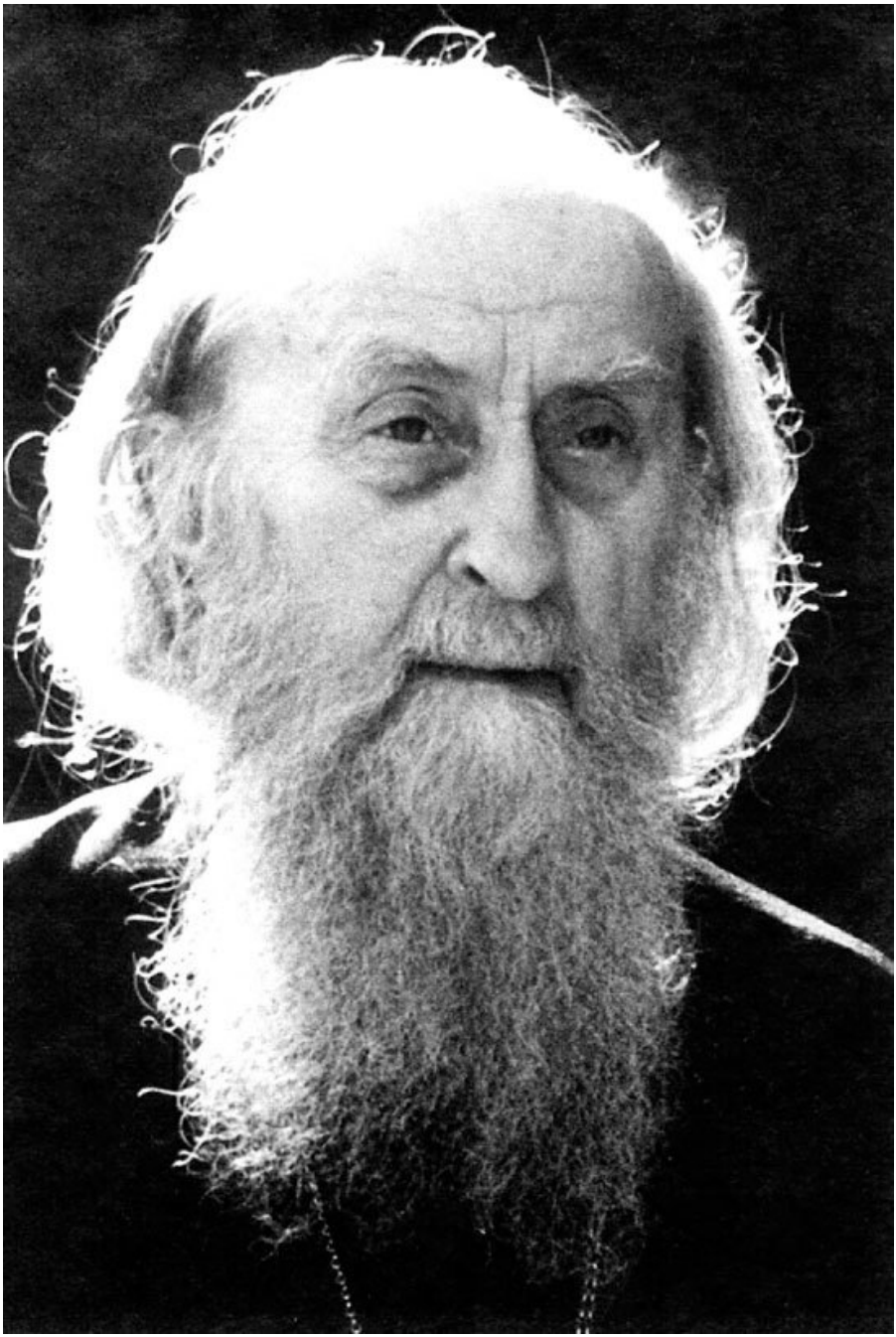
— Знаете, у меня есть некоторый опыт публичных выступлений. Вы позволите дать вам совет?

— Конечно, сделайте одолжение.

— Лекцию лучше начинать с небольшой шутки, чтобы люди немного посмеялись. Заставив их улыбнуться, вы заручитесь их симпатией. Можно сказать, они будут у вас в кармане и последуют за вами куда угодно. Попробуйте, а потом расскажете мне, когда придете сюда снова, сработало ли это. Я видел, как он при этом тихо и весело смеется — все тело его резонировало с этим смехом. И снова мне показалось, что от него исходит нечто таинственное. Было в нем что-то очень располагающее и глубокое.

Вернувшись из Невшателя, я не преминул зайти к нему и рассказал, что последовал его совету. Конечно, он оказался абсолютно прав в своем прогнозе.

Старца звали отец Софроний, ему было восемьдесят семь лет. С самой первой нашей встречи сердце мое знало — я встретил святого. В этом не было ни малейшего сомнения. Как и в случае с матерью Терезой, передо мной предстал истинный христианин. За долю секунды ему удалось произвести на меня очень глубокое и очень мощное впечатление. Я был сражен его добротой и проницательностью, которая, впрочем, не мешала ему относиться ко всем с любовью. Он не теоретизировал и не богословствовал, никак не подчеркивал свой высокий статус, а общался просто, с юмором, тепло и искренне. И более всего в нем ощущалась безграничная любовь и уважение к собеседнику. Мне казалось, что подобные «мудрые старцы» существовали лишь в кино и в детских книгах (таких, как «Властелин колец» или «Хроники Нарнии»), а в реальной жизни они не встречаются. При этом всю свою жизнь я искал такого человека. И когда встретил, был абсолютно уверен — это и есть Любовь во плоти.



Старец Софроний (Сахаров) – ученик святого Силуана Афонского

Такой человек, думалось мне, может принадлежать только настоящей, истинной Церкви, той самой, которую основал Христос. Почти сразу я узнал, что отец Софроний —

священнослужитель Православной Церкви. Эта Церковь, думал я, вероятно, каким-то образом избежала разложения, вызванного спорами, скандалами, расколами, внутренней борьбой, завистью, духом соперничества и прозелитизмом. Конечно, позже я узнал, что все эти болезни вовсе не обошли Православную Церковь. Но почему-то суть ее учения все же осталась неизменной и чистой. Старец представлялся мне символом идеального сообщества верующих, объединяющего Христа и всех Его святых, отцов Церкви, первых апостолов. А православие обнимало целую эпоху — от самой зари христианства до наших дней. Раньше я видел лишь осколки истины в разных церквях, а теперь все это собралось воедино в этом священнике и монахе, старце Софронии[21].

Во время своего второго визита, когда я рассказывал о лекции в Невшателе, я ощутил такую радость от общения с ним, что не смог сдержать слез. Придется признать, что эта встреча дала мне намного больше, чем состоявшаяся несколькими годами раньше, когда я отыскал в Лозанне мать Терезу. Рядом со знаменитой калькуттской монахиней я впервые ощутил, что безусловная любовь существует на свете. А встреча со старцем стала даром Божьим, обращенным прямо ко мне. Так Небесный Отец привел меня к земному духовному отцу.

В конце нашей второй встречи я попросил разрешения сфотографировать его.

— Нет! — с неожиданной резкостью в голосе ответил он.

Я смутился. Что бы это значило? К счастью, он быстро объяснил свою необычную реакцию на мою просьбу:

— Понимаете, дорогой Клаус, меня постоянно фотографируют. Есть сотни моих портретов, но я там совсем не похож на себя. Это просто не я! И я устал от этого. Надеюсь, вы меня поймете.

Я был огорчен. Этот человек мне так нравился!

Видимо, он почувствовал мое разочарование и потому быстро поменял свое решение.

— Ладно, — вздохнул он. — Фотографируйте, если хотите. Но вся беда в том, что мне и без того не хватает смирения… Не хватает смирения? Я был поражен! Столь великодушный и всеми уважаемый человек считает себя недостаточно скромным?

Он снял очки и приготовился к съемке. Сердце мое возрадовалось, хотя я еще не знал, что этот снимок обойдет весь мир и на долгие годы сохранит образ человека, который дорог многим. По прошествии более чем двух десятилетий моя жена посетит монастырь на Балканах и расскажет там о встречах с

отцом Софронием. Монахини покажут ей портрет, который она мгновенно узнает и расскажет удивленной настоятельнице, что он был сделан Клаусом Кеннетом в один из первых дней знакомства со старцем.

Через несколько месяцев я снова встретился с отцом Софронием. К тому времени я узнал уже кое-какие факты из биографии моего нового друга. Он вырос в интеллигентной семье в дореволюционной России. Уже в раннем возрасте у него открылся не только духовный дар, но и талант художника. После революции будущий отец Софроний эмигрировал в Париж, а оттуда направился в Грецию и провел много лет на Афоне.

О православии я мало что знал в первую половину своей жизни. У меня не было темных ассоциаций с православным священством (в отличие от католического), но и ничего хорошего о нем я тоже не слышал. Во время поездок в Иерусалим я видел православных среди многих других обитателей и паломников Святой Земли, однако эта традиция казалась мне довольно экзотической, и я никогда не думал о ней всерьез. Поэтому сознание мое было более или менее открытым, когда я отправился в основанный отцом Софронием монастырь восточнее Лондона. В нем с 1959 года жили как монахи, так и монахини. Увы, само слово «монастырь» не вызывало у меня энтузиазма. Оно будило воспоминания о католической семинарии, где за высокими стенами творились очень нехорошие вещи. Однако я надеялся, что в православии все будет иначе.

Монастырь находился в сельской местности в графстве Эссекс, среди обширной равнины недалеко от побережья Северного моря. Община отца Софрония располагалась вокруг старой англиканской церкви и столь же старого дома священника. Современные здания, включая новую часовню, были снаружи очень простыми, но интерьеры богато украшались — эти работы проводились как раз тогда, когда я приехал. Войдя в часовню, я увидел леса, высившиеся до потолка. Сам отец Софроний расписывал потолок и деловито давал указания окружающим. Работа весело кипела. До сего дня я помню росписи этих стен и сводов. С одной стороны, в них отразилось уважительное отношение к традиционной иконографии, а с другой — образы оказались удивительно живыми и наполненными светом.

Мне отвели в приходском доме уютную комнату с большим окном в георгианском стиле. Отец Софроний в первый раз, как и в последующие, уделял много времени для обстоятельных и глубоких бесед со мной. Всякий раз, выходя из своей белой

хижины и видя меня на пороге приходского дома, он раскрывал мне широкие объятия. При этом я чувствовал, как меня омывает мощная волна, можно даже сказать цунами любви.

Среди его удивительных даров было умение принимать человека таким, каков он есть, даже если тот бесконечно далек от Православной Церкви. В то время я был очень увлечен гитарой. Уловив это, старец попросил меня сыграть некоторые из моих рок-композиций в трапезной. Так я выступил перед не привыкшими к такой музыке, а потому несколько растерянными и скованными монахами и монахинями. Мне до сих пор неизвестно, что члены общины подумали о моем бренчании. Но сам факт, что меня пригласили сыграть, давал мне понять, что меня ценят и что я здесь желанный гость.

В предшествующие годы у меня сформировалась неприятная привычка вести себя как гуру. И поначалу я самонадеянно считал, что смогу поделиться со старцем своими знаниями: иными словами, научить его столь же многому, сколь многому он научил меня. Я делился с ним своим пониманием разных библейских отрывков, рассказывал о приключениях в Азии и Латинской Америке. Наверное, все эти байки казались ему наивными, но он всегда слушал очень внимательно. За долгие годы скитаний я устал от организованной религии: от ее иерархии, ритуалов и правил. Но рядом с отцом Софронием я чувствовал такое тепло, которое было выше любых формальностей и человеческих законов.

Монастырь в Эссексе произвел на меня такое большое впечатление, что я немедленно почувствовал непреодолимую тягу к двум вещам. Во-первых, я захотел перейти в православие. Во-вторых, вознамерился стать монахом. В идеале — в этой самой обители. Реакция отца Софрония на мои намерения меня удивила. Руководители всех других церквей, с которыми я имел дело, горячо желали залучить меня к себе. Но этот человек, во всяком случае в начале нашего знакомства, совсем к тому не стремился. Он уже достаточно много знал о моей жизни. В этом ему помогли проницательность и интуиция. И кроме того, он прочел небольшую брошюру обо мне, опубликованную на французском языке. Когда я заговорил о переходе в его веру и принятии монашеских обетов, он твердо сказал:

— Иисус всегда рядом с тобой, Клаус. И этого достаточно. Зачем тебе приклеивать на лоб какой-то ярлык? Возвращайся домой и продолжай идти по жизни рука об руку со Христом. Признаться, меня такой ответ озадачил. Я не находил слов, чтобы возразить. Все сказанное показалось и задачей на будущее, и

провокацией. Хотелось понять, по каким причинам мне отказали. Я вернулся домой, но душа была не на месте. Она стремилась разрешить загадку и надеялась, что в свое время решение найдется.

Однако отец Софроний и впредь был непреклонен. Он считал, что мое призвание — не монашеское. В то время я не был женат, так что формальных препятствий для поступления в монастырь у меня не было. Но мой новый наставник был против.

— Клаус, тебе не нужно жить затворнической жизнью, — говорил он убежденно. — У Господа есть иной замысел о тебе. Продолжай следовать за Христом, как ты делал это прежде.

В первый раз я покидал монастырь с тяжелым сердцем, с трудом сдерживая слезы. Мне казалось, что истинная Любовь на мгновение возникла передо мной и тут же распрощалась. Я был страшно огорчен и плакал часами. Встретить такого Человека! Воплощение Любви… И уйти от него! Невозможно, невероятно! Это переживание было похоже на тот судьбоносный момент, когда сам Христос говорил со мной в кафедральном соборе Лозанны. И я снова лил и лил слезы…

Вернувшись в Швейцарию, я продолжал встречаться с людьми, вести дискуссии, принимать участие в библейских чтениях, посещать службы, мессы и литургии. Я читал Писание и множество вдохновляющих книг, выступал в разных конгрегациях, рассказывая о своем пути ко Христу. Но на сердце у меня становилось все тяжелее. Мне было ясно, что Господь совершает во мне какую-то работу. Через год я снова вернулся к отцу Софронию. При этом весь этот год я поддерживал с ним связь, и наши отношения постепенно становились все ближе. Кроме того, я подробно изучил его труды. От него я узнал многое из того, что он сам почерпнул у своего учителя — святого старца Силуана, канонизированного Православной Церковью. В книгах отца Софрония я нашел глубину, которой не видел в трудах выдающихся западных христиан. И потому меня еще больше потянуло к православию.

Вторая поездка в монастырь в Англии не сильно отличалась от первой. Старец изливал на меня потоки любви, но в то же время не уставал предостерегать.

— Клаус, истинная вера предполагает, что ты идешь за Христом, а значит, отвергаешь себя, — говорил он. — Да-да, иногда приходится даже ненавидеть себя. Это трудно. Здесь тебе никто не предложит простых решений. В Швейцарии ты сталкивался с совсем другим христианством и пока даже не представляешь, какие испытания могут быть на новом пути. Рано

или поздно «ветхий человек» (то есть твоя прежняя натура) поднимет голову, и ты будешь горько жалеть, что выбрал эту дорогу. Может, и я пожалею о том, что благословил тебя в такое непростое путешествие. Так что послушайся меня: следуй велениям сердца, иди за Христом — так, как ты делал это в последние годы. Большего пока не требуется. Вернись назад в свою страну. Однако нельзя сказать, что старец только и делал, что отговаривал меня и отсылал домой. Даже в первые наши встречи он помогал мне понять очень важные, фундаментальные истины, которые я ранее не осознавал. Прежде всего, он объяснил мне, что есть две совершенно разные пирамиды власти. В миру и, к сожалению, также в некоторых церковных структурах есть властные и амбициозные люди, страстно стремящиеся забраться на самый верх и давить оттуда всех, кто ниже рангом. Это обычная, привычная нам иерархия.

Однако завоевание авторитета в сфере духа не предполагает постоянного карабканья вверх. Здесь не требуются высокие должности и почести, как бы ни были нам всем приятны слава, известность и всеобщее уважение. Совершенствование души часто предполагает движение под горку, иными словами, унижение и принятие на себя бремени других. Чтобы разделить боль и горе людей, надо быть к ним ближе, на большом и безопасном расстоянии такие вещи не делаются. Здесь не место теоретизированию, оно только мешает входить в контакт с суровой реальностью. При этом надо помнить: мы можем служить опорой ближним, только если сами опираемся на Христа, полагаемся на Него.

В светской вертикали власти, как сказал старец, находящиеся на вершине управляют всеми остальными. Мир почти в буквальном смысле лежит у их ног. Такое доминирование всегда сопровождается конкуренцией, скрытой или явной борьбой за престиж и влияние. Люди, располагающиеся на каждом уровне, неизбежно попирают спины несчастных нижестоящих. Однако в Царствии Божьем эта пирамида перевернута. Христос, Царь и Глава Церкви, располагается в самом низу, на ее острие, потому что Он уничижился до того, чтобы нести на своих плечах весь мир. И христиане призваны быть с Ним в этом служении. Этот парадокс отражают некоторые известные отрывки из Евангелия: «Кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом»[22]. И правда, стоит внимательно почитать Библию, и везде заметишь парадоксальные призывы к самоумалению: «благотворите ненавидящим вас», «возлюбите врагов»[23], «кто унижает себя, возвысится»[24], «последние станут первыми». Все это можно

назвать крестным путем христианина. Для того чтобы проиллюстрировать эту мысль, отец Софроний рассказал мне о своем духовном наставнике, святом Силуане. Если Софроний был высокообразованным представителем интеллигенции, то монах Силуан происходил из крестьянской среды. Он был уроженцем Центральной России. Но эта разница в социальном происхождении не имела значения на Афоне. Местные монахи прекрасно осознавали, что участвуют в духовной брани. Само представление о непрестанной борьбе с силами зла в сфере духа давно позабыто на христианском Западе. А для восточного христианства это, насколько я осознал, одно из ключевых понятий. Старец Силуан столкнулся с духовными баталиями непередаваемой остроты и интенсивности.

После одной из таких битв с демонами ему было даровано ослепительное видение Христа. Святому открылось, что главное оружие, которое используют бесы, — человеческая гордыня. Они специально разжигают ее в своей жертве, чтобы смирение стало невозможным. Противостоять этому помогает парадоксальное на первый взгляд правило: «Держи ум во аде и не отчаивайся». Это мудрому старцу открыл Бог. Отец Софроний не раз повторял мне эту фразу. У меня ушло немало дней на то, чтобы понять, что она значит. Постепенно с помощью учителя я увидел разрушительную силу моей собственной гордыни. Чем больше я видел свою греховность (то есть ту часть своей души, которая пребывает в аду), тем сильнее желал освободиться от темного начала — от гордыни и ее последствий.

Честный взгляд на себя нередко оказывается болезненным. Ведь тогда приходится признать, что мы вполне заслужили адские мучения. Но только так можно увидеть необходимость раскаяния, а оно, в свою очередь, открывает дорогу к искуплению. Именно поэтому нам и не стоит отчаиваться. Самокопание кажется вам мазохизмом? Нет, это не так. Позднее другой монах — последователь отца Софрония — в своих трудах подробно разобрал такой феномен, как самоосуждение. Оценивать это состояние можно по-разному, но что совершенно точно — оно не вызвано неврозом и не является психическим расстройством. Напротив, в его основе лежит трезвый взгляд человека на самого себя.

Постигая всю эту глубокую и серьезную духовную науку, я начал понимать, почему отец Софроний не спешил принять меня в лоно православия. Может, повесить на себя новый ярлык было бы здорово, но это не возымело бы никакого магического действия и не дало бы быстрого эффекта.

И все же я очень хотел присоединиться к Церкви, к которой принадлежал мой учитель. Всякий раз в его присутствии я переживал нечто непередаваемое словами, похожее на прикосновение к новому таинственному миру. За непосредственностью и юмором старца всегда скрывалась любовь. Отец Софроний часто смеялся — и кто бы мог подумать, что в эти годы он уже страдал от смертельной болезни?

В конце моего второго визита в монастырь в Эссексе старец сделал мне нечто вроде прощального подарка. Он был уверен, что его совет сможет изменить мою жизнь, при этом пояснил: у всякого человека есть возможность вернуться к образу и подобию Бога, по которому он был создан. И существует конкретный способ, как этого достичь, — с помощью Иисусовой молитвы. Я ее уже не раз слышал здесь, в монастыре.

Молитва эта — одно из сокровищ православного опыта. Она представляет собой простую формулу: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Отец Софроний напутствовал:

— Если будешь ежедневно произносить эту молитву с искренностью и сердечностью, то увидишь, как присутствие Божье преобразит тебя.

— А не опасно следовать такой практике одному, в отсутствие наставника? — спросил я. — Понимаете, я уже сталкивался с восточной медитацией. Правда, это немного другое…

— Не беспокойся об этом, — ответил он, развеяв все мои сомнения. — Следуй этому простому правилу и забудь про всякие дыхательные техники. Они-то как раз действительно могут навредить неискушенному адепту. Просто произноси молитву — сначала вслух, а потом про себя. Даю тебе на это свое благословение.

Глава 16. Помилуй меня, грешного

Подарив мне сокровище духа, которое я не мог адекватно оценить в тот момент, отец Софроний благословил меня на то, чтобы я продолжал идти выбранным ранее путем. Но меня терзали сомнения. Состояние моего духа было мне самому неясно. Иногда я чувствовал себя уверенно (даже слишком уверенно), а потом вдруг терялся и остро желал, чтобы мне кто-то помог и направил.

Я не раз замечал, что мировоззрение многих хорошо знакомых мне протестантских пасторов слишком приземленное. При этом, живя в протестантской среде, я не раз был свидетелем впечатляющих чудес и получал ответы на свои молитвы. Сразу после обращения в Лозанне мне было многое даровано, и эти дары остались при мне, их никто не отнял. Поразительно, но мне удалось практически освободиться от страха. Конечно, меня все еще посещали иногда ночные кошмары, но даже после самого дурного сна я, проснувшись, мог смеяться и радоваться. Каким-то образом душа моя во сне, как и наяву, не забывала о том, что Христос победил смерть.

Я стал лучше представлять свое собственное место во вселенной, а потому перестал смотреть на все в мире исключительно с эгоистических позиций.

«В конце концов, какой-то мир в моей душе уже есть», — уговаривал я себя. Мне казалось, что я, прощенный Христом, тоже научился прощать. Так чего же еще мне надо? Я верил в заповеди и старался соблюдать их. Я нес людям Благую Весть. Я молился. Я чувствовал себя свободным. Почему же старец медлит и не дает мне двигаться дальше? Отчасти я знал ответ на этот вопрос, но все равно продолжал ныть и жаловаться.

Однако, как мне кажется, с момента общения со старцем Софронием многое во мне все же изменилось. Например, раньше многие сообщения прессы выводили из себя или пугали меня. В крайнем случае оставляли равнодушным. Теперь первой моей реакцией на страшные события было желание молиться о жертвах различных трагедий — эта привычка молиться за обездоленных появилась после чтения трудов старца Силуана, учителя отца Софрония. Я стал принимать близко к сердцу любые страдания. Все, кто переживал трудные времена, были моими братьями или сестрами, их судьбы волновали меня, их положение было мне небезразлично. До того я, как и большинство «потребителей информации», относился к репортажам об убитых на войне или

погибших во время различных катастроф просто как к статистике, никак не влияющей на мою жизнь. Думаю, так поступает большинство людей, пытаясь защитить свою психику от того, что происходит в нашем ужасном мире.

По молитвам отца Софрония я начал учиться смотреть на себя с точки зрения Бога. И ничего прекрасного в себе не увидел. «Добрый Клаус» так и остался грешником: в некоторые моменты можно было даже засомневаться, имею ли я право называться христианином. Я понял, что вовсе еще не свободен.

Слишком просто было бы сказать: обратись ко Христу, и все решится. Но когда начинаешь понимать, какой груз грехов несешь и как они противны Богу Любви, когда осознаешь, насколько ты слаб, когда снова и снова спотыкаешься и теряешь благодать — во всех этих случаях нужно, чтобы рядом был человек — опытный наставник и добрый друг. И то, что мне встретился такой человек, — это, конечно, был еще один дар от Господа.

Во время нашей третьей встречи со старцем у нас состоялся куда более глубокий и серьезный разговор, чем в два предыдущих раза. Он дал мне очень ценные советы, потому что я уже был готов их принять и осмыслить. Я избавился от наивной веры, будто смогу справиться с засевшими внутри меня темными силами сам, без помощи из высшего мира. Привычки трудно выкорчевать, ведь стереотипы поведения пускают глубокие корни. Некоторые пороки руководили мною более четверти века. Всякий раз, когда я следовал своим старым дурным повадкам, я все крепче привязывал себя к ним. Новая ниточка как бы вплеталась в уже имеющийся канат, опутавший меня. Таким образом он становился еще прочнее, и разрубить его без сверхъестественной помощи я бы уже не смог. Старец объяснил, как рвутся подобные связи. Для начала мне нужно было проследить за своими помыслами и вообще за тем, как они формируются в сознании. Отец Софроний утверждал, что понимание этого лежит в основе противостояния дурным мыслям и, как следствие, дурным поступкам. Он говорил, что на этом пути человек проходит пять стадий. Вначале враг зароняет в нас некое зерно — неправедную идею, затем мы вступаем с ней во внутренний диалог, потом подчиняем себя ей — это и есть исток греха. Сознание оказывается в плену у помысла — и мы совершаем греховные поступки. Если они повторяются много раз, то превращаются в страсти, которые порабощают нас. Так что желание согрешить возникает снова и снова.

— Есть несколько способов бороться с помыслами, — говорил отец Софроний. — Можно заслониться от них Иисусовой

молитвой, то есть прогнать их, сосредоточившись на Его имени и на Его присутствии. Или можно воздеть руки к небесам и попросить Христа прийти тебе на помощь.

В тот момент старец сел рядом со мной и показал, как он это делает. Меня поразило, как преобразилось его лицо, — он вдруг показался мне молодым и полным энергии.

Я понял, что в сердце каждого из нас есть особое место, как бы царский трон, на котором следует поместиться Духу Божьему. Однако если в нас жив «ветхий человек», царское место узурпирует сатана.

Никто не гарантирует, что битва со злом будет легкой. Теперь-то я куда лучше понимаю, что означают евангельские слова: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною»[25]. Он не сказал: «Идите за мною веселой и простой дорогой, распевая „Аллилуйя!“».

Те прозрения, которые я получил благодаря отцу Софронию, нередко бывали болезненными, хотя в то же время и радостными.

Как-то я спросил его:

— Отец Софроний, а вы все еще грешник?

— Конечно, — ответил он. — Поверь мне, я худший из всех. Мне трудно было в это поверить.

Как я уже говорил, старец много и с интересом расспрашивал меня о моей жизни. Он был абсолютно открыт и искренен. В итоге я проникся еще большим доверием к нему. Отец Софроний, вероятно, заметил, что из-за прежних неудач в общении с разными гуру, учителями веры и клириками я не очень расположен к подобного рода духовным авторитетам. Но сам он был так мудр и терпим, что я открылся ему навстречу, а он взял меня за руку и повел туда, где царят любовь и взаимное доверие. Ведь Христос поступал примерно так же, правда? Он умалил Себя, став человеком, отказался от Божественной славы, и все это лишь для того, чтобы научить нас любви и доверию. Отец Софроний продемонстрировал на своем примере, как действует такое самоуничижение. Православные называют это греческим словом «кенозис» — буквально «опустошение себя». Видели бы вы, как старец шел в церковь служить Божественную литургию! Когда он входил в храм, мне казалось, что ноги его не касаются пола. Он будто плыл в воздухе.

Во время литургии время для меня проходило незаметно… час, два или больше. В протестантских церквях я впервые встретился с Господом. В них пребывала Божья любовь, прихожане хорошо знали Писание, однако в богослужении чего-то не хватало. Оно было поверхностным, обращенным в первую

очередь к эмоциям.

Например, в пятидесятнической общине я видел, как люди, «сраженные Духом», падали на пол и бились в конвульсиях, в то время как вокруг гремела громкая музыка. Мне казалось, что это просто некий психический феномен, причем довольно заурядного свойства. Общаясь с отцом Софронием, я начал понимать, что его общение с Богом тише и трезвее. Нередко оно вызывает слезы, но никогда не доводит человека до истерики.

Всем своим существом я ощущал, что православие и есть в прямом смысле «правильное прославление». То есть достойное поклонение Христу. Мне казалось, что именно такой Христос задумал Свою Церковь. Как же мне хотелось участвовать во всех ее таинствах!

Я сказал православному священнику в Женеве, что хочу креститься в его приходе. Вначале он не считал, что мне необходимо проходить полный обряд крещения. На Западе те, кто переходят, скажем, из англиканства в католичество или православие, как правило, принимают только миропомазание. Я был крещен в возрасте трех лет в католической церкви. Священник знал это, и этого ему было достаточно. Однако сердце подсказывало мне, что надо начать свою духовную жизнь с нуля.

— Отче, — жаловался я старцу Софронию, — они не хотят меня крестить и приводят в свое оправдание самые разные аргументы. Но в глубине души я-то знаю, что мне нужно не только миропомазание! Я хочу креститься. Что же мне делать?

— Ты уверен, что тебе это нужно?

— На сто процентов!

— Хочешь, я буду молиться о том, чтобы эта ситуация разрешилась?

— Конечно! Вы так добры!

— Я тебе обещаю. Но никому не сообщай, что я за тебя молюсь! Хорошо? В следующий раз, когда встретишься со священником, просто скажи ему еще раз, что хочешь креститься. И больше ничего не говори.

Не помню точно, что именно я сказал священнику в Женеве, но, конечно, я не упоминал отца Софрония. На этот раз ответ был прост:

— Хорошо, крещение состоится в следующую субботу.

О, мой любимый святой отец Софроний!

После того как решение было принято, священник, отец Жан, был очень предупредителен. Для крещения с погружением он одолжил у кого-то большую пластиковую лохань, обычно используемую для изготовления вина.

В назначенный день я пришел не один, со мной явились человек пятнадцать друзей — некоторые православные, некоторые нет. Они преодолели расстояние в сто сорок километров, чтобы добраться из Фрибурга в Женеву.

Уважаемый политик, деятель местного самоуправления и основатель фрибургской православной общины Ноэль Руфо стал моим крестным отцом. Мы заранее обсудили, стоит ли мне брать новое имя. В конце концов отец Жан решил, что в крещении я буду Николаем, потому что это, по сути, то же имя, что и данное мне при рождении.

Мне особенно запомнились два момента. Первый, это когда мне велели три раза повторить отречение от сатаны и сил тьмы. Эта часть таинства проводилась не в церкви, а в современном здании в пригороде Чэмбеси (Chambesy). Будущий христианин, как правило, подтверждает отречение тем, что плюет на дьявола. Это чем-то напоминает экзорцизм. Некоторые плюют символически, формально, но я, помня о моих прежних прочных связях с демонами, сделал это с силой и от души. И представлял при этом, что плюю прямо в лицо сатаны.

Еще одним незабываемым моментом стало третье погружение. Я поднялся из своей «купели». По щекам катились слезы радости. Теперь я полностью «облекся во Христа» — окончательно и навсегда.

Я обращался к отцу Софронию как с духовными проблемами, так и с различными практическими вопросами. Один из них касался первой версии той книги, которую вы сейчас читаете. Началось все с того, что один из лондонских издателей узнал мою историю и загорелся желанием напечатать ее большим тиражом, чтобы распространить по всему миру. Я встретился с его представителем, подписал контракт и получил солидный аванс. Впоследствии мне полагался процент с продаж. Я углубился в радостные подсчеты и решил, что, пожалуй, через пару лет смогу стать миллионером!

Однако когда я приехал в монастырь и рассказал старцу об этой сделке, он не выказал никакого энтузиазма. Напротив, почему-то забеспокоился о моей душе.

— Ты уже подписал договор с издателем?

— Да, отче, я подписал все бумаги в Лондоне.

Я был очень горд собой: еще бы, скоро я стану известным писателем! И еще я полагал, что смогу сделать много добрых дел на те деньги, которые в перспективе получу.

— Ты вскоре окажешься перед лицом очень большой опасности, — строго предупредил отец Софроний. — Сейчас ты

неопытен, как новорожденный младенец, и даже не представляешь, какими уловками может воспользоваться враг. Я написал несколько книг и, поверь мне, знаю, о чем говорю.

— Но я же подписал контракт, и мне уже заплатили большую сумму. У меня нет пути назад, — ответил я.

— Хочешь, я все улажу? Точнее, согласен ли ты, чтобы я помолился об этом?

— Конечно! Вы знаете лучше, что надо делать, и я вам доверяю. Но, поверьте, сейчас уже слишком поздно что-то предпринимать.

Да будет на все воля Твоя, Господи! Вскоре издатель прислал мне письмо, в котором сообщил, что проект заморожен на неопределенное время. Ни один экземпляр так и не был напечатан. Такова была сила молитвы старца — по его слову происходили чудеса. Кстати, лондонский издатель так и не потребовал назад уплаченного аванса.

Прошло более пятнадцати лет. Я переписал книгу от начала до конца, осознав, как много всего мирского и ошибочного было в первом варианте. Это был гимн странствиям и приключениям, которые я пережил на начальном этапе жизни. Таким образом Клаус увековечивал лишь свое эго. Спасибо, дорогой отец Софроний, что уберегли меня от этого! Теперь, читая другую версию книги, вы сами можете судить, преуспел ли я в том, чтобы воздать всю славу Христу. Такова была моя цель на этот раз, и если мне это не вполне удалось, то я искренне прошу у вас прощения.

Некоторые мои знакомые говорили мне, что сама идея публикации книги о себе любимом противоречит духу православия. На это у меня есть лишь одно возражение: работа над финальным вариантом этого издания проходила под руководством моего духовного отца. Я молюсь о том, чтобы эта книга стала водительницей ко Христу, а вовсе не поводом для дифирамбов ее автору.

После того как идею издания собственных мемуаров пришлось отложить, я занялся чтением и проштудировал все, что смог найти в книжном магазине английского монастыря. Некоторые произведения, к которым мне удалось приобщиться, по праву считаются неиссякаемым источником мудрости. Труды отцов Церкви произвели на меня огромное впечатление: они давали столь богатую пищу для ума, что мне показалось, что я насытился ею на всю оставшуюся жизнь. Мне казалось, что не я читаю эти книги, а они читают меня. Все эти труды так или иначе «переводили» Евангелие на язык повседневности. Особенно

понравились мне труды святого, канонизированного уже в XX веке, — сербского епископа Николая Велимировича.

Во время моего третьего визита в монастырь отец Софроний приоткрыл мне завесу еще одной тайны — позволил подсмотреть, как идет работа над его собственными книгами. Далее я процитирую вам отрывок из его книги His Life is Mine[26] («Его жизнь стала моей»).

Вообще, когда мы беседовали, я старался как можно больше записать, но отец Софроний с улыбкой похлопал меня по плечу и сказал:

— Не трудись — ты потеряешь эти записи или просто забудешь о них. Но все, о чем мы с тобой говорили, ты найдешь в моих книгах.

И он оказался абсолютно прав! Мои записки исчезли, я, к своему огромному огорчению, потерял их. У меня осталась только книга, которую старец подписал мне на память. Прочитав ее — это как раз был труд «Его жизнь стала моей», — я был настолько вдохновлен, что решил перевести ее на немецкий. Я считал, что Германии не хватает духовности. Гитлеровская тирания и тяжелые последствия войны привели к тому, что все русские мыслители, а также православные из других стран уехали во Францию, Италию или США. Поэтому оказалось, что на немецком существует гораздо меньше жизненно необходимой духовной литературы, чем на других языках. Германия последовательно уничтожала святых: так, к примеру, святой Николай Велимирович был помещен в концлагерь Дахау (правда, ему удалось выжить). Я был немцем, и хотя иногда страдал от немецких властей (например, оказался в тюрьме 13 августа 1961 года: в этот день как раз начали строить Берлинскую стену, а я направлялся в Восточный Берлин), я сочувствовал своим соотечественникам и хотел, чтобы им были доступны лучшие православные труды.

Я попросил у старца благословение на то, чтобы сделать перевод. Поначалу он просто улыбался — наверное, думал: «Бедный Клаус, он и не понимает, во что ввязывается». Но я продолжал настаивать, и он наконец дал свое согласие. Его благословение возымело практическое действие: у меня появились два помощника, совершенствовавшие мой сырой перевод.

Большая часть книги посвящена Иисусовой молитве, и вот что говорит о ней старец:

«Недостаточно просто произносить слова молитвы. Очень важно на самом деле любить Того, Кого вы призываете. Механическое повторение молитв и даже правильные мысли в

этом не помогут. Тщетно взывать к Нему, если мы не стараемся всеми силами исполнить Его заповеди. Господь ясно дает понять, что не стоит произносить Его имя всуе (Исх. 20: 7). Обращаясь к Иисусу, мы должны не только сознавать, что окажемся в присутствии Бога Живого, но и помнить, что Он обладает истинной мудростью.

Люди часто винят Бога во всех своих несчастьях — в войнах и в несправедливости, царящей в мире. Многие спрашивают: „Как же Он попускает такое?“ Однако таким образом человек заново распинает Иисуса, вместо того чтобы сораспяться Ему, принеся на крест все свои грехи. Тогда через даруемое Богом прощение он будет освобожден от укоров совести и ответственности за содеянное. В этом драма сегодняшнего дня. Человечество обвиняет Бога в существовании всего зла в мире. При этом христианин начинает свой путь с того, что познает Бога и пытается понять: действительно ли Он виновен во всем, или зло все же коренится в человеческом сердце».

Нам отводится очень немного времени в настоящем (мы его называем «наше время»), и за этот период необходимо отыскать дорогу в рай. Иоанн Креститель указывает, как это сделать: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное»[27]. Однако покаяние возможно, только если осознаешь свои слабости. А увидеть и признать их мы можем, только призывая Духом Святым имя Христа. Это имя, как пуповина, связывает нас с Богом, и так мы обретаем божественную силу. Без нее мы ни на что не способны.

Если осмысливать значение имени Иисуса с позиций чисто теоретического богословия и пропускать все это только через разум, минуя сердце, то в жизни христианина образуется пустота. Поминание Святого Имени не должно стать интеллектуальным или психологическим упражнением. Такая молитва — лишь бесполезная трата времени.

Мы хотим иметь все и сразу — как можно быстрее. Эзотерика обещает человеку немедленный успех. Призываю вас не совершать ошибку, поддаваясь на такие посулы. «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные»[28]. Эти волки терзали и меня в былые времена. Благодаря публикации моей книги на разных языках я узнал о других многочисленных жертвах этих хищников. Таких жертв среди церковных и нецерковных людей становится больше, в их жизни происходят трагедии, и это не может не тревожить.

Позвольте снова вернуться к моему собственному опыту знакомства с индуизмом и буддизмом. Медитативные практики

этих религий дали мне возможность пережить соприкосновение с иным миром и войти в те сферы, которые находятся за пределами моего понимания. Метод заключался в том, чтобы изгнать все мысли и погрузиться в некое мистическое состояние вне времени и пространства. Мне казалось, что в какой-то мере я обрел покой — во всяком случае, изменчивый мир и череда мелькающих событий меня уже не занимали. Создавалось впечатление, что я вот-вот коснусь вечности. Но во всем этом опыте я никогда не сталкивался с Живым и Истинным Богом. Все практики были лишь прикрытием самолюбования. Мы, монахи, интересовались только собой, считая себя центром вселенной. Отец Софроний так писал об этом: «Последователь подобных практик получает откровение о себе, и не прозревает Бога как высшее начало. Та же трагедия случилась с Адамом и привела к грехопадению. Трансформация происходит незаметно*: кто-то* превращается во *что-то* через имперсональную, то есть внеличностную, медитацию. Человек больше не может познавать Бога как личность и становится жертвой обмана, почитая себя самого Богом. Ослепленный и потрясенный открывшимся ему прекрасным и удивительным опытом, он встает на путь саморазрушения, потому что верит, что своими силами может вернуть себя в первозданное состояние — такое, в котором пребывал до рождения. В восточных религиях существование до появления на свет понимается как внеличностное существование. В итоге человек уничтожает себя, приходит к небытию, к распаду вместо целостности. В то время как Бог действует наоборот: вызывает нас из небытия к бытию, провозглашая: „Я есмь Сущий“».

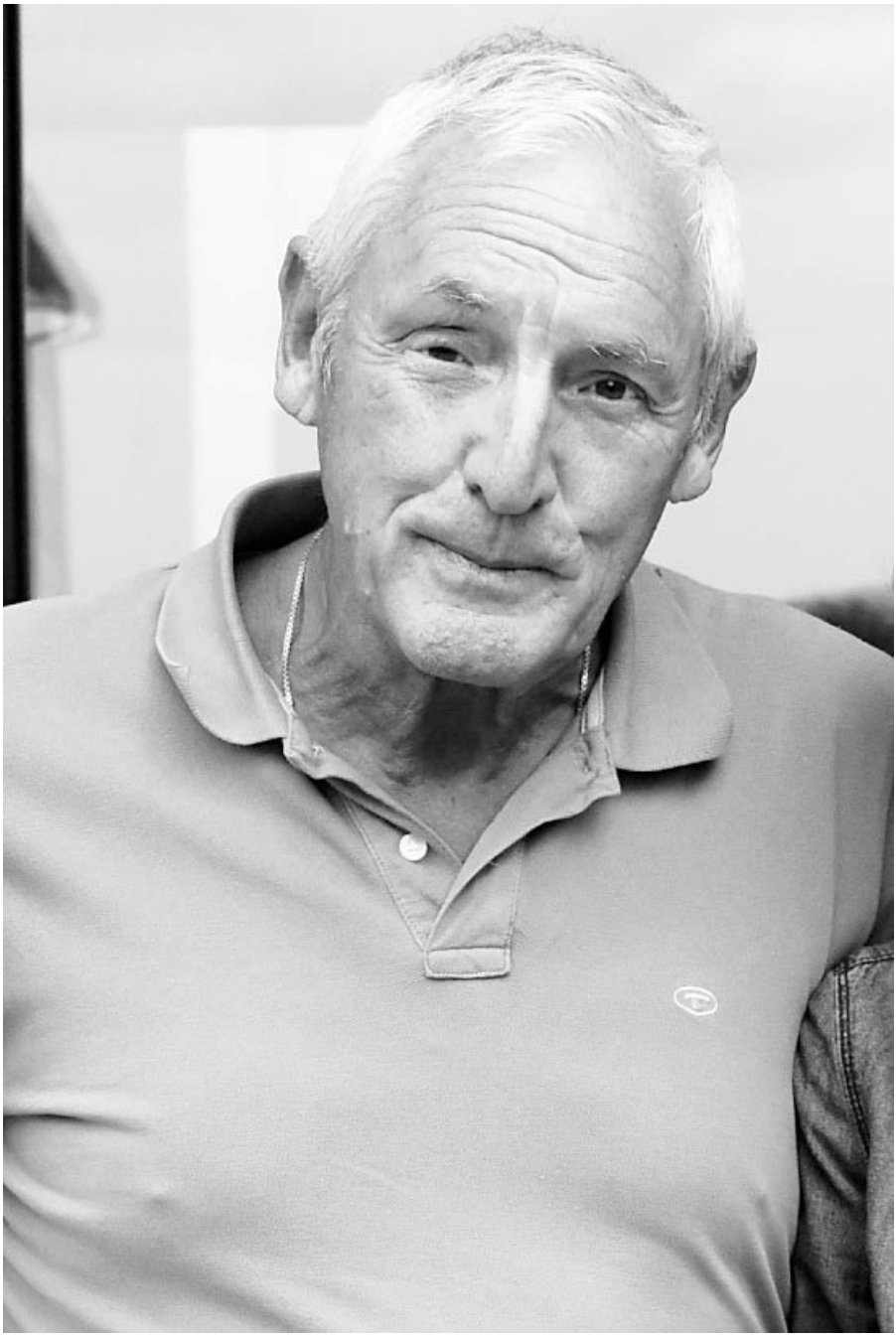
Из этого следует, что молитва всегда должна быть личной. Мы обращаемся к Богу, стоя лицом к лицу. Он создал нас, чтобы мы по Его благодати причастились Его Божественной Сущности, но при этом не теряя свою неповторимую индивидуальность. Именно это имеется в виду, когда мы говорим о бессмертии. Оно может быть достигнуто, только если мы преодолеем все мирское. К сожалению, как в светских, так и в христианских кругах (независимо от деноминации) я вижу противоположные процессы. Никто не борется за то, чтобы противостоять миру сему. Напротив, большинство людей, включая пасторов и священников, всеми силами пытаются уйти от аскетики, избежать страданий и участия в битве против мирского влияния. Все заняты поиском самооправданий, а потому не способны увидеть Божий замысел, стоящий за искушениями и испытаниями. Однако обращенный к нам призыв ясен: мы, пребывая во Христе, должны победить мир. Отделяя себя от Бога, мы сами оказываемся побежденными и

порабощенными смертью. Поэтому глупо следовать за лжеучителями и лжепророками, вне зависимости от того, по какой причине вы попали в их сети. Они подменяют мудрость Церкви своими личными измышлениями и таким образом отрицают Христа. Ведь вместо любви к ближнему они проповедуют равнодушие ко всему и всем и любовь к себе. А таким путем не обретешь своего подлинного «я». Более того, потеряешь всех близких и даже придешь к отчуждению от всего человечества, ибо оно изначально создано как единое в Боге. Самым страшным врагом любви к ближнему является гордыня. Сила ее велика. Мы должны стремиться сокрушить ее, потому что жажда власти убивает душу. Если этот грех продолжает жить внутри, все наши обращения к святому имени Божьему будут тщетны. Смирение — вот единственное лекарство против властолюбия и гордыни. И это нам наглядно показал Христос. Подлинно христианская молитва предполагает, что человек призывает имя Иисуса: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного (и весь сотворенный Тобою мир)». Старец Софроний часто повторял: «Если вовремя усвоить эту исходящую из сердца молитву, то она будет работать даже тогда, когда находишься на смертном одре и сознание почти отключилось. Непрерывно взывая к имени Иисуса Христа, мы приготовляем душу к путешествию в вечность. Но без смирения невозможно искренне молиться. Благодаря ему мы можем видеть себя в истинном свете, то есть осознавать, как далеки мы от Бога!»

В таком состоянии отделенности и отчуждения от Него я провел тридцать шесть лет своей жизни. Это был мой личный ад.

Книга эта была написана для того, чтобы засвидетельствовать: человек может получить прощение, пройти путь от «разума к сердцу», его сердце способно измениться. Это может произойти в любой момент, в любом месте, при любых обстоятельствах. Главное, чтобы души коснулась любовь Отца, Сына и Святого Духа. Непередаваемая, неописуемая Божья любовь носилась над водами еще до сотворения мира, она и по сей день парит над миром, охватывая собой все сущее. Если ты готов распахнуть свое сердце, она войдет в него прямо здесь и сейчас.

Господь Иисус Христос, Сын Божий, помилуй меня, грешного!



Клаус Кеннет в 2018 году

Об авторе

Клаус Кеннет родился в 1945 году, женат, живет в Швейцарии и Черногории. Много путешествует по миру, занимается миссионерской и благотворительной деятельностью, свидетельствует о православной вере и жизни, принимает участие в конференциях и читает лекции, выступает по телевидению, радио, в печатных изданиях, в университетах, мэриях, церквях и молодежных организациях. Помимо немецкого свободно владеет английским и французским языками.

Вы можете найти его на Facebook и в You Tube. Книга, которую вы держите в руках, — автобиография Клауса Кеннета, ставшая бестселлером. Впервые она была издана в 2001 году с названием *Born to Hate, Reborn to Love,* с тех пор переведена на двенадцать языков и издана во многих странах.

Примечания
1

При первом издании в 2001 году книга называлась *Born to Hate, Reborn to Love* («Рожденный ненавидеть, возрожденный любить»). Однако при дальнейших изданиях на разных языках названия книги несколько раз менялись. С любезного согласия автора для русскоязычной версии мы взяли немного измененное название немецкого издания.

Вернуться

2

См. Исх. 20: 5.
Вернуться

3

Андреас Баадер, Ульрика Майнхоф — городские ультрарадикальные террористы, действовавшие в Германии в 1960—1970-х гг. Их группа носила также название «Фракция Красной армии».

Вернуться

4

Мескалин — наркотик стимулирующего действия. Представляет собой алкалоид, получаемый из кактуса пейот.

Вернуться

5

Имеются в виду созданные миссионерской благотворительной организацией специальные заведения в трущобах Калькутты для бедных тяжелобольных и умирающих людей.

Вернуться

6

С 1947 г. территории штата Джамму и Кашмир являются предметом спора между Индией, Пакистаном и КНР. В начале 1970-х гг. в этом районе велись активные боевые действия.

Вернуться

7

Children of God («Дети Бога») — секта, основанная в конце 1960-х гг. в США и получившая распространение в странах Европы. Учение ее идеологов основано на христианских догматах, однако к ним добавлены нетрадиционные верования. К секте присоединились многие участники движения хиппи, которые привнесли в ее ритуалы свойственную им свободу нравов и идею сексуальной революции.

Вернуться

8

Пума — один из наиболее распространенных символов в странах Латинской Америки.

Вернуться

9

Здесь и ранее проповедник цитирует Послание апостола Павла к Филиппийцам, гл. 4.

Вернуться

10

Рим. 8: 28.
Вернуться

11

И мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе (Флп. 4: 7).

Вернуться

12

В русском переводе «Наука бытия и искусство жизни».
Вернуться

13

1 Пет. 5: 8.
Вернуться

14

«Маран-ата» или «Маран-афа» — эсхатологический возглас на арамейском языке «Господь грядет!» или «Гряди, Господи!».

Вернуться

15

Флп. 4: 7.
Вернуться

16

Мф. 6: 33.
Вернуться

17

Откр. 3: 7—8.
Вернуться

18

Мф. 5: 4.
Вернуться

19

Biel — у этого города два названия: Биль (нем.) и Бьен (фр.). Вернуться

20

1 Кор. 10: 12.
Вернуться

21

Архимандрит Софроний (Сахаров) (1896—1993) — священнослужитель Константинопольской Православной Церкви, ученик святого Силуана Афонского, написал о нем книгу «Старец Силуан». Родился в России, эмигрировал после революции, был монахом на Афоне. После войны выслан с Афона по политическим соображениям вместе с группой русских монахов и в 1947 г. переехал во Францию, где служил в церкви святителя Николая при Русском доме в Сент-Женевьев-де-Буа. В 1959 г. переехал в Великобританию, где основал монастырь святого Иоанна Предтечи в графстве Эссекс.

Вернуться

22

Мф. 20: 26—27.
Вернуться

23

См. Лк. 6: 27.
Вернуться

24

См. Мф. 23: 12.
Вернуться

25

Мф. 16: 24.
Вернуться

26

Эта книга была изначально написана по-русски, но издана лишь в переводах.

Вернуться

27

Мф. 4: 17.
Вернуться

28

Мф. 7: 15.
Вернуться